

АЖЕНТ ЛЬМЕН

«Ларба-Сирин»

ЕВГЕНИЯ БЕРГЕР

От старого дела де Моранвиллей, до сих пор не раскрытого, как бы там ни было, зависят жизни двух дорогих Джеку людей. И когда старый граф предлагает ему во всем разобраться, Джек не может от этого отмахнуться и соглашается. И вот его путь опять лежит в Англию, где в компании старых и новых друзей ему предстоит не только найти разгадку нашумевшего некогда дела, но и устроить свою личную жизнь! И без сюрпризов, не всегда радостных, эта новая веха в жизни героя не обойдется.

Евгения Бергер

Джентльмен с Харви-стрит

Эпизод первый

Из переписки Аманды Уорд с матерью:

Италия, Лаго-Маджоре. 3 сентября, 1868 года

Здравствуйте, матушка и отец!

Время летит так стремительно, что два месяца с нашей последней встречи пролетели как миг. Я едва ли сумела заметить его... Здесь, на вилле сеньора Фальконе, в окружении гор и пышного буйства природы, временные границы стираются, словно их вовсе не существует... А свежий воздух и солнце возвращают мне, между тем, прежние силы.

Моя неожиданная болезнь, сразившая меня так внезапно, под их воздействием постепенно проходит: слабость в ногах сделалась меньше и головокружения более не повторяются чаще одного-двух раз на день. Доктор Сорентино считает, что через месяц-другой я полностью встану на ноги, но пока настоятельно не советует отправляться в дорогу, особенно в сопровождении одной лишь служанки, нанятой здесь же, в Италии, ведь Анна Баррет, моя дорогая подруга, насколько вы знаете, месяц назад вернулась в Англию, не дождавшись моего полного восстановления.

Вам не стоит винить ее, матушка: здесь, на вилле сеньора Фальконе, меня окружили такой горячей заботой, что она оставляла меня с легким сердцем. И хозяин, и слуги одинаково хорошо ко мне расположены... Удивительно, как прежде незнакомые люди способны сделаться вдруг друзьями в какие-то несколько дней, не говоря уж о месяцах.

Кроме того, нахожусь нужным уведомить вас, что с приближением холодов Сент-Готард, исходя из капризов природы, может быть временно недоступен для проезда почтовых карет, курсирующих между Миланом и Флюэленом, а потому, может стать, что мне придется остаться в Италии до весны.

*Сеньор Фальконе со всей искренностью уверяет, что мое пребывание в стенах его дома не доставит ему никаких неудобств: он счастлив помочь и шлет вам с отцом самые теплые пожелания и приветы. И приглашает посетить его виллу, двери которой всегда открыты для его *la famiglia!**

А посему с наилучшими пожеланиями, ваша дочь Аманда Уорд.

Англия, Лондон, 12 октября, 1868 года

"Здравствуй, Аманда!"

Мы с отцом одинаково обеспокоены тем положением, в котором ты оказалась: эта болезнь, которая, к счастью, как ты уверяешь, проходит, сделала тебя чуть ли не пленницей этого итальянского джентльмена. Ты уверена, что этот, так называемый, доктор, который лечит тебя, — не шарлатан, не сведущий в лечении пациентов? Мы с отцом полагаем, что случись эта хворь с тобой в Англии, доктор Маккензи, пользующий нашу семью уже долгие годы, давно бы поставил тебя на ноги. Ты еще достаточно молода, чтобы страдать от затяжных недомоганий, и все-таки этот Фальконе, которого ты постоянно упоминаешь, не отпускает тебя. Прилично ли юной леди, пусть и вдове, так много времени проводить в обществе незнакомого человека, жить в его доме и при этом не вызывать сплетен, столь губительных для ее репутации?

Аманда, дочь моя, ты должна вернуться домой и сделать это, как можно скорее! Лучшее всего — к началу сезона. Так как формально ты все еще в трауре, танцевать на

балах тебе вряд ли придется, но показать себя выгодным женихам лишним не будет. Подумай сама: состояние твоего бывшего мужа нуждается в твердой руке. Тебе нужен мужчина, способный им верно распорядиться! Управляющие — все воры, они гребут в свои же карманы, и мы с отцом не хотим, чтобы ты осталась ни с чем.

Есть один джентльмен, приятной наружности и весьма обеспеченный, он вдовец с тремя маленькими детьми, который ищет для них достойную мать, и отец полагает, что для тебя эта партия стала бы подходящей. Ведь может стать, как бы мне не хотелось этого признавать, что ты не способна к деторождению — после почти двух лет брака ты так и не понесла от умершего мужа — а у этого джентльмена уже трое детей, и он будет терпим к твоей маленькой женской неполноценности..."

— Женской неполноценности? — в сердцах повторила Аманда, оторвав взгляд от пляшущих строчек перед глазами. — Боже мой, мама.

Рука невольно легла на живот, как случилось частенько в последнее время, а как будто тронула пустоту. Этот ребенок, которого ей так сложно было сначала принять, теперь ощущался невосполнимой потерей... Казалось, что-то в ней опустело без той крохотной зарождающейся искры новой жизни, покинувшей ее вместе с кровью в той хижине на продавленном старом матрасе. Она оплакивала ее в тишине ночи, ни с кем, даже с Джеком, не делясь своим горем. Казалось, он не поймет, еще и осудит: она как-никак понесла от другого мужчины, который, пусть и не был любим ей всем сердцем, все-таки стал по-своему дорог. Уорд был добр к ней и терпелив, и за это она вспоминала о нем с теплотой, сожалея вдвойне, что не смогла подарить ему сына, о котором он так мечтал.

А ей, как Аманда теперь понимала, хотелось маленького ребенка. И от страха, что после выкидыша она больше не сможет зачать, сжималось сердце.

Вдруг мать права, и она стала бесплодной?

Кому нужна женщина, не способная выносить сына?

В дверь постучали, и девушка встрепенулась, стиснув бумагу в руке.

— Аманда, ты как? Скоро вернется Фальконе, можем дожидаться его на террасе и первыми узнать новости. — Розалин Харпер замерла на пороге, заметив, должно быть, в подруге какой-то надлом. — Эй, что с тобой? — Она прошла в комнату и коснулась чуть подрагивающего плеча. — Тебя расстроило что-то в письме? Оно от родителей?

Аманда кивнула.

— От матери. Пишет, что мне неприлично оставаться здесь дольше и требует, чтобы я возвратилась к началу сезона. Мне подобрали нового мужа... — насмешливо улыбнулась она. — Вдовца с тремя маленькими детьми.

Мисс Харпер вскинула брови и отозвалась ей в тон:

— Как великодушно с их стороны. И очень предусмотрительно! — И серьезней: — Ты поэтому так расстроилась?

— Отчасти, — призналась Аманда, задумавшись на секунду. — Дело в том, что здесь, рядом с Джеком, я будто стала другим человеком, не знаю, поймешь ли ты, но это письмо... Оно напомнило снова, кем я являюсь по сути: бесправной собственностью либо родителей, либо мужа. А я не хочу быть ничьей, кроме Джека! И родителям стоит об этом узнать...

— Так скажи им. Ты взрослая женщина, заслужившая право распоряжаться собой!

Розалин была сильной, Аманда знала об этом: она не боялась отстаивать свое мнение и бороться за свое право. Но ей, далекой от светского общества, было легче бороться с

косностью и предубеждением света... Аманда же понимала, что ее битва не будет простой. Стоять до крови — вот что ожидало её, и это пугало.

— Так я и сделаю, — сказала она. — И чего бы мне это ни стоило, я буду с мужчиной, который любит меня и без которого я сама не мыслю себя!

Мисс Харпер ободряюще улыбнулась, сжав ее руку.

— Кстати, о нем, — сказала она, — не заглянешь ли в классную комнату и не узнаешь, закончили ли они с маэстро Террини урок? Я пока распорядюсь насчет чая и буду ждать вас двоих на террасе. Не пропадайте! — С этим напутствием, сопровождающимся лукавой улыбкой, она поспешила в сторону лестницы, а Аманда, согнав с лица смущенный румянец, направилась в классную комнату, где маэстро Террини уже второй месяц кряду, точно по расписанию, обучал «внука» сеньора Фальконе итальянскому языку.

— О, сеньорита Аманда, счастлив видеть вас в добром здравии! — воскликнул маэстро, едва увидев её.

— Благодарю, маэстро Террини! Наша радость, как обычно, взаимна. Как ваш ученик? — осведомилась она. — Успешен в учебе?

Джек, сидевший за партой, как какой-то школяр, откинул со лба длинную челку, явно смутившись, и завинтил крышку чернильницы, делая вид, что не слышит их диалога у себя за спиной.

— Молодой сеньор Джино — невероятно сообразительный молодой человек, — поспешил уверить ее собеседник. — Он схватывает все налету. Уверяю вас, в скором времени он заговорит на родном языке так же уверенно, как и любой коренной житель нашей прекрасной страны!

Джек поджал губы, впорившись взглядом в столешницу перед собой и вода пальцем по сколу в дереве, возможно оставленному еще рукой его мнимой матери, Аллегры Фальконе. Маэстро, между тем, простился с обоими и, едва успел выйти за дверь, как руки Аманды обняли молодого человека со спины, а тихий голос защекотал щеку:

— Джек, ну ты что такой мрачный? Улыбнись уже. Тебя, между прочим, хвалили, а не помоями обливали!

— Искренне ли? — отозвался он, наслаждаясь самой ее близостью, с каждым днем ощущавшейся все острее. — Ему, знаешь ли, положено так говорить за те деньги, что граф платит ему за мое обучение. Но ученик я посредственный... Не понимаю к тому же, зачем Фальконе настаивает на этих уроках.

— Но мы ведь хотим остаться жить здесь, в Италии, значит, знание языка тебе пригодится.

— Ты права, — вздохнул Джек. — Просто весь этот фарс... Он утомляет. Я не привык ко всему этому!

— Хочешь сказать, я утомляю тебя? — улыбнулась Аманда, поцеловав его в щеку. И отпустила, отступив на два шага...

Джек мгновенно подорвался на ноги и, в долю секунды нагнав её, обнял крепко за талию.

— Ты ведь сейчас не всерьез? — спросил совсем тихо, заглядывая в глаза.

Аманда затрясла головой.

— Я дразнюсь, ты ведь знаешь. Просто хотела расшевелить тебя!

— И тебе удалось. — Джек приподнял ее и закружил с нее по комнате, едва не сбив жардиньерку с цветами и стул, на котором прежде сидел. Чернильница, к счастью, закрытая,

все-таки покати́лась под стол и полетели на пол тетради...

— Джек, ну что ты творишь?! Сейчас ведь слуги сбегутся и подумают невесть что.

— Они и так знают, что я люблю тебя. — Он, наконец, опустил ее на пол и поцеловал.

Каждый раз, когда Джек касался ее, а тем более целовал, Аманда как будто переносилась в другой, неизведанный мир, мир, полный красок и света, и ощущений таких мучительно-острых, но прекрасных одновременно, что сердце, сбиваясь с привычного ритма, стучало в какой-то особенной, новой тональности, свойственной лишь ему одному в руках конкретно этого человека.

Её человека.

— И я люблю тебя, Джек, — прошептала, прижавшись к нему и почти излечившись от гнетущего впечатления, вызванного прочтением письма матери.

Эпизод второй

Сеньор Гаспаро Фальконе вернулся на виллу уже ближе к вечеру: дорога из Милана до Стрезы оказалась размыта недавним дождем, и вознице пришлось ехать в объезд, что его господин едва ли заметил, занятый мыслями о завершившемся давеча шумном процессе над его родною племянницей, Агостиной де Лукой.

Несмотря на сделанное ею признание, нанятый адвокат, один из лучших в Милане, построил защиту на основании ее временной невменяемости: якобы ослепленная ревностью и любовью к молодому сеньору Камберини, женщина плохо соображала, когда отперла дверь и заманила в недра винного погреба сначала глупого пса, а после — его хозяйку. Исходя из его блистательной речи можно было даже подумать, что Агостина сама намеревалась спуститься в «смертельные тенета винного погреба», желая покончить с собой, и судья, проникшись жалостью к ее разбитому сердцу и снизойдя к заслугам ее аристократических предков, вынес довольно снисходительный приговор.

— Десять лет заключения в стенах Сан-Витторе, миланской тюрьмы, — сообщил своим слушателям, собравшимся на террасе, Фальконе.

Они уже поджидали его, и он сразу же прошел к ним, понимая, с каким нетерпением они ждали все это время оглашение приговора. Как-никак слушание по делу де Луки всколыхнуло не только Милан, даже римская «Messaggero» периодически выкладывала статьи, подробно описывающие происходящее в зале суда. И имя Фальконе, в чьем доме случилось несчастье, будучи у всех на слуху, обросло недоброю славой...

После продолжительного молчания, вызванного словами Фальконе, первым откликнулся Джек:

— То есть теперь всё закончено? — спросил он. — Нужда в дальнейшем притворстве отпала?

Его мнимый дед, сведя вместе кончики пальцев и не сразу откликнувшись, наконец произнес:

— Это как посмотреть, мальчик мой. Процесс едва завершился, и слухи о нем еще нескоро затихнут, к тому же... еще предстоит уладить вопрос с наследованием состояния де Луки. Это как-никак прецедент: нечасто при живом-то наследнике прямой линии наследство переходит в сторонние руки. А здесь именно так и случится, коли получится все уладить...

— То есть все еще НЕ закончилось?

— Как видишь, нисколько, — ответил Фальконе и посмотрел Джеку в глаза. — Неужели, мой мальчик, ты так сильно тяготишься жизнью на вилле, подле меня, что готов как можно скорее оставить и то, и другое? — осведомился вдруг он с грустной улыбкой. — Мне казалось, ты должен быть счастлив, находясь в окружении преданных друзей и возлюбленной.

— Так и есть, — живо откликнулся Джек, — я счастлив, действительно счастлив. Ни на секунду в этом сомневайтесь! Время, проведенное здесь, на вилле Фальконе, навсегда останется в моем сердце, как самое драгоценное! — Пальцы Аманды переплелись с его пальцами, и он крепко сжал ее руку.

— Тогда к чему эта спешка? — осведомился старик.

Аманда знала, что вопрос этот более чем риторический: ответ Фальконе и так был

известен, но все-таки заступилась за Джека.

— Джек просто слишком порядочный, чтобы обманывать. Это вынужденное притворство претит ему...

Фальконе кивнул.

И улыбнулся...

— Слишком порядочный, чтобы жить за чужой счет в красивом доме подле очаровательной девушки, влюбленной в него? — с беззлобной насмешкой произнес он. — Да многие бы мечтали об этом. Ах, Джино, Джино, с такими принципами многого не добиться! Особенно в полицейской работе.

— Вряд ли мне быть полицейским, — смутившись, парировал молодой человек. — Эта работа не для меня. В этом вы правы...

— Тогда чем же ты намерен заняться, едва освободишься от тяжелой обязанности разыгрывать моего внука?

Джек смутился сильнее, но пальцы Аманды стиснули его руку, и он решил признаться.

— Сеньор Джонсон предлагал обучить меня некоторым особенностям своей работы. Я подумывал согласиться...

— Хочешь стать частным сыщиком?

— Почему бы и нет? Сыск всегда интересовал меня в первую очередь.

— А что скажете вы, сеньорита Уорд, — обратился к Аманде старик, — готовы связать свою жизнь с детективом? Не передумали еще?

— Никогда не передумаю, — уверила его девушка категорически.

А Фальконе допытывался:

— То есть вы уже сообщили родителям, что намерены остаться в Италии и переменить свою жизнь? И даже написали поверенному, дабы он от вашего имени уладил вопросы с вашим финансовым обеспечением здесь, в новой стране?

Аманда вспыхнула: ничего этого она, конечно, не сделала и восприняла сказанное Фальконе упреком.

— К чему эти вопросы? — осведомилась она. — Вам прекрасно известно, что ни первое, ни второе мною не сделано.

— То-то же. — Фальконе поднялся на ноги и хмыкнул в кулак, окинув своих собеседников взглядом. К слову, мисс Харпер за все это время не сказала ни слова, но старик не оставил ее без внимания. — Вот и мисс Харпер у нас как бы в подвешенном состоянии... Да и я сам...

— Что вы хотите этим сказать? — живо откликнулась компаньонка. — Мое положение более чем устраивает меня. Или вы вознамерились уволить меня?

— Как вы, однако, скоры на суждения, — попенял ей Фальконе, покачав головой. — И вовсе я не намерен вас увольнять, юная мисс. Просто подумал, что у вас, наверное, есть семья, те, кто о вас беспокоятся и волнуются... И жених есть, насколько я знаю.

— Был, — поправила его компаньонка. — Помолвка разорвана, как вы понимаете.

— Но мне показалось...

— Вам показалось, сеньор... — Мисс Харпер взволнованно стиснула руки и посмотрела в безмятежную синь горного озера. Оно, это озеро, будто и вовсе не знало ни бурь, ни волнений, не то что мисс Харпер, вспомнившая не к месту недавнюю встречу с бывшим возлюбленным. Для нее она стала слишком большим душевным волнением, чем-то вроде

тропического тайфуна: как-то враз вспыхнуло то, что, казалось, угасшим, и теперь жгло даже больше, чем прежде. Но отогнав от себя эти мысли и устыдившись резкости своих слов, мисс Харпер добавила: — У меня есть сестра. Я пишу ей время от времени, но не часто, чтобы не скомпрометировать ее письмами от преступницы.

Теперь пришло время сеньора Фальконе возразить своей собеседнице:

— Вы не преступница, Розалин, и мы все знаем об этом. И я считаю несправедливым, что вы, неся на себе это клеймо, перечеркнули всю свою прежнюю жизнь.

Женщина вскинула взгляд, потемневший, больной, и, не улавливая подтекста, спросила глухо:

— Зачем вы говорите мне это?

— Затем, что вам стоит вернуться и разобраться во всем. — И поспешно добавил в ответ на ужас, мелькнувший в глазах компаньонки: — Или хотя бы повидаться с родными. В конце концов, я уверен, вы и сами хотели бы этого.

— Но я не могу! — воскликнула женщина. — Я не могу даже думать об этом. Как вы сами не понимаете: срок давности преступления еще не истек, Энтони... — она осеклась, — мистер Ридли сам так сказал. Если я окажусь снова в Англии, то меня ждет тюрьма, а возможно, и виселица. Вряд ли там станут разбираться в произошедшем: признают само мое бегство признанием в преступлении. Сеньор, вы хотите избавиться от меня? Я настолько вам опротивела?

— Святая Мадонна, мисс Харпер, я и представить не мог, насколько сильно вы итальянка в душе! — отчего-то развеселился старик. — Какая экспрессия, страсть... Но я, право слово, не такое чудовище, чтобы желать вашей смерти на виселице, поверьте. Наоборот, я желаю вам только добра!

— Тогда закроем эту болезненную для меня тему, прошу. Я никогда не вернусь в Англию! Никогда.

— И все-таки я бы не зарекался. — Фальконе окинул присутствующих еще одним многозначительным взглядом.

Джек, уже догадавшись, что разговор этот начат им неспроста, осведомился:

— Вы что-то хотите сказать, не так ли, сеньор? Что-то важное...

— Да. — И старый граф оправил батистовые манжеты своей белой рубашки, по старой моде прикрывавшие кисти рук. — Я намерен отправиться в Англию, господа. И все вы поедете вместе со мной!

После секундной, но оглушительной тишины, когда даже птицы в саду, казалось, перестали скакать с ветки на ветку, оглашая воздух своим неумолчным концертом, обе девушки воскликнули в унисон:

— Я не поеду. — Аманда Уорд.

— Ни за что! — Розалин Харпер.

И только Джек сглотнул ком, вставший в горле...

Но ничуть не взволнованный подобной реакцией, Фальконе, по-королевски взмахнув старческой рукой, сказал:

— Это даже не обсуждается, сеньориты. Во-первых, я не отправлюсь в такой долгий путь без своей компаньонки... — Выразительный взгляд. — Доктор Сорентино ни за что меня не отпустит без вас, — в сторону Розалин Харпер. — А, во-вторых, вам, моя милая миссис Уорд, не помешает вернуться и разрешить все вопросы с наследством и вашими же родителями на месте, а не в бездушной, довольно утомительной переписке.

— Но...

Фальконе пресек возражение девушки очередным взмахом руки.

— А тебе, Джек, — посмотрел он на парня, — как знать, возможно получится разузнать что-то по делу де Моранвиллей. Инспектор Ридли, насколько я знаю, не оставляет попыток во всем разобраться!

Тут уж мисс Харпер не выдержала и, метнувшись вдоль каменного балкона, и сама чисто по-итальянски замахала руками.

— Нет, нет и еще раз нет, — сказала она, уже даже и не пытаясь казаться спокойной. — Это безумие чистой воды. Если Аманде и стоит отправиться в Англию, дабы решить, как вы и сказали, вопросы с наследством и повидаться с родителями, то мне делать там нечего. Как и Джеку. Если бы тайну смерти маленького Анри и можно было бы разрешить, то Энтони... Ридли давно бы ее разрешил. Так для чего тратить усилия и средства в тщетной надежде на возможный успех?! Это бессмысленно. Я ни за что не вернусь...

Фальконе, невозмутимо за ней наблюдавший, возразил все же:

— Розалин Харпер может не возвращаться, а вот моя компаньонка, Розалин Ридли, отправится со мной в Англию.

— Вы не имеете права меня принуждать. — Их взгляды скрестились. — Я увольняюсь прямо сейчас. Сеньор Фальконе, рассчитайте меня!

Последовала еще одна долгая пауза, и Фальконе вдруг схватился за сердце, откинувшись на подушку. И застонал, прикрыв полуобморочные глаза...

Аманда бросилась к старику и стиснула его руку.

— Что с вами? Вам плохо? — И к застывшей, бледной, как простыня, Розалин: — Боже мой, Розалин, помоги же, я не знаю, что делать...

Та, опомнившись, наконец, извлекла из шатлена склянку с лекарствами и накапала несколько капель в стакан.

— Сеньор Фальконе, это лекарство. — Она поднесла стакан к губам старика и, придерживая его за безвольно повисшую голову, заставила сделать глоток.

— Вот видите, до чего вы меня довели, бессовестная девчонка, — попенял тот через секунду, приоткрыв один глаз. — Никак смерти моей захотели! А я умру, непременно умру, когда некому будет за мною присматривать.

— Ваш внук присмотрит за вами.

— Тот самый, что спит и видит, как покидает меня?

— И вовсе я... — вспыхнул от возмущения Джек, но старик продолжал, обращаясь к мисс Харпер:

— Джек — славный мальчик, но совсем не смыслит в лекарствах... и стариках. — И открыв второй глаз: — Неужели, бесчувственная вы женщина, вы покинете старика, желающего под конец жизни навестить могилу собственной дочери? Моей бедной Аллегры, похороненной на чужбине, в холодной, английской земле.

Глаза его снова закрылись, а дыхание участилось. Мисс Харпер тоже прикрыла глаза, понимая уже, что старик разыграл тот единственный туз, перебить ставку которого ей не удастся.

— Допивайте лекарство, сеньор, — сказала она, выдыхая колючий комок, закупоривший горло.

Эпизод третий

Впервые за долгое время Розалин Харпер проснулась в холодном поту и рвущимся из груди сердцем: ей опять приснилась удавка пеньковой веревки, сдавившая шею до хруста, — не продохнуть. Она тщетно ослабляла её онемевшими пальцами, пихала их между грубой петлей и своей кожей на шее, но дышать уже было нечем... Она задыхалась. Она умирала на виселице, как детоубийца. И толпа ликовала, наблюдая за этим.

Она села в постели и, глотая воздух рывками, как в самом деле задыхавшаяся в петле, обхватила шею руками, убеждаясь, что это лишь сон, кошмар, вернувшийся снова, а не реальность, пугающая до дрожи.

Петли не было. И ничто не мешало дышать, но она все равно не могла успокоиться: снова и снова хваталась за шею, убеждаясь в нереальности сна. И умом понимала, что, если что-то и стопорило дыхание, так это сердце, подскочившее к горлу, да так там и стучащее, но эмоции были разуму не подвластны, и Розалин, в панике вглядываясь в замысловатые тени, скользящие по стенам, видела не дрожащие на ветру ветви деревьев, а остов виселицы, построенной для нее.

Страх перед смертью на эшафоте, с петлей на шее, зародил в ней отец своими рассказами: он бывало, вернувшись с работы и засев с трубкой у очага, целый вечер мог развлекать себя и детей историями из прапрадедовой жизни. Тот служил городским палачом в Баббакомбе и дело свое уважал, полагая его крайне важным для общества. И выполнял его добросовестно... «Хотя, видит Бог, и на старуху бывает проруха, — отец смеялся, рассказывая об этом, и хлопал себя по коленке, — и даже Джон Харпер однажды опростоволосился: четыре раза «вешал» одного парня. Нет, вы только представьте, четыре раза! Первый раз этот бедняга оборвался и упал на ноги; во второй раз отвязалась веревка, и тот упал во весь рост; в третий растянулась веревка, а в четвертый — вашему деду пришлось его приподнять, чтобы скорее удушить парня, так как веревка была слабо завязана. Никак дьявол помогал этому парню! Скажите, забавнейшая история?»

Ничего забавного Розалин в той истории не усматривала: забивалась под стол и дрожала, опасаясь, что палач с пеньковой веревкой явится и за ней. Мать вытаскивала её, дрожащую и перепуганную, и отчитывала отца за его «богомерзкие» разговоры, но он все равно из вечера в вечер смаковал истории об убийствах, находя их забавными и поучительными для детских ушей.

И Розалин частенько гадала, что было бы не испугайся она участи быть повешенной и останься в Лондоне с Ридли, а не сбеги, как преступница в Рим? Вдруг вся ее жизнь разрушилась из-за детского страха, который не вышло перебороть...

Она откинулась на подушку, вспоминая, как инспектор Брандер твердил снова и снова:

— Мисс Харпер, признайтесь: это вы убили ребенка?

— Зачем бы мне убивать бедного мальчика? Я любила его, как своего сына.

— И все-таки он заметил, возможно, как вы... миловались с мистером де Моранвиллем и... хотел рассказать о том матери. Вы запаниковали и...

— Ничего этого не было. У меня есть жених, в скором времени назначена свадьба!

— Одно не мешает другому... Признайтесь, мисс Харпер: это вы удушили ребенка?

Удушила... Если бы только этот напыщенный, недалекий инспектор мог знать, какой ужас вызывает в ней само это слово, он не стал бы даже предполагать, что она способна

своими руками пережать чье-то горло и лишить этим жизни. Особенно маленького ребенка... А тем более ее дорогого Анри, ангелочка с белыми волосами, которого она полюбила всем сердцем с первой минуты знакомства. Он был добрым и кротким ребенком, совсем не таким, как месье де Моранвилль, отец мальчика: тот грубил слугам и с женой вежливо говорил только на людях. И держал себя крайне высокомерно...

Кому могло прийти в голову причинить вред маленькому ребенку? Розалин первое время изо дня в день ломала над этой страшной загадкой голову, но не могла разгадать, и вот теперь, когда после всех этих лет она обрела хоть какой-то душевный покой, сначала появился бывший жених, а теперь старый граф принуждает ее вернуться туда, где ее ждет только... удавка тюремной виселицы.

Женщина обхватила плечи руками и вспомнила вдруг первую встречу с инспектором Ридли, ее Энтони. Впрочем, уже не её... Ком в горле будто сделался больше, и она задыхалась быстрее и чаще. Он тогда только-только стал младшим инспектором, и ему поручали незначительные дела: такие, как столкновение двух возниц, например, или мелкая кража на Ковент-Гардене. Это первое и свело их: она шла по Лонг Акр, когда у нее на глазах столкнулись два кэба, и один из возниц серьезно ушибся, свалившись буквально ей под ноги. Рассудив, что сам бог велел ей позаботиться о несчастном, Розалин велела звать доктора, а сама больше часа сидела в пыли, зажимая кровоточащую рану у него на ноге. Когда прибыли доктор и полицейские, она через силу сумела подняться, так затекли ноги... Молодой, симпатичный инспектор с неулыбчивыми глазами с трудом удержал ее, покачнувшуюся на месте. Рука у него оказалась горячей и крепкой, и Розалин неожиданно покраснела, ощутив ее на плече...

— Вы в порядке, мисс? — прозвучал заботливый голос.

— Благодарю, это скоро пройдет. Просто долго сидела не двигаясь!

Ее собеседник кинул, раскрывая блокнот.

И произнес:

— Мне сказали, вы видели, что случилось, и можете рассказать все в подробностях. —

Он стиснул в руке карандаш. — Вы способны отвечать на вопросы?

— Вполне. Что именно интересует вас в первую очередь?

— Ваше имя, мисс... — Инспектор смутился и добавил поспешно: — Это нужно для протокола.

Розалин улыбнулась и назвалась. А мужчина уже выпрашивал адрес: — Вдруг появится необходимость вызвать вас в полицейский участок.

Через неделю после этого происшествия, когда девушка начала забывать неулыбчивого инспектора, он появился на пороге их дома. «Появились кое-какие вопросы, мисс Харпер. Не могли бы вы проехать со мной и ответить на них?» Розалин с готовностью согласилась. Но до участка они тогда не доехали: три часа гуляли в Кенсингтонском саду и обсуждали, такое сложно забыть, гипотезу Уильяма Гершеля о «неизменности папиллярного рисунка ладонных поверхностей кожи человека». Увлеченный новыми веяниями в расследовании преступлений, Энтони Ридли, ее новый знакомец, оказался весьма словоохотлив и с жаром доказывал, что дактилоскопию в скором времени станут использовать в качестве доказательства свершившегося преступления. Она слушала, улыбалась и ощущала странное любопытство к мужчине, беседовавшего с ней как бы на равных на столь, казалось бы, сложные темы и все-таки полагавшего, что она понимала его. «Подумайте только, преступник окажется избалован уже потому, что прикоснется к какой-либо вещи на месте

совершенного преступления!»

Даже сейчас Розалин улыбнулась, вспоминая ту встречу и тот разговор... Их было потом еще много, этих встреч и разговоров, но именно эта прогулка в Кенсингтонском саду определила всю ее жизнь — она тогда с ясностью поняла, что полюбит мужчину с голубыми глазами, который, увлеченный своей пламенной речью, даже не думал делать ей комплименты, но, по сути, сделал самый лучший из всех: посчитал ее равной себе. Именно это ее подкупило тогда...

И теперь, что уж там, не отпускало...

А ведь казалось, переболела она, перевернула страницу и движется дальше. Ан-нет, рана только чуть-чуть поджила, но стоило сорвать корочку, закровила сильнее... Да так, что вспомнилось все: и последняя встреча, когда она струсилась, и ни в чем Энтони не призналась, и бегство это тоже трусливое, и боль расставания, когда что-то в ней будто сломалось. На куски развалилось... А потом фантомно болело, не давая ни минуты покоя, и совесть грызла.

Ну зачем, зачем Энтони отыскал ее и приехал увидеться?

С тех самых пор она снова покой потеряла, а теперь еще и кошмары вернулись...

— Здравствуй, Энтони, — вот что сказала она, когда они оказались в библиотеке наедине. Сказала лишь потому, что сам он молчал, и это молчание убивало ее...

— Здравствуй, Розалин. Вижу, ты в добром здравии и неплохо устроилась после... отъезда...

«Бегства», должно быть, хотел он сказать, но сдержался.

— Граф — добрый хозяин. Мне повезло найти в его лице друга...

Губы Ридли поджались, выражая... Что? Боль? Обиду? Разочарование?

— То есть, другими словами, ты... счастлива, Розалин?

Счастлива? Вот уж нет, особенно в этот момент, когда сердце смеется и плачет одновременно.

— А ты? — спросила она, уходя от ответа.

— Был когда-то, — откликнулся Ридли после короткого, но растянувшегося на вечность молчания. Все это время они глядели друг другу в глаза, будто боролись на ринге... Что за блажь, в самом деле? Что их связывает теперь, столько месяцев «после»? — Полагал, помнится, как наивный дурак, что люблю лучшую женщину в мире, строил планы, упивался мечтой о несбыточном, как потом оказалось... Ведь она, эта женщина, совершенно безжалостно разорвала все, что нас связывало когда-то. Растоптала наши мечты, наши планы, исчезла так просто, будто и не было ничего... Иногда я спрашиваю себя, а не приснился ли мне романтический сон? — Губы Ридли изогнулись в желчной полуулыбке. — Не помутнение ли рассудка случилось со мной? И мне нравится мысль о временном помешательстве, что ж, с кем ни бывает, ведь больше подобного я себе не позволяю...

Розалин во время этой краткой тирады как будто совсем перестала дышать, во всяком случае, сердце в груди странно замерло, сжалось: казалось каждое слово из уст собеседника ненавистной удавкой затягивалось на нем. Если сейчас, в этот самый момент, не плотнуть воздуха, разлепив пересохшие губы, то она так и рухнет на пол бездыханной...

— Мне жаль, — прошептала она будто чужим, не своим голосом. — Мне, действительно, жаль. Я так испугалась тогда... Я не думала, а вернее, — поправилась она скоро, — я думала, что испорчу всю твою жизнь, если, оставшись, окажусь обвиненной, а после повешенной. Ты ведь не отступил бы: продолжал бы бодаться с Брандером, доказывать ему что-то, идти против всех — и хорошим бы это не кончилось. А я знала, как

ты любил свое дело!

— Но тебя я любил намного сильнее, — признался Ридли с неожиданным ожесточением. И челюсть его заходила ходуном. — Любил и пошел бы с тобой на край света, позови ты меня... Но ты все решила за нас. Ты лишила меня возможности выбора!

Сердце толкнулось о ребра, в глазах странно жгло — Розалин уткнулась в ладони горящим, как в лихорадке, лицом.

— Я знала: ты сделаешь выбор, о котором потом пожалеешь... — прошептала она.

— Ты не могла этого знать.

И Розалин с обреченностью потерявшего ориентир человека с тоской прошептала:

— Ты прав: не могла.

Она столько времени тешила себя мыслью о том, что сбежала не ради себя — ради Ридли: спасала его будущее от краха. Нет-нет, ей двигал не эгоизм, а самое настоящее самопожертвование... И только теперь, встретив Джека и узнав о жизни бывшего жениха, Розалин была вынуждена признать, что поступила жестоко. Эгоистично. И совершенно бездумно.

Страх — вот что единственно направляло ее.

И Ридли, будто поняв ее состояние — он всегда умел понимать людские эмоции, — вдруг сказал другим тоном, не осуждающим больше, не жалищим, а как будто уставшим:

— Ты ведь знаешь, что больше не сможешь вернуться назад? Срок давности преступления все еще не истек, да и вряд ли кто-то забудет столь громкое дело. К тому же миледи Стаффорд, мать Грейс де Моранвилль постоянно тормозит управление, интересуясь расследованием. Ни шатко, ни валко, но то все-таки продвигается... И Брандер ищет тебя. Своим бегством ты все равно что призналась в убийстве ребенка...

Розалин, сморгнув влагу с ресниц, вскинула подбородок.

— Я никогда бы не тронула маленького Анри, — заявила она твердым голосом. — Я любила его и скорблю о его преждевременной смерти. И мне жаль, что преступник, совершивший это ужасное злодеяние, до сих пор на свободе, а инспектор Брандер слишком слеп, чтобы это увидеть. И да, — выдохнув, заключила она, — я знаю, что меня ищут. Именно потому я никогда не вернусь в Англию! — Голос ее на мгновенье пресекался, а сердце ухнуло в пятки.

... Воспоминание оказалось болезненным, и Розалин застенала, сцепив зубы и впившись пальцами в покрывало. Со стороны, должно быть, казалось, что они с Ридли расстались друзьями... Высказав наболевшее, усмирили внутренних демонов, примирились и с прошлым, и с настоящим, но Розалин видела, ощущала подспудно, что ничего, в самом деле, они не решили — лишь растревожили старые раны. Сделали хуже...

Ведь сколько б времени ни прошло, в момент первой встречи после долгой разлуки она явственно поняла, что любовь, как была, так и есть в ее сердце.

И он тоже чувствовал что-то... или ей хотелось того...

В любом случае им нельзя было бы снова встречаться, а Фальконе тянул ее в Англию...

Боже мой!

Эпизод четвертый

— Джек, ты знал о планах Фальконе до этого разговора? — спросила Аманда, сидевшая плечом к плечу к Джеку на лавочке возле дома.

На небе уже зажглись первые звезды, в саду уютно трещали сверчки, и Джек, сидя рядом с Амандой, ощущая тепло ее тела и тяжесть лежавшей на его плече головы с щекотавшими шею темно-русыми волосами, вдруг подумал, что это и есть настоящее счастье.

Эти звезды.

И любимая девушка рядом...

— Нет, он ни словом о том не обмолвился. Но придумано знатно... И сыграно тоже.

— Полагаешь, он притворялся?! — вскинулась девушка, глядя Джеку в глаза. — Разыграл приступ, чтобы Розалин согласилась?

— Уверен, так это и было. Но дедушка прав: мисс Харпер нужно помочь. Хотя бы ради инспектора Ридли я просто обязан приложить все усилия, понимаешь? — Джек тоже посмотрел ей в глаза, желая донести полноту своей мысли. — Я многим обязан ему и теперь понимаю, что было бы крайне эгоистично, думая лишь о себе, хотя бы ни попытаться разобраться в убийстве Анри де Моранвилля.

— Полагаешь, тебе будет под силу справиться с тем, с чем не справились ни Брандер, ни тем более Ридли? А он, я уверена, не сидел сложа руки.

Джек понимал правоту ее слов, но ответил, как чувствовал:

— Мистер Джонсон поможет нам, ты сама это слышала, а он человек цепкий, смысленый. Я отчего-то уверен, что у нас все получится!

— Что ж, тогда и я тоже верю, — улыбнулась Аманда, целуя Джека в чуть колючую скулу. И призналась, став совершенно серьезной: — Сказать честно, я испугалась в первый момент: вернуться в Англию? Ни за что, подумала я. А теперь, размышляя об этом, я понимаю, что так будет лучше и правильней. И по-взрослому, что ли, — как-то грустно улыбнулась она. — В конце концов, я не смогла бы прятаться вечно, однажды пришлось бы признаться родителям в том, что хочу быть с тобой. Так пусть же это случится теперь, как можно скорее...

Джек, обхватив ее плечи, поцеловал Аманду в висок.

— Им вряд ли понравится эта новость, — откликнулся он. — И я даже их понимаю. Я ведь никто, если подумать, а ты...

— Не говори так. — Ладонка Аманды легла ему прямо на губы. — Ты тот, кого я люблю, а остальное неважно. Пусть откажутся от меня, отрекутся — мне все равно. Я, в конце концов, взрослая женщина, и хочу решать за себя, а не жить по чьей-то указке. — И с вызовом: — Мне, между прочим, нашли нового мужа. Вдовца с маленькими детьми. Родители жаждут нас познакомить в этом сезоне... Что скажешь, Джек Огден, может быть, этот мужчина подходит мне больше тебя?

Глаза ее вспыхнули вызовом и, наверное, самую малость обидой. Возлюбленный будто не верил, что ей безразличен весь свет, когда Джека нет рядом, или боялся поверить... И лицо ее просияло, когда крепкие руки стиснули ее плечи, а любимые губы твердо сказали:

— Ты — только моя, Аманда Уорд. Никому тебя не отдам! Слышишь меня? Никому.

Они потянулись друг к другу для поцелуя, когда голос нанятой давеча камеристки

окликнул с террасы:

— Миссис Уорд, я принесла вашу шаль. Простудитесь ведь!

Но вместо того, чтобы откликнуться, девушка подорвалась на ноги и, схватив Джека за руку, потянула его по дорожке в самую темноту. С гулко бьющимися сердцами они добежали до балюстрады над озером и рассмеялись над собственным же поступком...

— И зачем мы сейчас убежали? — Джек отвел от лица девушки темную прядь.

— Просто мне захотелось.

Они стояли друг подле друга, все еще тяжело после бега дыша.

А может быть, не от бега...

— Джек?

— Да?

— Давай сделаем что-нибудь дерзкое...

— Что именно?

Большие, задумчивые глаза уставились ему в душу, руки вцепились в рукава сюртука.

— Поженимся, Джек? Прямо здесь, до отъезда домой?

Джек опешил и тряхнул головой.

— Тайно? Словно преступники? — спросил он. — Разве об этом мы оба мечтали? — И стиснув ее маленькие ладони в своих: — Послушай, Аманда, быть может, это мещанство, но я мечтаю о свадьбе в кругу близких друзей. Хочу тебя в белом платье и наши клятвы перед лицом многих свидетелей...

Она не сразу откликнулась: будто пыталась представить себе это событие. Свадьбу и Джека подле себя... Или, может быть, вспоминала, как выходила замуж впервые — шла будто на эшафот неживой фарфоровой куклой.

— Мне нельзя больше белое платье... — прошептала чуть слышно.

Джек улыбнулся.

— Цвет не имеет значения, — сказал он. — Но я обещал сеньору Фальконе, что не сделаю ничего, что могли бы счесть оскорбительным для тебя, и осудить...

— Так ты потому не приходишь ко мне, хотя наши комнаты в разных концах коридора?

— Я обещал сеньору Фальконе... — начал было Джек снова, но Аманда, подавшись вперед, запечатала его рот поцелуем.

— Ты слишком правильный, Джек, — шепнула через минуту, пытаясь унять сбившееся дыхание. — Но именно потому я тебя и люблю.

Следующим утром старый граф позвал Джека прогуляться в саду. Они шли по дорожке между цветущих кустов, и Джек по-прежнему, как в первый раз, удивлялся мягкому итальянскому климату, позволявшему нежным цветкам распускаться даже сейчас, в сентябре, когда в Лондоне в это время заряжают сплошные дожди, и от промозглой, пробирающей до костей сырости не спасают ни теплые вещи, ни стены домов. Кажется, будто стылая морось так и стоит у дверей, поджидая, когда ты появишься, чтобы вцепиться в загривок и окунуть в лужу на мостовой.

— Джек, мальчик мой, — произнес старый Фальконе, когда они отошли немного от дома, — я, собственно, вот о чем хотел попросить: не согласишься ли ты разыграть моего внука — да-да, знаю, тебе претит этот обман, понимаю! — перед моими английскими знакомыми?

— Я не знал, что у вас есть друзья в Лондоне.

— Есть, — кивнул граф, как показалось Джеку, не без удовольствия. — Я завел некоторые знакомства в свой прошлый приезд, когда полагал, что смогу убедить свою дочь вернуться домой. Вернуться она отказалась, но дружеские знакомства остались... И я, прости мне мою стариковскую блажь, очень хотел бы похвастаться внуком... Оно ведь как, Джек, в молодости кичишься амурами и деньгами, в старости — внуками и детьми, потомками, что заступят сей путь после тебя. А мне и похвастаться нечем... — Старик грустно вздохнул, глядя в сторону, а как бы в себя. — Тобой разве что, но согласишься ли ты... — добавил чуть слышно.

Смущенный словами Фальконе и догадываясь отчасти, что тот снова давит на жалость, как и в случае с компаньонкой, Джек все-таки произнес:

— Но, я полагал, что, прибыв в Лондон, займусь делом де Моранвиллей.

— Одно не мешает другому, — живо воскликнул Фальконе. — Я бы даже сказал, одно способствует другому. Подумай сам, Джино, дружок, — старик остановился, положив руку ему на плечо, — будучи вхож в аристократические салоны, ты сможешь исподволь порасспрашивать нужных людей, того же де Моранвилля и остальных... Не каждому выпадает такая возможность. Грех ей не воспользоваться!

Джек, однако, слотнул, ничуть данным доводом не убежденный, а скорее даже испуганный самим фактом общения с аристократами Лондона в общем кругу. Он ведь не вырос с золотой ложкой во рту, и они это сразу заметят, он — паренек из трущоб, а это, как ему виделось, все равно что клеймо, поставленное на лоб. Как бы ты ни пытался его оттереть, извести — все равно не получится.

— Я опозорю вас только, — отозвался он честно. — Ну какой из меня графский внук?

Фальконе снисходительно улыбнулся.

— Ты слишком требователен к себе, мальчик мой. Вот увидишь, ты станешь не просто отличным Фальконе, но — притчею во языцех у местных кумушек и джентльменов.

Джек против воли, но улыбнулся: уж больно забавной казалась сама мысль о том, что о нем, безродном мальчишке, заговорят в светских салонах. Разве что насмехаясь...

— Вот-вот, улыбайся почаще, дружок, — подхватил граф его под руку, — этой улыбкой, не сомневайся, можно и горы свернуть. Сердце одной юной мисс ты уже покорил...

— Вряд ли улыбкой.

— А чем же еще? — с искренним удивлением вскинулся собеседник. — Да сеньорита Уорд и сама свернет горы ради этой улыбки. Я, может быть, старый, но многое замечаю... Джино, мой мальчик, вам нужно немедленно пожениться, — заключил он серьезно, как никогда.

Джек вспыхнул.

— Сейчас это вряд ли возможно.

— Не сейчас, но отчего бы не в Лондоне? Между вами все решено, насколько я понимаю, а значит, и тянуть незачем.

— Сложно загадывать наперед, — сказал Джек. — Родители подобрали Аманде нового мужа и будут настаивать на своем — просто не будет.

— А когда было просто? За счастье нужно бороться. — И тут же, переменив тему: — Так ты согласен подсобить старику в его эгоистичном желании похвастаться внуком?

— Не уверен, что у меня все получится, но я постараюсь.

— Прекрасно! — воскликнул Фальконе, с довольным видом зашагав по дорожке к розарию.

А уже через неделю, отдав слугам распоряжению зачехлить мебель и запереть главные двери, путешественники выехали в сторону Андерматта. Несмотря на письма родителям, в которых Аманда уверяла их о закрытии перевала, тот чаще всего беспрепятственно функционировал круглый год с краткими перерывами, коли снега выпадет уж совсем много. А теперь, в сентябре, они добрались до места совершенно спокойно, тревожимые разве что воспоминаниями о прошлых событиях, здесь совершившихся, нежели прочими неудобствами.

И уже к концу третьей недели пути вдалеке замаячили белые скалы Дувра...

Эпизод пятый

Джек даже не представлял до этого дня, какой восторг способен испытать путешественник, вернувшись на родину после продолжительного отсутствия. Всё, начиная с серого, покрытого плотными тучами неба и заканчивая бегущими за экипажем уличными дворнягами, неожиданно вызвало острый приступ то ли щемящей тоски, то ли болезненной ностальгии, он вряд ли сумел бы найти данному чувству определение, но оно захватило и крепко держало его весь путь от Дувра и до дверей дома на Бедфорд-сквер, у которых они остановились около двух часов по полудню.

Посланный в Лондон неделей раньше слуга, по всей видимости, со своей задачей справился хорошо: дом не только был арендован и приведен в должный вид, но и укомплектован штатом вышколенной прислуги, которая при появлении кареты хозяина высыпала за дверь, выстроившись в идеальном порядке, как на плацу.

— Рады приветствовать вас, сеньоры, — по-итальянски приветствовал новоприбывших расторопный дворецкий. — Надеюсь, дорога оказалась не через чур утомительной... Я велел принести в ваши комнаты теплой воды, чтобы смыть дорожную пыль; чемоданы с вещами сейчас занесут в дом. — Он кивнул одному из лакеев, и тот тут же бросился к экипажу и подхватил первый из чемоданов. — Обед через час, если у вас нет особых распоряжений, сеньор.

Фальконе лениво взмахнул рукой, утомленный дорогой, он хотел лишь присесть и расслабиться в тихом месте, которое не трясет на каждом ухабе.

— Ты хорошо потрудился, Альфредо. Просто покажи наши комнаты и не суетись понапрасну!

Джеку нечасто выпадало входить в такие дома главным входом, он, по сути, сумел бы перечесать такие возможности по пальцам правой руки, и сейчас, все порываясь помочь разгружавшим чемоданы лакеям, он одновременно с любопытством рассматривал новый дом на одной из самых престижных лондонских улиц. Построенный еще в прошлом веке, дом под номером шесть спланирован был оригинально: вестибюль окружали прихожая и красивая лестница справа, вынесенная по странной прихоти архитектора в переднюю часть. Из задних окон первого этажа, комнаты здесь оказались большими и светлыми, открывался чудесный вид на сады Британского музея, которые с первого взгляда очаровали Аманду и Розалин.

— Мы должны непременно его посетить! — сказала Аманда, взяв Джека за руку. — Ты бывал в Британском музее?

Он отрицательно покачал головой.

— Не привелось как-то.

— Тебе там понравится, вот увидишь, — как-то слишком восторженно заявила Аманда, и Джек понял, что молчавшая всю дорогу от Дувра Аманда, просто-напросто прячет нервозность за напускной беззаботностью.

Он и сам был натянутой до предела струной, звенящей от напряжения...

— Какая, однако, баталия! — произнес старый граф, разглядывая картину, висевшую над камином.

Полк шотландских драгун-кавалеристов в красных мундирах, обнажив сабли, несся на невидимого врага, а мнилось, прям на тебя, так живо были изображены люди на ней.

— Если желаете, картину можно сменить, сеньор, — услужливо подступил дворецкий. — Распоряжусь в ту же минуту.

— Оставь, Альфредо, пусть с ней, — ответил старик. — Мы, в конце концов, только гости, а картина по-своему хороша, — он глянул на своих спутников, — соответствует духу нашего предприятия. Пусть вдохновляет нас, коли вдруг оробеем!

Предприятие их, помощь мисс Харпер, вовсе не виделась Джеку бравой атакой на баррикады врага, но аллегория он оценил и даже проникся ей, как и в целом своим новым домом. Пусть временным, но тем самым еще более впечатляющим...

— Хороший дом, — подтвердила Аманда, оторвав взгляд от рассматривания картины, — и я бы с радостью задержалась здесь с вами, но... мне пора ехать на Борн-стрит. И пусть, видит Бог, я никогда не считала тот дом СВОИМ домом, а сейчас даже меньше, чем когда-либо прежде, но условности должны быть соблюдены. А слуги как-никак меня ждут... — Сказав это, она улыбнулась, но только губами: глаза оставались печальными.

Джек, невзирая на присутствие слуг, сжал ее пальцы, Аманда сразу же подалась к нему, как бы желая укрыться в кольце его рук, но замерла, вспомнив, что прежние вольности здесь более неуместны. И сделалась, кажется, еще более грустной...

— Но вы ведь приедете отужинать с нами, сеньорита Уорд? — осведомился Гаспаро Фальконе. — У нас будет небольшой дружеский ужин в приятной компании. Мы рассчитываем на вас!

— Ничто на свете не заставит меня его пропустить, — пообещала Аманда. — Я буду к семи.

— Вот и славно, моя дорогая. Я провожу вас к карете! — Подхватил граф Аманду под руку, весьма недвусмысленно побуждая их с Джеком отойти друг от друга. И дворецкому: — Альфредо, будьте добры, покажите мисс Харпер и моему внуку отведенные для них комнаты. Я вернусь через минуту!

Аманда под руку с Фальконе направилась к выходу, Джек же, все еще ощущая тепло ее тоненьких пальцев, нехотя выскользнувших из рук, с тоской глядел вслед. Отчего-то вдруг показалось, что разлука эта болезненней всех, что случались с ним прежде, даже тогда, уезжая из Хартберна с мыслью о том, что Аманда вот-вот станет женой другого мужчины, он не испытывал такой острой, неизбежной, как хмурая осень, тоски. Сердце билось неровно, но гулко... словно в груди, где оно находилось, стало вдруг пусто, как в бочке.

— Сеньор Фальконе, я покажу вашу комнату, — услышал он голос слуги и понял не сразу, что обращается тот к нему.

Сеньор Фальконе?

Какая насмешка.

Он кивнул и поплелся наверх будто с гирей на каждой ноге. А в своей комнате, проществовав сразу к окну, отодвинул плотную штору... Экипаж, увозивший Аманду, уже скрылся за поворотом. Он постоял, глядя на лужи на мостовой, на капли, стекавшие по стеклу, и, услышав за спиной шорох, стремительно обернулся.

— Сэр, — у дверей в гардеробную обнаружился смущенный молодой человек, — меня зовут Филипп Томпсон, я ваш камердинер.

— Камердинер?

— Да, сэр. Мне помочь вам раздеться? Полагаю, вы пожелаете освежиться перед обедом.

Больше всего Джек желал бы выскочить на мостовую и бежать под дождем те две мили,

что отделяли Белгравию от их дома, но понимал, так нельзя. Что позволено пареньку из трущоб, не пристало джентльмену с Брэдфорд-сквер...

— Камердинер мне ни к чему... — решительно произнес он, вызвав на лице собеседника уже не смущение, а испуг. И уже собирался его отпустить, когда дверь распахнулась без стука, и старый граф, с улыбкой появившийся на пороге, чрезмерно восторженно произнес:

— Мальчик мой, ты уже познакомился со своим новым слугой? — Джек открыл рот, дабы сказать Гаспаро Фальконе то же, что и слуге: камердинер ему совершенно без надобности, но тот не дал ему вставить ни звука: — Вижу, что познакомился. Филипп будет тебе вместо оставшегося в Италии Марко. — Джек снова хотел возразить, что никакого Марко у него в Италии не было, но вдруг понял, что игра началась, а он в ней — главный игрок.

— Да, конечно, я как-то запамятовал...

— ... что остался без камердинера?

— Да.

— Оставьте нас на минутку, — кинул граф молодому слуге, и тот торопливо ретировался. Фальконе тут же подступил к Джеку ближе и зашептал торопливо: — Джино, дружок, возьми себя в руки: сеньорита Уорд не навечно уехала, вы увидите уже этим вечером. Что, право слово, за трагический вид? Ты знал, что вам не пристало жить в одном доме, тем более проявлять явное расположение друг ко другу на людях, так будь же добр приглушить свою сердечную склонность и играть роль, как и было сговорено изначально.

Джек вздохнул.

— Из меня, верно, скверный актер.

— Только лишь с непривычки. Со временем ты научишься! В обществе, знаешь ли, всяк играет отведенную ему роль.

Фальконе был прав: итальянское солнце расхолажило Джека. Он как будто жил в сказке последние месяцы, а теперь пришло время вернуться в реальную жизнь, и вся натура противилась этому...

— Но камердинер зачем? — попытался он все-таки возразить.

— А затем, мальчик мой, что мы не хотим, чтобы завтра же по всему Лондону разлетелось, что внук итальянского графа самолично надевает портки. Нас, знаешь ли, засмеют и осудят! Как тогда нам сблизиться с правильными людьми? Заводить с ними дружбу? Да никак, — сам же он и ответил. — И тогда будет лучше сразу же возвратиться назад. Ты этого хочешь? — Джек отрицательно покачал головой. — В таком случае потерпи бедного мальчика, я нарочно велел нанять камердинера помоложе, чтобы тебя не смущать. И, Джек, — он положил руку ему на плечо, — все наладится, вот увидишь. Это от новизны ощущений у тебя мутится перед глазами, но дай ощущениям поутихнуть, улечься — и страх отступит. И сознание прояснится! А теперь отдыхай... Вечером ты опять увидишь Аманду, и не только ее.

С такими словами Гаспаро Фальконе потянул ручку и открыл дверь, выходя, он кивнул ожидавшему в коридоре слуге, и тот скользнул в комнату.

— Сэр, я наберу для вас ванну, — услышал старик голос слуги и обреченный вздох внука, как будто согласившегося на пытки.

— Благодарю, Филипп, вы очень любезны.

Эпизод шестой

Выйдя из дома на Брэдфорд-сквер под мелкий морозящий дождь, Аманда ощутила себя такой одинокой, что стиснуло сердце и стало нечем дышать. Вот-вот задохнется...

— Миледи. — Слуга раскрыл над ней зонт и проводил до кареты.

Она забилась в её бархатное нутро, в самый угол, и запахла накидку. Ее знобило как в лихорадке... Казалось, вот и настал тот самый момент, которого она так боялась: разлука. Окончательная и бесповоротная...

Она выглянула в окно, различив, как скрывается дом с ее Джеком внутри за пеленою дождя.

И одернула себя строго: «Прекрати, вы встретитесь этим же вечером. Что за глупые мысли!»

Но мысли все же одолевали, лезли в голову, словно стая голодных волков, учуявших свежую кровь, и терзали, не давая покоя.

Хорошо хоть, ехать недалеко: двадцать минут по Оксфорд-стрит до Бонд-стрит, а потом по Парк-лейн буквально до самого дома. Дом... Слуги, должно быть, совсем распоясалась и забыли, как она выглядит. Станут шептаться у нее за спиной, обсуждать, как она изменилась... И чем вообще занималась в Италии. Этим только дай волю посплетничать!

Впрочем, какое ей дело до пересудов у себя за спиной — всё это пустое.

Но сердце все равно обмирало и ухало в бездну при мысли о встрече с родителями...

— Мы на месте, миледи. — Графский возница опустил лесенку и помог ей выбраться из кареты. Она замерла на тротуаре, глядя на дом: ничто, казалось, не изменилось, за месяцы ее продолжительного отсутствия, и все-таки было совсем по-другому.

И перемену скорее несли ее мысли и тело, а не каменный водосток или кладка фундамента. Просто сам этот дом ассоциировался с тоской и печалью, здесь она проводила часы с нелюбимым ей человеком, ощущала себя птицей, запертой в клетке, и грезилась о полете. И теперь, когда испытала, что значит взмахивать крыльями и парить, боялась вернуться к былому...

— Миледи Уорд. — Дверь распахнулась, выпуская взволнованного дворецкого. И горничных, жмущихся у него за спиной... — Какая радость снова вас видеть! В добром здравии. Мы постоянно молились за вас. Проходите же в дом... Этот дождь проклятуший зарядил третий день кряду... Дерек, — дылде-лакею, — чемоданы хозяйки. Живее! Марта, распорядись подать чаю в гостиную. Госпожа, верно, продрогла с дороги!

— Все в порядке, Уэмзли. Не суетитесь! Просто покажите мисс Кэннон, моей новой камеристке, мою комнату наверху. Она позаботится о вещах...

— Да, мэм, конечно.

Уэмзли кивнул экономке, та — горничной, и мисс Кэннон сопроводили наверх.

— Что нового в доме, Уэмзли? Мне есть о чем знать? — обратилась Аманда к вытянувшемуся во фронт дворецкому.

— Миссис Стафф уволила посудомойку, уличенную в воровстве, мэм. В остальном все, как и было, без изменений. Желаете сделать распоряжения?

— Пожалуй, нет, — отозвалась Аманда. — В этот вечер я ужинаю в гостях, и для меня готовить не нужно. А завтрашнее меню мы согласуем с миссис Стафф после завтрака...

После этого она собиралась уйти, поднявшись наверх, но звякнул дверной колокольчик,

и в проеме открытой двери обозначился девичий силуэт.

— Боже мой, ну и погодка! — произнесла Анна Баррет, откидывая с головы капюшон. — Того и гляди Лондон превратится в болото, и мы заквакаем как лягушки. Аманда! — Последнее прозвучало уже на ходу, когда женщина, устремившись к Аманде, крепко ее обняла. — Вот уж не чаяла свидеться да так скоро. Я так рада, моя дорогая!

— И я тебе очень рада, — с искренним чувством откликнулась девушка. И удивилась: — Как ты узнала, что я уже в городе? Я-то порог только-только переступила.

Анна Баррет улыбнулась лукаво.

— А я приплатила мальчонке, сыну нашей кухарки, наказав сообщить, едва красивая леди переступит порог этого дома. Он три дня отирался вокруг без какой-либо пользы, а недавно вот прибежал с радостной новостью... Я тут же накинула плащ и явилась сюда.

— Мэм, ваш плащ, — подступил к Анне Уэмзли, и та ловко скинула плащ ему на руки.

Слуга удалился, оставив девушек наедине, и только теперь, взглянув на подругу, Аманда заметила выпуклость ее живота.

— Ты, что же...

— Да, — Анна кивнула, не дав ей договорить. И невольно зарделась. — Уже пятый месяц.

— Так много. А мне ни словечка не написала, — упрекнула Аманда. И по лицу собеседницы догадалась, почему та молчала: — Не стоило думать, что я не порадуюсь с тобой вместе, пусть даже мой ребеночек... умер.

Анна Баррет взяла ее за руку и с покаянным лицом отозвалась:

— Мне не хотелось беречь твою рану. Прости меня, я сглупила!

Как-то разом, в долю секунды, припомнилось все: и отъезд из этого дома, и Андерматт, где они встретили Джека, и та страшная хижина, где она...

— Не бери в голову, Анна. Главное, что теперь я могу поздравить тебя! — Аманда, смахнув прочь неуместные мысли, снова обнялась с подругой. — Как ты? — спросила при этом. — Чарльз, должно быть, счастлив невероятно.

— О да, со мной носятся, как с хрустальной вазой, и это было бы даже забавно, не будь несколько раздражающе. — Анна закатила глаза. — Мало того, что я теперь заперта в доме, сама понимаешь, в моем положении показаться на светском приеме немислимо, так еще миссис Баррет, моя дорогая свекровь, непрестанно присматривает за мной. Ей, верно, кажется: отведи она от меня пристальный взгляд, как я сразу сброшу ребенка. Подчас я с трудом сдерживаюсь от колкостей...

— Как же она тебя сейчас отпустила?

Анна с улыбкой призналась:

— А я сбежала через заднюю дверь. Мне Олли помог, мой сообщник и соглядатай.

— Надеюсь, тебя еще не хватились?

— Я сказала, что собираюсь прилечь. Вряд ли мой цербер захочет меня разбудить! Но хватит уже обо мне, — увлекла Аманду ближе к камину подруга, — расскажи лучше, как ты. Где сейчас Джек? Что вы решили?

Само имя любимого человека враз улучшило девушке настроение.

— Он в доме Фальконе в качестве его внука.

— Как интересно, — сверкнула Анна глазами. — Будучи внуком итальянского графа он будет допущен туда же, где ты.

Аманда, конечно же, понимала, что подруга имеет в виду: совместные суаре и балы, на

которых они смогут видаться будто на равных. Танцевать, касаясь друг друга, и знать им одним доступную тайну... Ее сердце мучительно замирало при мысли об этом, а потом билось чаще.

Но ответила она просто:

— На это и был весь расчет. Граф Фальконе считает, что подлог с мнимым внуком поспособствует нашему делу, расследованию убийства маленького Анри.

Анна тут же спала с лица, сделавшись грустной.

— Ужасное преступление. Я заставила Чарльза отыскать мне газеты, освещавшие дело де Моранвиллей. Он, конечно, противился, утверждая, что подобное чтение не для женщин, особенно в положении, но я настояла. И изучила в них всё, что было написано... Надеюсь, у нас, в самом деле, получится оправдать бедняжку мисс Харпер.

— Вы виделись после приезда с инспектором Ридли? — осведомилась Аманда.

— Лишь однажды, да и то коротко. Он, как мне кажется, сильно переживает произошедшую встречу с бывшей невестой! Она что-нибудь вам рассказывала?

— Ни слова. Все держит в себе! Они с Ридли в этом очень похожи.

Девушки помолчали, размышляя о сказанном, и Анна Баррет первой нарушила тишину:

— Ты ведь будешь сегодня на ужине у Фальконе? Я непременно вырвусь туда, даже если все Одри Баррет на свете вознамерятся помешать мне.

— Да, конечно, я буду.

— А твои родители, их уже известили, что ты снова в Лондоне?

Аманда отрицательно дернула головой.

— Надеюсь, что нет, — сказала она. — Я еще не готова увидеться с матерью.

— Но тянуть все же не стоит: они во всю обхаживают барона Феррерса, пророча его в будущие зятя. А если узнают, что ты...

Аманда поспешила поправить:

— Не «если» — «когда» я скажу им, что собираюсь замуж за Джека, им придется забыть о Феррерсе и остальных.

— Разразится скандал...

— Мне ли не знать... — вздохнула Аманда. — Но больше я не намерена поступаться собственным счастьем в угоду светским приличиям! Хватит с меня. Надоело. Я ребенка хочу... — вдруг призналась она, — от любимого. Мальчика или девочка, все равно, лишь бы на Джека похож был.

Слезы подступили к глазам, и Аманда сморгнула их, не желая по-детски расплакаться, жалея себя. Анна тут же стиснула ее руку...

— Ты знаешь, мы с Чарльзом на твоей стороне, на твоей и Джека, Аманда, и верим, что у вас все получится. Просто... я очень боюсь за тебя...

— Не стоит, самое страшное — ощущение безысходности и одиночества — я уже пережила. Все остальное, если со мной будет Джек, не пугает меня...

— Ты смелее меня, — улыбнулась ей Анна Баррет. — Я даже свекрови не могу дать отпор, не то чтобы восстать против целого общества. Я буду молиться за вас!

— Спасибо, родная.

Они еще с полчаса поговорили о разном, а потом Анна поднялась, торопясь возвратиться домой до того, как ее все-таки хватятся и отчитают за бегство.

— Встретимся вечером, — шепнула она на прощание, и Аманда, оставшись одна, наконец, поднялась в свою комнату.

Горничная занималась вещами, но с готовностью помогла ей избавиться от дорожного платья и облачиться в халат. Так, забравшись с ногами на кресло и глядя на капли дождя, бегущие по стеклу, Аманда и провела время до вечера. В собственном доме ей было тоскливо и неуютно, и она с радостью покинула его стены, направляясь на Брэдфорд-сквер, на ужин к Фальконе.

Эпизод седьмой

Гаспаро Фальконе устало опустился на оттоманку и позволил слуге стянуть с себя башмаки. Он был уже не в том возрасте, чтобы дальние путешествия увлекали его, а тем более способствовали здоровью, но он предпринял эту поездку не ради себя и своего удовольствия: хотелось сделать что-то хорошее на закате своего бренного существования и придать ему хоть какой-нибудь смысл. В старости мы становимся сентиментальны и подводим итоги...

Итогами своей жизни Фальконе не был доволен.

Ради чего, собственно, он пришел в этот мир?

Неужели ради того, чтобы прожить эту жизнь в достатке и неге, не оставив по себе даже толики памяти в своих детях?

Он не лукавил, когда просил Джека сыграть перед лондонским обществом роль его внука, утверждая, что хочет похвастать им — так и было, по сути. Ему хотелось показать всему миру: «Вот, посмотрите, Фальконе не совсем безнадежен: он потерял дочь, но обрел внука». И пусть это было тщеславием, гордостью или чем еще там — не имело значения: старику были приятны юные лица в его окружении.

Если быть совсем честным, то была в желании удержать Джека подле себя и доля здорового эгоизма, поскольку Гаспаро не представлял, как пережил бы гибель одной и судебное разбирательство с другой племянницами. Его сердца и до всех этих событий работало так себе, вызывая постоянные опасения докторов, а этот скандал должен был вовсе его подкосить. Но Фальконе на удивление выстоял, а все потому, что мальчишка не дал ему рухнуть... Послужил костылем и опорой.

Он как-то сразу к нему прикипел, и дело не в том, что заранее полагал его внуком, а значит, родным человеком, нет, особых иллюзий старик не испытывал. Знал буйный нрав его матери и кочевую натуру отца, полагал, что, соединенные вместе, две этих основы мало что доброе могли бы создать. Да и внук ли то ему вовсе... Сеньор Джонсон просил его сильно не обольщаться: мол, подлог более чем возможен, и все-таки граф расчувствовался, едва увидев мальчишку. Даже как будто нашел в нем черты своей дочери... А уж характером тот и вовсе его подкупил.

— Зря вы меня не послушали, граф, — выговаривал ему Джонсон, явившись тогда, после смерти племянницы, в его дом. — Привязались к мошеннику, ай-яй-яй, и это с вашим-то сердцем. Что теперь делать прикажете? Позволить ему вас обманывать? Пусть щенок потешается за вашей спиной?

— Да не потешается он! — возразил он докучливому собеседнику. — Сам посмотри: мальчишка не из таких.

— Знаем мы из каких он таких. Явился ограбить вас — дело ясное!

Они тогда долго спорили все в том же духе и сошлись, в конце концов, на решении испытать мнимого внука.

— Вот увидите, умыкнет он вашу графскую диадему, как пить дать, умыкнет, — страшал его Джонсон, качая осуждающе головой, но граф, сцепив зубы, стоял на своем.

И кто тогда прав оказался?

Не стал мальчик его обворовывать, еще и виновного в смерти Бьянки помог отыскать. Виновную... Старый граф, как обычно, вспомнив младшую из племянниц, вздохнул. А ведь

он полагал на них все наследство переписать. Детям их все оставить... А оно вон как все вышло.

— Сеньор Фальконе, вам что-нибудь нужно? — На пороге появилась мисс Харпер. Бледная и осунувшаяся, она выглядела больной много хуже его самого.

Эх, может, зря он все это затеял?

— Благодарю, Розалин, все, что нужно, у меня под рукой, — сказал он, кивком головы указав на свежий номер газеты и чашечку чая на столике перед собой. — А вы отдыхайте, до вечера вы свободны.

Женщина замерла, не торопясь уходить — как будто хотела о чем-то заговорить — но в итоге просто кивнула и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Теперь мысли Фальконе потекли в другом русле: знал он, чувствовал сердцем, что у новой подручной есть некая тайна, вот только не знал, что такая. Бедная девочка! Они с Джонсоном, ясное дело, не только Джеку, но и ей ловушку устроили: стоило только увидеть, какими глазами она смотрела на инспектора Ридли, явившегося на виллу тем солнечным днем, как все сделалось ясно: фамилию девочка выбрала неспроста. В память о женихе, которого, по всему, страстно любила, но вынужденно покинула. Она тогда будто призрак увидела и в Джека вцепилась до побелевших суставов...

О чем они тогда с инспектором толковали в библиотеке, одному богу известно, но мисс Харпер после того сделалась совершенно несчастной. И замкнулась в себе еще больше...

Да и странный этот инспектор, которого мальчик почитал за отца, хотя, видит бог, для отца он был слишком молод, как на предвзятый взгляд графа, тоже сделался мрачным как туча.

Граф подловил его после того разговора на веранде с бокалом вина...

— Можно присесть? — спросил он, и мужчина кивнул.

— Вы в своем доме, граф, вам ли спрашивать разрешение? — отозвался мужчина.

— И все-таки я не хотел бы навязываться, инспектор.

— Просто Ридли, если вас не затруднит.

— Ничуть. Я и сам приверженец простоты обращений...

Ридли пригубил из фужера и усмехнулся.

— Так вот почему вы, сеньор, пригтели в своих стенах безродного паренька, демократичность взглядов пропагандируете?

Граф уловил не просто насмешку, но беспокойство, пусть и тщательно скрытое, а потому сказал честно:

— Сеньор Ридли, я старый, больной человек, переживший столько трагедий, что вам и не снилось. Мне ли играть какие-то роли? Я просто желаю быть нужным, и принятым. Мальчик нравится мне...

Ридли посмотрел на него, две пары глаз сошлись в немом диалоге и, кажется, вынесли нечто важное друг о друге.

— Джек — неплохой человек, — отозвался инспектор, снова глядя на сад, — в нем есть стержень, основа, но, к сожалению, он мечтатель, а это к доброму не приводит.

— Вы о его сердечной склонности к сеньорите Уорд? — уточнил собеседник. — Я слышал, она графская дочь, к тому, недавно счастливо овдовевшая.

На самом деле, через Джонсона старый граф знал о девушке все, сам до сих пор не будучи с ней знакомым. Она была молода и богата, и влюблена в простого констебля без роду и племени... Ситуация безнадежная, если подумать, но граф, как и было им сказано, к

старости сделался сентиментальным и почел неожиданно своим долгом влюбленным помочь.

Ридли хмыкнул:

— «Счастливо овдовевшая»? Странная формулировка, но вы, по-своему, правы. Хотя, я полагаю, для Джека в том никакой радости нет: он погубит себя ради этой девицы.

— А она себя ради него?

— Что вы хотите сказать?

Граф, которому тоже подали вино, опустил фужер на столешницу.

— Девочка как ни крути, много больше теряет от связи с каким-то... плебеем, — произнес он с особым акцентом. И заметил, как вспыхнул его собеседник...

— Плебеем? Вот, значит, как вы думаете о нас? — Ридли поднялся на ноги.

Они снова смерились взглядами.

— Сядьте и успокойтесь, — понудил его Гаспаро Фальконе. — Я лишь хотел донести, что сеньорита Уорд теряет поболее простого мальчишки и все-таки хочет быть с ним.

— Откуда вам знать, чего хочет миссис Уорд?

— Я, в отличие от других, — опять с особым акцентом, — имею слушать, мой друг. И задавать правильные вопросы!

Желваки у его собеседника ходуном заходили.

— Она потешится с ним и забудет, — процедил Ридли с ожесточением. — Как поступают все женщины, независимо от их положения, знатности и богатства! Ей просто нравится преклонение, вот и все... А Джек... он именно преклоняется, обожает ее, по наивности полагая, что девицы в принципе способны любить.

— А они не способны? — с лукавством во взгляде осведомился Фальконе.

Ему показалось, что Ридли смутился, но быстро взял себя в руки.

— Сомневаюсь, что женская их натура к тому приспособлена.

Граф хмыкнул в кулак.

— В таком случае, вы, полагаю, не запретите мне провести маленький эксперимент?

Ридли невольно заинтересовался.

— Какой же?

— Я приглашу сеньориту Уорд пожить в своем доме и на собственном опыте убежусь в ее чувствах к нашему мальчику.

— Это плохая идея, сеньор. Вы все равно что масло в огонь подольете... Этим двоим не должно быть вместе. Сами знаете, что может случиться...

Граф отчего-то взбодрился, преисполнившись нетерпения поступить именно так, как сказал: пригласить в дом возлюбленную мальчишки и за ними понаблюдать. Он и сам толком не знал, зачем это делает: от скуки ли, от тоски или, может, от банальной сентиментальности — только кровь забурлила и ударила голову. В первый раз за последние годы...

— Знаю, был молод когда-то, пусть в это и сложно поверить. Но Джек, как вы думаете, сдержит слово, коли с него его взять?

— Сдержит. В этом могу за него поручиться!

Фальконе, полностью этим удовлетворенный и потому расцветший довольной улыбкой, произнес:

— Вот и славно. Все мне, старику, какое-то развлечение! Присмотрю за вашим подопечным, инспектор, а за одно и узнаю намерения сеньориты Уорд. Вы ведь позволите

мне присмотреть за обоими? Или хотите, чтобы мальчишка с вами поехал? Если так, то прошу передумать: мне сейчас не с руки разбираться еще и с подлогом. Пусть себе поживет в моем доме в качестве внука... Я даже готов заплатить, коли придется.

— Странный вы человек, — откликнулся Ридли, в задумчивости покачав головой. — Приютили мальчишку без роду и племени, еще и платить ему собираетесь. Что вы задумали? Я не верю, простите, в подобную бескорыстность.

— Так разве я бескорыстен?! — Развел граф руками. — Мне либо признать, что с внуком меня обманули, либо... продлить на время аферу и лицо сохранить, по крайней мере, на период судебного разбирательства, которое скоро последует. И потом... в этом доме так скучно, сеньор. — Он отхлебнул из фужера. — И одиноко.

Ридли, внимательно его изучавший, наконец опустился в широкое кресло, из которого встал.

— То есть судьбы двух человек — для вас развлечение? — спросил он. — Мните себя Господом Богом?

— Отнюдь. Я лишь скромный слуга Его, вознамерившийся развлечься...

Несмотря на легкомысленный тон, намерения его были более, чем серьезны, и Ридли как будто интуитивно это учуял.

— Я поговорю с Джеком и спрошу о его планах, — сказал он Фальконе. — Если он соберется вернуться со мной, отговаривать я не стану. Увольте. Если же вознамерится все же остаться... так и быть, проводите свой эксперимент. Но учтите, — он залпом допил остатки вина, — этот мальчик мне дорог и без присмотра я его не оставлю.

— На другое я и не рассчитывал, Ридли. Рад, что у Джино в вашем лице имеется столп достойный защитник! — с довольной улыбкой отозвался Фальконе.

Эпизод восьмой

Мисс Харпер десять — тысячу! — раз пожалела, что согласилась на авантюру с возвращением в Англию и расследованием преступления де Моранвиллей. А ведь давала зарок к прошлому не возвращаться — и вот она здесь, на Брэдфорд-сквер, в самом центре аристократического Лондона, одевается к ужину с неизвестным количеством гостей и вздрагивает от каждого звука. Все мнится, это инспектор Брандер явился по её душу... Вот-вот постучит во входную дверь и механическим голосом отчеканит: «Мисс Розалин Хемптон, вы арестованы по подозрению в убийстве Анри де Моранвилля! Будьте добры проследовать без промедления в полицейский участок для выяснения всех обстоятельств».

Внизу раздался стук в дверь, и женщина вздрогнула, прижав к груди стиснутые в кулаки руки. Приоткрыв дверь, она расслышала голоса супругов Баррет и выдохнула от облегчения...

Нет, она этого просто не выдержит! Зря и надеялась, глупая.

Слишком смелой она когда-то была, слишком верила в собственную неуязвимость — и жизнь ее проучила так круто, что теперь она больше тень самой себя прежней, нежели настоящая Розалин. Той егозы, что доводила мать своими проказами, давным-давно нет...

— Розалин. — В дверь просунулась голоса Аманды Уорд. — Мы с Барретами одновременно приехали. Ты спускаешься?

— Граф уже там?

— Нет, попо (дедушка) еще не спустился. Мне позвать его?

— Я сама, — откликнулась Розалин. — Ты пока гостей развлекай.

— С ними Джек.

— Все равно.

Аманда кивнула; радостная и возбужденная, она не уловила настроения Розалин, а та, едва Аманда сбежала по лестнице, постучала в дверь комнаты графа Фальконе.

— Войдите, — откликнулся тот, и женщина замерла на пороге. Камердинер как раз колдовал над замысловатым узлом на шейном галстуке графа, и Розалин замерла в нерешительности.

— Вы что-то хотели сказать, сеньорита? — обратился к ней граф. — Наверное, сообщить, что прибыли первые гости. Я слышал, как подъехали экипажи, но сам немного замешкался. Благо, это наши друзья, и можно позволить себе толику нерасторопности, не страшась осуждения местных кумушек. — Камердинер закончил с галстуком и отошел, прибирая одежду графа, сам Фальконе подошел к Розалин. — Что с вами, моя дорогая? Вы словно призрак увидели.

— Мне не здоровится, — чуть слышно прошептала она. — Могу я сегодня не спускаться к гостям?

Граф помолчал, внимательно изучая ее осунувшееся лицо.

— Розалин, дорогая, — он взял ее за руку и подвел к оттоманке, — я будто не к ужину прошу вас спуститься, а подняться на эшафот. — Женщина стала блее на тон, и старик понял, что сравнение оказалось не лучшим. — Простите.

— Мне не здоровится... — вновь начала было она, но Фальконе прервал ее.

— Розалин, дорогая, — произнес мягко, но не терпящим возражения тоном, — все мы отчасти собрались здесь ради вас. И это даже не ужин — военный совет, понимаете? Вы

должна быть внизу, а не прятаться в своей комнате.

— Я вовсе не...

— Именно прячетесь. И уже долгое время! Хватит, моя дорогая. Мы разорвем этот порочный круг — и вы снова выйдете на свободу. И именно вы, поймите же, должны нам помочь сделать это... — Гаспаро Фальконе сжал ее ледяную, как кусок льда, безвольную руку. — Без вас нам не справиться. Так вы спуститесь к ужину?

Нет!

— Я попытаюсь...

— Вот и славно. Тогда поднимайтесь и направляйте меня! Я еще не освоился в этом доме и постоянно теряюсь.

Конечно, граф говорил так только затем, чтобы взять ее под руку и держать не выпуская, вести вниз, как под конвоем. Розалин усмехнулась в душе, но взяла его под руку и последовала из комнаты вскинув вверх подбородок...

Была не была.

Авось самого страшного не случится...

И поняла, что ошиблась, когда, приближаясь к гостиной, различила среди гомона голосов один особенный для себя... Ее решимость мгновенно истаяла, ноги налились свинцом — Розалин сбилась с шага и замерла посреди холла.

— Что с вами? — осведомился Фальконе, хотя знал, ясное дело, что она сейчас чувствует. Вернее, не знал, только отчасти предполагал, ведь ощутить всю бурю чувств, всколыхнувшихся в ней, он вряд ли сумел бы.

— Вы говорили, на ужин придут только самые близкие... — неподатливыми губами отозвалась она.

— Так и есть, — как ни в чем ни бывало, наверное, просто делая вид, что не замечает ее состояния, подтвердил спутник, — только самые близкие и посвященные в нашу миссию люди: Барреты, мистер Джонсон, Джек с сеньоритой Уорд, ясное дело, и, конечно же, хмурый инспектор.

Хмурый инспектор...

Ну конечно, как она могла полагать, что старый сводник обойдет Энтони стороной?

Да и не полагала, по сути, потому и страшилась спускаться, а теперь некуда отступить...

Или есть?

Она дернулась, но рука графа крепко держала ее.

— Пойдемте уже, Розалин, иначе меня обвинят в невоспитанности. Вы ведь этого не хотите?

Она промолчала, но шаг за шагом проследовала к гостиной за графом. По сути, вся ее воля сосредоточилась в этих немногих, но таких сложных шагах...

Шаг за шагом, Розалин...

Шаг за шагом.

— А вот и вы. — Подхватившаяся с дивана Аманда совершенно по-своему расцеловала Фальконе в обе щеки. Для чопорных англичан, свято блюдушщих границы личного пространства, подобное поведение посчиталось бы оскорблением, старый же граф расплылся в широкой улыбке.

— Моя девочка! — похвалил он Аманду, возвращая ей поцелуи. — Сразу видно твою горячую итальянскую кровь, струящуюся по жилам.

— Только маме моей не говорите об этом, — улыбнулась Аманда. — Она будет в ужасе.

И мисс Харпер подумала, что состояние перманентного ужаса свойственно многим из них: она, например, старательно не смотрела в сторону Ридли, но ощущала его здесь присутствие, кажется, каждой клеточкой тела.

— Мисс Харпер, рад новой встрече! — произнес мистер Баррет, целуя ей руку.

— Взаимно, благодарю.

— Мисс Харпер...

Ее дыхание остановилось, и даже через перчатку горячие губы раскаленным клеймом ожгли руку. Она отдернула ее и спрятала за спину...

— Как приятно снова вас видеть, дорогая моя миссис Баррет! — между тем, приветствовал гостью Фальконе. — Вижу, ваше семейство ждет прибавление. — Анна смущенно зарделась, а Чарльз вскинул голову. — Поздравляю от всего сердца! В детях все наше будущее. Мистер Баррет, мое почтение. — Граф похлопал по плечу молодого мужчину. — Инспектор Ридли, рад видеть вас в добром здравии!

— Взаимно, сеньор. Вы выглядите цветущим!

— Все только благодаря заботе сеньорите Рид... Ой, простите, никак не привыкну звать ее по-другому: сеньорите Харпер. Дырявая моя память!

Хитрый лис оговорился намеренно, Розалин даже не сомневалась, и её кипятком обдало с головы до кончиков пальцев. Хмурый взгляд не улыбочивых глаз будто розгой ударил по коже...

Она против воли вцепилась в Аманду — та шепнула:

— Все хорошо? Я понятия не имела, что Ридли тоже здесь будет.

— Я в порядке. Все равно бы пришлось снова увидеться... Я привыкну.

Вскоре позвали за стол. И граф, будто нарочно над ней измываясь, разместил Розалин рядом с Энтони... Всю долгую трапезу она просидела с мыслью о том, чтобы сбежать из-за стола, и с трудом сдерживала себя, казалось странным, что две ложки бульона все же протиснулись в ее сжатое от напряжения горло.

— После ужина, господа, предлагаю перебраться в библиотеку и выпить чаю за обсуждением нашего дела, — оповестил всех Фальконе. — Полагаю, к этому времени мистер Джонсон почтит нас визитом. — Он поглядел на часы. — Нынче он что-то запаздывает.

Джонсон явился как раз к чаепитию: раскланялся, умоляя простить его за опоздание. И выглядел крайне таинственно. Впрочем, насколько успела изучить его Розалин, он всегда выглядел так, словно знал некую важную тайну, о которой прочие не имели понятия, и крайне этим гордился.

— Итак, наше тайное заседание детективов-любителей объявляю открытым! — провозгласил Гаспаро Фальконе, когда все затихли в ожидании его речи. — Мы собрались здесь не ради забавы или праздного любопытства, нами движет искреннее желание помочь дорогому для нас человеку, мисс Розалин Харпер, несправедливо обвиненной в совершении страшного преступления, на которое, как мы все верим, она не способна. Мисс Харпер, — обратился он к самой компаньонке, неподвижно сидевшей на стуле подле него, — полагаю, дабы нам поделиться имеющейся информацией и быть в курсе дела, начать следует с вас: расскажите, что именно произошло в доме на Кинг-стрит, восемнадцать, в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое сентября шестьдесят пятого года.

Розалин ощутила, как семь пар внимательных глаз с любопытством глядят на нее и окончательно стусевалась. Вспоминать о событиях того вечера и последующего утра ей

совсем не хотелось, мало того, она постоянно желала о них позабыть, но они, как проклятие, снова и снова приходили во снах... и наяву.

Как сейчас.

— Я не уверена, что смогу... — произнесла она тихо. — Прошло столько лет. Я...

— Конечно, вы сможете, — подалась к ней Анна Баррет, накрыв сцепленные ладони своими. — Вот увидите, все получится... Воспоминания эти, мы понимаем, болезненные для вас, но, чтобы разобраться в произошедшем, вы должны рассказать, что случилось тогда... Из газет, которые я прочла, — она смущенно пожала плечами, — я знаю лишь, что в тот вечер вас не было в доме и вернулись вы поздно, когда мальчик уже был...

— ... Убит, — обреченно закончила за нее Розалин. И вздохнула: — Служанка, впустившая меня в дом, рассказала о том, что я поздно вернулась Брандеру, и тот вцепился в сей факт, как терьер, и...

— Расскажите всё по порядку, — кивнул ей Фальконе. — Что случилось тем вечером?

И Розалин, помолчав и собравшись с мыслями, начала так...

Эпизод девятый

— Тот вечер у меня был свободным, — начала свой рассказ Розалин Харпер, — раз в три недели с шести до десяти часов вечера мне позволялось покидать особняк по собственному желанию, в такие вечера хозяйка сама укладывала маленького Анри. Она была очень привязана к мальчику, любила его с маниакальной привязанностью... — сочла нужным она пояснить. — Словно чувствовала подспудно, что потеряет его, и старалась не упустить его из виду, постоянно быть рядом.

— Сколько лет было мальчику, когда всё случилось? — спросил граф, подбадривая её.

— Семь. Но Анри был субтильного типа, хрупкий и нежный, воистину ангелочек. И выглядел младше года на два...

— Вы любили его?

— Его все любили! — запальчиво отозвалась мисс Харпер. — Мальчик был кроткого нрава, любил учиться, и со слугами всегда добр.

Выдав все это на выдохе, женщина замолчала, опустив голову, и старый граф, как бы сам назначив себя председателем их «тайного общества», снова понудил ее:

— Итак, вы собирались провести вечер вне дома и...

— ... И посетить вместе с Энто... — она осеклась, бросив стремительный взгляд на инспектора, — с моим женихом, — поправилась Розалин, — доклад профессора Гальтона в Королевском колледже. Он должен был говорить на тему дифференциальной психологии и психометрики, а эта тема давно интересовала... — она снова запнулась, — нас. Начинался доклад в семь часов вечера, и мы условились встретиться сразу у входа, так как... мой спутник вел сложное дело и вынужден был задерживаться порой допоздна. До Королевского колледжа я могла бы прийти и пешком, всего-то получасовая прогулка по свежему воздуху, но, как нарочно, в тот день зарядил мелкий дождь, и мне пришлось кликнуть кэб. Задумавшись о предстоящем событии... — Розалин снова запнулась, имея в виду, наверное, скорую свадьбу, и продолжила торопливо, как будто бы устыдившись чего-то: — В общем, я слишком доверилась кэбмену, не глядя в окно на дорогу, и, когда поняла, что едем мы через чур долго, различила башни Сент-Джеймского дворца, а значит, все это время мы лишь удалялись от цели, направляясь в противоположную сторону. Я всполошилась и окликнула кэбмена — он не ответил. Делал вид, я уверена, что не слышит меня... Так мы проехали еще минут пять или десять, я подумывала уже распахнуть дверцу и звать на помощь, но вечер был пасмурный, прохожих было немного, да и те семенили с зонтами, глядя под ноги. А я надеялась все же, что возница просто-напросто задремал или неверно расслышал названный мною адрес, вот-вот отзовется: мол, извините, мисс, бес попутал, сейчас возвратимся назад, но вместо этого бег кэба замедлился, и вскоре мы остановились. Точь-в-точь у ворот Сент-Джеймского сада... «Выходите, мисс, — пробасил кэбмен, распахнув дверцу. — Приехали». Я возмутилась, что это не пункт моего назначения, что все это время он вёз меня вместо Стрэнда в Вестминстер, а это полное безобразие, ведь я опоздала на важную встречу. Кэбмен, правда, не реагировал: глядел из-под черных бровей и хмурил лицо. Я, излив на него первый приступ негодования, ощутила вдруг, как неистово бьется сердце в груди и как пугает меня этот мрачный мужчина... Решив, что найму другой кэб, чтобы вернуться, сесть в этот снова я вряд ли сумела бы, я все-таки расплатилась с ним так, как если бы он привёз меня в Стрэнд, а потом торопливо отошла прочь, глядя, как кэб покати по дороге.

Мисс Харпер, рассказывая об этом, стиснула руки, сменяя тонкий платок, и теперь ненадолго задумалась, собираясь, наверное, с духом. Джек знал, что случилось потом из прочитанного некогда дела, и удивлялся, как сухо звучат голые факты, облеченные в официальный язык, когда на деле для человека значат так много.

«Допрашиваемая сообщила, что в районе Сент-Джеймского парка неизвестный вырвал из ее рук сумку и стремительно скрылся...»

— Едва он скрылся за поворотом, как я подумала было остановить другой кэб, хотя, видит бог, мне сделалось страшно снова довериться кэбмену, — продолжила женщина, — но было уже начало восьмого (я опоздала на встречу), и на улице становилось совершенно темно, а трехчасовая прогулка по темным улицам, надо признаться, пугала сильнее, чем мрачный, неразговорчивый кэбмен, устроивший для меня то ли шутку, то ли намеренное коварство.

— То есть вы полагаете, кэбмен увез вас в Вестминстер намеренно? — спросил Джек.

— В тот момент я склонялась скорее к тому, что кто-то незнающий Лондона, может быть, лишь недавно прибывший в город и подвизавшийся кэбменом, по ошибке завез меня не туда, но на следующий день, когда я узнала о случившемся с мальчиком... Да, мне кажется, это сделали неспроста, — ответила Розалин.

Джек кивнул, признавая ее правоту, он и сам думал о том же, знакомясь с протоколами допросов мисс Харпер.

Инспектор Ридли сказал вдруг:

— Этого кэбмена, описанного мисс Харпер (к слову, многие из их братии черноволосы, с густыми бровями), искали потом долгое время. Инспектор Брандер проявил в этом плане завидное рвение... Но даже когда этот поиск не дал результатов, я сам познакомился чуть ли не с каждым кэбменом в Лондоне, но даже после месяцев поиска не обнаружил нужного человека. — И заключил, не глядя на бывшую возлюбленную: — И выходит, что: либо кэбмен тот был подставным, намеренно отыгравшим роль, дабы удалить гувернантку из дома на как можно более долгое время, либо... мисс Харпер придумала всё, оправдывая отсутствие в доме на момент похищения и смерти мальчика.

Мисс Харпер сдавленно ахнула, Джек же с удивлением поглядел на старого друга, так жестоко озвучившего подобную мысль. И ведь Джек знал, что Ридли ничуть не считает мисс Харпер виновной, но, оскорбленный в своих лучших чувствах, жалит, повинуюсь эмоциям, а не логике.

Он сказал:

— Но разве не было бы логичней, желая мисс Харпер действительно заручиться уверенным алиби, провести вечер с вами, своим женихом, к тому же инспектором местной полиции, нежели просто ссылаться на неизвестного кэбмена и воришку, укравшего ее сумку? К чему подобные ухищрения?

Ридли сжал губы да так плотно, что те превратились в едва различимую линию. Взгляд был холодным и безучастным...

— Как знать, — сказал он, — женская логика не всегда поддается разумному осмыслению.

— И все-таки вы несправедливы к мисс Харпер, — не выдержала Аманда. — Я абсолютно уверена, что Розалин не причастна к случившему у Моранвиллей... И вы тоже знаете это, просто... — инспектор воззрился на нее упреждающим взглядом: мол, давайте, миссис Уорд, только посмейте сказать, что я предвзят к этой леди, — ... просто вы, —

поняла она этот взгляд, — по привычке рассматриваете историю со всех сторон разом и допускаете две возможности, вместо одной, тогда как мы, друзья мисс Харпер, точно знаем, на какие из версий не стоит размениваться напрасно.

— Я стараюсь быть непредвзят, — возразил девушке Ридли, — и смотреть на события отстраненно, как человек не причастный к ним, а значит, ни в ком лично не заинтересованный.

Аманда дернула плечиками.

— Я вас понимаю. И все-таки полагаю, что мы, в нашем особенном случае, должны отталкиваться от идеи о том, что мисс Харпер оговорили безвинно!

Джек расслышал, как Ридли прошептал едва слышно: «Безвинных людей не бывает», но в их маленький спор вмешался Фальконе, и этих слов, к счастью, никто, кроме него, не услышал.

— Друзья, давайте не будем спорить напрасно, — произнес граф, — лучше дослушаем рассказ мисс Розалин до конца. Я, в отличие от некоторых из вас, совершенно не знаю, о чем идет речь... Мисс Харпер, — обратился он к компаньонке, — расскажите, что было дальше. Как вы вернулись домой после случая с кэбом...

Мисс Харпер, по всему, глубоко пораженная словами бывшего жениха, дышала взволнованно, часто и, казалось, вот-вот изорвет шелковую тряпицу до дыр, так сильно теребила ее в своих пальцах.

И заговорила не сразу...

— Оставшись одна в наступающих сумерках, я, как уже и сказала, собиралась остановить другой кэб, пусть мне этого и не хотелось, и добраться до Стрэнда, — наконец, продолжила рассказ женщина. — Торопливо шагая по Барн-Крофт, я, кутаясь в плащ, высматривала такой, но, как нарочно, ни одного экипажа рядом не проезжало... К тому же, не успела я толком опомниться, мимо пронесся какой-то мужчина и, выхватив мою сумку, скрылся в ближайшем же переулке. Кажется, я закричала и попыталась за ним побежать, но вовремя остановилась: мало ли что ждало бы меня в том переулке... Подумаешь, деньги. Я бы и не жалела о них, кабы не полная невозможность расплатиться с возницей, попадись мне такой на пути.

— Вы могли расплатиться с кэбменом, прибыв на место, — вставил в ее рассказ Ридли. — Я был там, у Королевского колледжа, и ждал вас битый час кряду. Но, поняв, что вы не придете, решил, что хозяйка вас почему-то не отпустила и тоже ушел. Кроме того, — продолжал он, — карманника с Барн-Крофт я тоже пытался найти... В то время в Сент-Джеймсе промышляли два ловких парня: Скрюченный Джо и Милашка. Первый, как выяснилось впоследствии, сразу после случившегося у Моранвиллей был убит в уличной драке, а второй... просто пропал с лондонских улиц. Как бы я ни старался, отыскать его не сумел... И таким образом, подтвердить алиби мисс Харпер, как вы понимаете, не получилось! А потому инспектор Брандер вполне ожидаемо усомнился в рассказе подозреваемой...

Мисс Харпер вскинула голову.

— Он изначально, и вам это прекрасно известно, вознамерился сделать меня виноватой! — с достоинством провозгласила она. — Вам ли не знать, как это бывает: находишь мало-мальски подходящего человека и подводишь все к его сопричастности и вине.

— Я так не работаю, — возразил Ридли, глядя в глаза собеседнице.

— Быть может, вы, сэръ, но остальные именно так и поступают. — Розалин Харпер стиснула злополучный платок в кулаке. — Брандер спал и видел, как найти виноватого в столь громком деле, всколыхнувшем весь Лондон. Вы сами тогда говорили: он готов носом рыть землю, лишь бы выслужиться перед суперинтендантом, ожидавшим от него быстрого результата. А тут я...

— ... С подозрительно неправдоподобным рассказом о странном кэбмене и карманнике. А еще... с кровью на платье...

Они с Ридли уперлись друг в друга холодными взглядами.

— Кровь была на подоле и только, — процедила мисс Харпер неподатливыми губами. — И взяться она могла откуда угодно... Сами знаете, я три часа кряду брела к дому по темным лондонским улицам. Через лужи... Обессиленная и испуганная, я подчас позволяла себе присесть на скамью или просто опереться о стену. Мало ли что могло оказаться на юбке в такие моменты...

— И все-таки вы попытались скрыть этот факт.

— Я просто-напросто испугалась. И не напрасно, как вы могли убедиться: едва Брандер нашел мою юбку, как для себя все решил — я виновна. И даже не удосужился хорошенько подумать о том, что убивший Анри не пролил ни капли крови ребенка...

— У него был порез на руке.

— Посмертный, насколько мы знаем. Вы сами просили доктора Меррита осмотреть мальчика, разве забыли? Но инспектор Брандер не принял свидетельство доктора к сведению, о нет, он заявил, что тот ошибается. Мальчику якобы пригрозили ножом и вывели в сад, где после... и удушили... Этим ножом и поранили. Вот чем он объяснил появление крови на подоле моей верхней юбки.

Мисс Харпер так сильно разволновалась, что утратила свойственное ей обычно спокойствие. Казалось, вот-вот испепелит инспектора взглядом...

— Аманда, будьте добры, налейте мисс Харпер чашечку чая, — попросил Гаспаро Фальконе, с интересом наблюдая дуэль бывших возлюбленных. — Ромашка и бергамот благотворно влияют на растревоженные нервы.

Эпизод десятый

Розалин знала: ничем хорошим это не кончится, и все-таки согласилась спуститься — и вот результат. Она разнервничалась, вспыхнула, а все из-за слов Энтони о ее якобы сопричастности...

Он ведь не мог на самом деле считать, что она как-то причастна к убийству ребенка?

Или мог?

Тогда, три года назад, он был на ее сторону. Он ей верил! Что изменилось теперь? Неужели разбитое сердце и обида, занозой засевшая в сердце, настроили его против нее? Заставили считать ее монстром, способным убить маленького Анри?

Ее Энтони не был таким... до невозможности отстраненным, холодным и... злым...

Неужели это она... ее бегство так изменили его?

«И все-таки вы попытались скрыть этот факт», крутилось в ее голове непрерывно. И больше слов, ранил тон, язвительно-равнодушный, обвиняющий даже. Такой, что морозцем пробирало по коже...

Энтони больше не верил в нее.

— Розалин, чай... он остывает. — Это Аманда заботливо указала на чашку с ромашковым чаем.

Ах, если бы чаем решались проблемы!

— Спасибо, Аманда. — Она отхлебнула чуть теплую жидкость и вспомнила другой день и другую чашечку чая, поданную с не меньшей заботой...

... Она еще крепко спала, слишком измученная событиями прошлого вечера, когда в дверь ее комнаты постучали.

— Мисс Харпер, вы еще спите? Мисс Харпер...

Она поднялась и, накинув халат, отперла дверь. Теперь она постоянно её запирала, и пусть прочие думают, что хотят... Ей все равно.

— Миссис Поттер, в чем дело?

— Анри... Маленький мастер при вас?

— Анри? — удивилась она. — Нет, конечно, он должен быть в своей спальне или при матери... Вы смотрели в хозяйкиной комнате?

— Миледи понятия не имеет, где он, — отозвалась служанка. — Она-то первая и заметила, что мальчика нет в его спальне. И страшно перепугалась!

Теперь разволновалась и Розалин. На часах, как она успела заметить, было не больше шести, а ребенка будили в семь... Хозяйка над ним сильно тряслась и не давала изматывать ни уроками, ни чрезмерно ранним подъемом. Анри же утрами спал крепко, как ангелок, и сам прежде ни разу не просыпался...

Что же случилось теперь?

— Возможно, Анри спустился на кухню... — предположила она. — Миссис Хит, наша кухарка, подчас угощает мальчонку печеньем, и он тайком пристрастился пробираться на кухню за новой порцией лакомства.

— Вы, наверное, правы, я поищу его там, — откликнулась камеристка миледи де Моранвилль, торопливо направившись к лестнице.

Розалин, проводив служанку глазами, торопливо захлопнула дверь и оделась.

Беспокойство не отпускало — на Анри это было мало похоже. Может, он пошел искать в парке ежика... Пршлым днем они видели одного, скрывшегося в кустах, и мальчик загорелся идеей непременно поймать беглеца.

Прибирая постель, она тоскливо вздохнула, увидев вчерашнее платье: все еще мокрое и заляпанное в грязи, оно выглядело совершенно испорченным. Прачке придется приложить немало усилий, чтобы вернуть ему прежний вид... Если и это поможет. Внимание Розалин привлекли пятна на юбке: коричнево-ржавые, бурые. Что это? Кровь? Она с недоумением покосилась на них, а потом, бросив затею разгадать эту тайну, поспешила из комнаты, чтобы узнать, отыскался ли мальчик.

Проходя мимо детской, она увидела Грейс де Моранвилль, хозяйку дома, с опрокинутым, совершенно безумным лицом метавшуюся по комнате.

Едва завидев ее, женщина спросила:

— Где ребенок? Где мой маленький мальчик? Кто унёс его? И колыбельку тоже убрали. Почему нет колыбельки?

— Колыбельки, мэм? — растерялась мисс Харпер.

Кроватка Анри стояла разобранной здесь же, слева от матери, а она спрашивала о колыбели, словно Анри все еще был годовалым младенцем.

— Да, где колыбель с моим мальчиком? — в экзальтации, как будто бы разозлившись ее недогадливостью, вскинулась леди де Моранвилль.

— Мэм, я... — начала в полной растерянности Розалин, не понимая, как и что говорить.

Хозяйка выглядела ужасно: наспех накинутый пеньюар, распахнувшийся на груди, волосы в беспорядке, сбились колтуном на затылке, глаза безумные. Мечется из угла в угол, как запертое в клетке животное...

— Кто ты такая? — оборвал ее нерешительный лепет странный вопрос. — Что вообще делаешь в моем доме? — Подозрительный взгляд уперся в нее, как рапира.

Розалин совершенно смешалась.

— Мэм, меня зовут Розалин Харпер, я гувернантка маленького Анри.

— Гувернантка?! — презрительно переспросила хозяйка. — Ты лжешь. Мой мальчик еще слишком мал, чтобы иметь гувернантку! — И снова: — Куда унесли колыбельку? Кто забрал моего ангелочка?

В тот момент Розалин допустила тот факт, что хозяйка, как бы ей не хотелось в подобное верить, в самом деле лишилась рассудка. Досужие языки оказались правы... А ведь она неизменно ее защищала и в разговорах с кухаркой и с Ридли, и в собственной голове, полагала миледи эксцентричной, чуточку взбалмошной, но отнюдь не лишившейся разума.

А теперь видела, что ошиблась...

— Мэм, — обратилась Розалин к женщине, мягко касаясь ее руки, — быть может, вам лучше присесть, успокоиться? Я уверена, мальчик найдется. Давайте приведем вас в порядок! — Хозяйка остановилась, позволив ей оправить свой пеньюар и затянуть пояс на тоненькой талии. — Смотрите, у вас что-то есть в волосах... Хвоинка. — Розалин продемонстрировала иголку сосны на ладони. — Пойдемте к вам комнату, я причешу вас.

В других обстоятельствах, ясное дело, она ни за что не решилась бы так снисходительно-кротко, словно с ребенком, говорить с миледи де Моранвилль. Этот тон хорошо действовал на маленького Анри, когда он, заигравшись в саду, не желал идти в дом, или кривился при виде тарелки овсянки, но и миледи неожиданно поддалась: кивнула, готовая идти за ней следом.

Но застонала вдруг:

— Как ужасно болит голова. Просто невыносимо! — И стиснула голову.

В этот самый момент и раздался истошный, полный ужаса крик, отрезонировавший, казалось, от всех стен и поверхностей в доме. Кричали с улицы...

— Что это было? — тут же вскинулась женщина.

— Кто-то кричал...

Они обе кинулись к подоконнику и поглядели в окно. Там, среди вечнозеленых кустов бересклета, маячило платье камеристки хозяйки... Та как будто застыла над чем-то, не шевелясь, и словно вовсе окаменев.

— Это Поттер, — сказала миледи. — Что она делает там?

— Ищет Анри, полагаю.

Миледи окинула Розалин уничижающим взглядом.

— Что моему малышу делать в саду? Поттер — круглая дура. — И высказав эту нелестную характеристику, она торопливо направилась прочь из комнаты, гувернантка — за ней.

— Кто кричал? — раздавалось со всех сторон разом.

Растревожённые слуги толпились в холле у лестницы; из кабинета показался Мишель де Моранвилль, и те при виде него разом смолкли.

— Дорогая, на вас лица нет. Что происходит? — подошел он к супруге, с заботой на нее глядя.

— Вы слышали, кто-то кричал? — откликнулась женщина. — Это Поттер, мне кажется. — И сразу без перехода: — Я потеряла Анри.

— Потеряли Анри? — переспросил муж, для пояснения глянув на Розалин.

— Его нет в своей комнате, — подтвердила она. — И миледи волнуется.

А женщина подалась ближе к мужу и пожаловалась в сердцах:

— Они унесли его колыбельку, Мишель. Зачем они это сделали? Нашему мальчику непременно нужна колыбелька.

Де Моранвилль растерялся, Розалин видела это, и опять поглядел на нее.

— Госпожа очень волнуется... — осторожно подбирая слова, сказала она, — и несколько потерялась в своих ощущениях.

Мужчина, кивнув, поджал губы — понял, о чём она говорила. Миледи «терялась в своих ощущениях» не впервые, но именно так — в первый раз.

— Дорогая, ребенка найдут, вот увидите... и колыбель возвратят, — сказал он, увещевая супругу. — Не лучше ли вам отдохнуть в своей комнате? Вы очень бледны.

Он хотел было взять ее за руку, но жена воспротивилась:

— Нет. Я хочу знать, почему Поттер кричала.

— Уверен, из-за какого-то пустяка. Ваша Поттер, миледи, боится собственной тени!

— И все же...

— Но вы не одеты. — Муж все-таки взял ее за руку и попытался развернуть к лестнице, но Грейс де Моранвилль дернулась.

— Я хочу видеть Анри! — закричала она. — Где мой мальчик? Кто унес его? — И побежала к двери, ничуть не заботясь ни о собственном виде, ни о том впечатлении, которое производила на слуг своим поведением и словами.

Гувернантка с хозяином переглянулись и последовали за ней. Догнали уже на садовой дорожке, ведущей вглубь сада: именно там, у фонтана, из окна они и заметили Поттер. Та,

кажется, так и стояла, не двигаясь с места, и глядела на что-то в траве... вернее, на... кого-то в траве.

Розалин сбилась с шага, когда разгадала на что именно она смотрит: на человека. Под ложечкой засосало... Потемнело в глазах. Она замерла больше не в состоянии сделать ни шагу, и крик леди де Моранвилль оглушил ее на мгновение. Распахнув вдруг глаза, она поняла, что зажмурилась, избегая невыносимой реальности, распростертой у ног камеристки.

— Мисс... — Ее подхватили по руку, и она узнала лакея, нанятого недавно.

— Спасибо, — прошептала одними губами, ощущая, что ноги не держат ее.

А миледи истощно то ли рыдала, то ли стенала как раненое животное, прижимая к себе мертвое тело своего маленького ребенка. И граф, отец мальчика, с неживым, будто враз омертвелым лицом, наблюдавший эту ужасную сцену, вдруг рухнул подле обоих, вцепившись пальцами в землю...

— Мальчик мой! Мой малыш! Мой маленький ангелочек! — рыдала Грейс де Моранвилль таким жутким голосом, что у слуг волосы на затылке зашевелились. От всей этой сцены веяло безысходностью и тоской, и впечатление лишь усилилось, когда они разглядели на шее маленького хозяина отчетливые следы крепких пальцев, сдавивших тонкую шейку.

Анри де Моранвилль умер не потому, что упал с дерева или ударился головой о бетонный бортик фонтана, — кто-то намеренно сжал его шею и лишил мальчика жизни.

— Такого кошмара я в жизнь не видывала! — тем же вечером отозвалась кухарка, подавая мисс Харпер лавандовый чай. — Бедный мастер Анри, он был таким славным, незлобивым ребенком... Кто мог решиться на подобное злодеяние?

Ответа у Розалин не было, как не было его и у полиции, наводнившей дом, словно прилив — морской грот. Жизнь в доме на Кинг-стрит восемнадцать в то утро изменилась до неузнаваемости...

Эпизод одиннадцатый

— Мисс Харпер, вы успокоились? — обратился к своей компаньонке Фальконе. — Сможете продолжать обсуждение? Для нас очень важно ваше присутствие, но мы не хотим, понимаете сами, принуждать вас.

— Со мной все в порядке.

Эта женщина всё ещё была бледной как полотно, и, прикладывая губами к чашечке чая, казалась такой отрешенной, словно была в другом месте, не здесь, в доме графа Фальконе среди друзей и знакомых...

Где именно?

Может быть, на Кингс-стрит, снова и снова переживая то страшное утро шестнадцатого числа, когда обнаружили мальчика?

«Я никогда этого не забуду. Никогда-никогда!» — вспомнились Ридли ее глухие, взволнованные слова. Помнится, он прижимал к плечу ее голову, гладил по волосам и обещал, что кошмар скоро закончится. И преступника непременно накажут...

— Что с того? — отозвалась тогда эта женщина. — Мальчика все равно уже не вернуть.

— Но виновный должен ответить за преступление.

Она, помнится, торопливо сморгнула наворачнувшиеся вдруг слезы и упрямо затрясла головой.

— Но правосудие не вернет родителям сына, а значит, и толку в нем ноль, — заявила мисс Харпер, чем глубоко его поразила такими словами.

Сам Ридли считал правосудие смыслом и направляющей своей жизни, он жил в соответствии с простой формулой: «Да воздастся каждому по делам рук его», а теперь кто-то уверяет его, что правосудие не есть направляющий вектор, а лишь рудимент чего-то другого, более важного.

Он такого не понимал...

Он вообще не понимал женщин, особенно плачущих.

Особенно будучи страстно влюблен и как будто отчасти сделавшись глупым и недалеким.

Это было странное чувство, любовь, не поддающееся логическому анализу и все-таки, несмотря ни на что, невероятно приятное, словно удобная шаль, повязанная на шею. И согревающая в мороз...

... А теперь будто удавка, затянутая на шее.

Он отвел взгляд, не желая глядеть на мисс Харпер, и захотел оказаться подальше от этого места, в котором снова видел её. Пусть бы снова терзаться мыслями «Почему?», чем сидеть, слушая ее голос и воочию лицезрея тонкий профиль с красиво очерченными губами, прежде шепчущими ему о любви, а теперь будто отчасти проклинаящими.

И лгущими.

О да, эта женщина не такая святая, какой хотела бы казаться! Он понял это потом, когда она трусливо сбежала, отбросив его, как испорченную перчатку. И, наверное, был даже рад, что избежал самой важной ошибки: брака с обманщицей. И мечтал многое вменить ей в вину, но... увидев ее, не сумел.

Жалкий слабак!

— Господа, — снова воззвал к ним Фальконе, — давайте вернемся к сути обсуждаемого

вопроса и поговорим вот о чём: какой была первая версия прибывшей к де Моранвиллям полиции. Кого они заподозрили в первую очередь?

— Лакея, — произнес Джек. — Одного из последних нанятых де Моранвиллями слуг. Тот, как выяснилось впоследствии, подделал рекомендательное письмо, а до этого подвязался в Эст-энде в одном сомнительном заведении, чей хозяин не брезговал ни убийствами, ни похищениями людей. Именно потому инспектор Брандер предположил, что мальчика собирались похитить...

— А предположив, так в этом уверился, что перестал замечать прочие вещи, — вставил инспектор, и Джек, смутившись, кивнул.

— Да, со временем, когда версия с похищением не дала никаких результатов, вспомнили о заляпанном кровью платье мисс Харпер... — продолжал он. — О нем ненароком упомянула допрашиваемая полицией прачка. Тогда на это не обратили внимания, но потом, когда стало известно, что гувернантка не явилась на свидание с женихом, этим фактом заинтересовались.

Аманда спросила:

— Но какие резоны могли быть у гувернантки, чтобы избавиться от ребенка, да еще таким страшным, варварским способом? К тому же, ее неспроста задержали вне дома... Кто-то знал, что она в этот вечер свободна, и воспользовался моментом. Брандер не мог этого не понять...

Ридли знал, что ведет себя совершенно несдержанно и жестоко, но удержать себя не умел. Вся желчь, копившаяся годами, теперь выходила толчками, как кровь из разорванной раны...

— Ну что же, мисс Харпер, расскажите миссис Уорд, почему инспектор Брандер усомнился в вашем рассказе, — язвительно кинул он, обращаясь к бывшей невесте.

Та сидела, опустив голову, но при этих словах вскинула взгляд и пристально на него посмотрела. И столько было в нём боли и сожаления, и прочувствованной вины, что Ридли стало не по себе... Мог ли он все-таки ошибиться на ее счет? Или... мисс Харпер опять играла в игру?

— Я знаю, что повела себя глупо, инспектор, что, испугавшись, наговорила не то, что должна была, но прошлого не исправить, и я прекрасно это осознаю. — После этого она перевела взгляд на остальных участников сцены и продолжила говорить: — Когда мальчика нашли мертвым, а в дом явилась полиция и начала опрашивать домочадцев, я испугалась, что мой рассказ о прогулке по ночным улицам вызовет только вопросы и недоверие, а потому... просто по глупости, полагаю, сказала, что провела вечер со своим женихом. Мне показалось, что это хорошее алиби, подтверждавшее, что я не причастна к случившемуся, и я совсем не подумала, что инспектор захочет проверить его. А он, конечно, проверил и... выяснил, — она мазнула торопливым взглядом по Ридли, — что на свидание в этот вечер я не явилась...

— Мисс Харпер, благодарю, что согласились ответить на наши вопросы. Опять.

Инспектор Брандер, высокий, с пышными бакенбардами и черноглазый, как ласка, источал непривычное дружелюбие.

— В прошлый раз я рассказала вам всё, что знала, инспектор. Не понимаю, зачем потребовалось опять... — Она смолкла под немигающим, полным тайного знания взглядом.

— И все-таки повторите, что говорили тогда, — улыбнулся Брандер, демонстрируя мелкие, острые зубы. Точно ласка.

— Но...

— Вы... якобы... встретились с женихом в Стрэнде и провели вечер вместе, просвещаясь докладом мистера Гальтона. Так?

— Д-да.

— Вы уверены, мисс? — Голос вкрадчивый, тихий.

— Я...

— Подумайте прежде, чем отвечать. Как бы я не решил... что вы обманываете меня... — Это «обманываете» Брандер прошипел прямо в ухо, склонившись к ней со спины, и Розалин обдало предательским жаром.

— Я... я не понимаю, инспектор, — пролепетала она. — Что вы хотите узнать от меня?

— Правду, мисс Харпер. Где вы действительно провели вечер пятнадцатого числа... И с кем, что тоже немаловажно. У вас были пособники? Вы сговорились, и он удушил мальчика по вашему наущению? Признавайтесь, мисс Харпер, отпираться бессмысленно: мы знаем, что на свидание с женихом вы не явились. Он сам сказал нам об этом!

— Я... я... все было совершенно не так. Как вы можете обвинять меня в чем-то подобном?! Я любила Анри.

— ... Но отца его, мистера де Моранвилля, любили сильнее, не так ли?

— Что?

— Вы влюбились в де Моранвилля, мисс Харпер, и желали прибрать к себе и мужчину, и деньги. Не отпирайтесь: и так все понятно.

— Абсурд! — Она вскочила на ноги, дыша праведным негодованием, но тяжелая мужская рука, надавив на плечо, понудила ее сесть.

— Садитесь, мисс Харпер, нам еще много о чем нужно поговорить. Вот хотя бы о платье, отстирать следы крови с которого вы тщетно пытались...

Розалин показалось, что она задыхается, застегнутое под горло, её тёмно-зеленое, строгое платье будто душило ее. Она схватилась за горло...

— Вы ведь не можете в самом деле считать, что я...

— Влюбленные женщины совершенно безжалостны, вам ли не знать.

— Но у меня есть жених! У нас скоро свадьба.

— Женщина ищет, где лучше, мисс Харпер. Де Моранвилль видный, влиятельный человек, к тому же, богатый, конечно, он лучше молодого инспектора без гроша за душой...

— Я люблю своего жениха.

Инспектор Брандер растянул губы в улыбке.

— И потому вы ночами наведывались в спальню хозяина?

— Ложь! Грязный навет.

— Такой же «лживый», как ваш рассказ о свидании с женихом?

Платье душило пеньковой удавкой, затягивалось на шее все туже и туже. Розалин мнилось, вот-вот откроется люк, и она, не сумев даже вскрикнуть, засучит в пустоте своими ногами...

— Я не... я не... ходила ни к кому в спальню... Я честная девушка. Я...

— Мечтали о лучшей жизни, мисс? О нарядах, как у хозяйки? О ее драгоценностях?

— Но при чем же здесь мальчик?

А Брандер шептал на ухо, как змей искуситель:

— Так легко свести с ума женщину, потерявшую сына. Избавиться от нее и занять опустевшее место... в постели хозяина...

Розалин заткнула уши руками, кажется, закричала, а потом провалилась в мирную тишину, в которой не было ни инспектора с его грязными обвинениями, ни мысли о случившемся преступлении, ни ее самой вообще — только мрак, тишина и покой.

— С того времени я сделалась главной подозреваемой, — продолжала мисс Харпер. — Инспектор считал, что, сговорившись с подельником, я вывела мальчика из дому и велела тому задушить его. Чтобы он не кричал, я угрожала ребенку ножом, которым его и поранила, а после кровью из раны случайно заляпала платье.

Рассказывая об этом, эта женщина выглядела несчастной, и Ридли, сжав пальцами тонкий фарфор чайной чашки, услышал отчетливый треск.

Быть может, трещало по швам его собственное терпение... Вряд ли чашка.

Или все-таки что-то другое?

— Почему полиция полагала, что не вы сами убили ребенка? — обратился к ней Баррет.

— Потому что следы пальцев на шее Анри оказались через чур крупными для меня. И инспектор предположил, что убийца — мужчина...

— ... Или крупная женщина, — возразила Аманда.

Мисс Харпер с горькой насмешкой ей улыбнулась.

— Вряд ли Брандер стал бы такое предполагать, — сказала она, — ведь у него была я, виновная, как он считал, по всем пунктам.

— Но мотив, — не отступалась Аманда. — Каков, по его мнению, у тебя был мотив?

Мисс Харпер опустила глаза.

— Он полагал, что мы с Мишелем де Моранвиллем были любовниками, — с явным усилием призналась она.

Эпизод двенадцатый

За месяц до смерти Анри де Моранвилля

Мишель де Моранвилль, как явствовало из его имени и фамилии, имел по отцу французские корни и в тайне гордился хваткостью деда, не только избежавшего ужасов гильотины, но сумевшего и на чужбине застолбить себе место под солнцем Он, правда, желая восполнить свой капитал, занялся когда-то неподобающей аристократу коммерцией, за что на время был изгнан из светских гостиных, как недостойный, однако с течением времени и переменой взглядов на мир, его снова начали принимать и принимали тем благосклоннее, чем богаче он становился. Таким образом уже отец Мишеля де Моранвилля слыл одним из завиднейших женихов светского Лондона, сам же Мишель взял в жены Грейс Стаффорд, двадцать пятую в списке претендующих на английский престол, и это говорило о многом.

Богатый, влиятельный, не обделенный мужской красотой и лоском светского денди, женатый, к тому же, на очаровательной женщине, де Моранвилль мог бы считаться счастливейшим смертным, не томи его сердце гнетущая мысль о бездетности их с супругой союза. За пять лет в целом счастливого брака Грейс де Моранвилль ни разу не понесла от него... Она оказалась пустышкой, пустоцветом, выстрелом в пустоту.

А ведь он так мечтал о наследнике, маленьком де Моранвилле, которому он оставит наследство, приумноженное в разы. И когда случилось невероятное — жена, забеременев, родила здорового мальчика — он не мог поверить своему счастью. Это было тем чудом, божьим ответом на их многочисленные молитвы, на который единственно уповали степенные доктора, снова и снова разводя руками в беспомощности...

Но и тогда, расцвеченная появлением наследника жизнь де Моранвиллей, не сделалась совершенной: роды оказались тяжелыми, и супруга, едва не отдав Богу душу, впала в гнетущее оцепенение на долгие месяцы. Доктора, приглашенные к ней, называли ее состояние «postpartum exanimationes» — родовым помешательством и снова разводили руками, уверяя, что это проходит само, нужно просто дать время.

И Грейс действительно стало лучше: однажды она, наблюдая в окно за нянькой с пятимесячным мальчиком на руках, вдруг вышла из комнаты и, пройдя через дом, забрала у женщины сына. С тех пор она большую часть времени проводила с ребенком сама и тряслась над ним с маниакальной заботой... Охладев, однако, не только к супругу, но и к жизни, которой жила. Ни балы, ни светские рауты более не прельщали ее...

Грейс де Моранвилль, как шептались «доброжелатели», чуточку повредилась в уме.

И только супруг ее знал, насколько сильно преуменьшали они степень проблемы.

— Олдридж, — в раздражении позвал граф. — Олдридж... черт побери!

На пороге его кабинета материализовался дворецкий.

— Вы звали, сэр?

— Не задавай idiotских вопросов, — огрызнулся в раздражении граф. — Где папка с бумагами, что лежала на этом столе? Я сам положил ее здесь прошлым вечером.

Олдридж изменился на тон, сравнившись по цвету с лепниной на потолке.

— Сэр, я...

— Да не мямли ты. Кто заходил в кабинет этим утром?

— Никто, сэр.

— А как же служанка, растапливающая камин? Только не говори, что эта дуреха растопила его моими бумагами.

— Как можно, сэр?! Она никогда не посмела бы. — И, утративший невозмутимость дворецкий, вдруг кашлянул в кулак.

— Да говори же, как есть, нечего тут расшаркиваться, как на балу, — одернул его собеседник.

— Миледи, сэр... — начал тот, — миледи де Моранвилль утром спустилась раньше обычного и...

— И?

— ... Долго гуляла в саду. — Брови дворецкого вскинулись. — Может статься, что она снова...

Мужчина понял в то же мгновение, на что намекает слуга, и стиснул край бронзовой пепельницы.

Неужели опять?

Быть не может. Проклятье!

— Где графиня сейчас?

— В столовой, сэр, завтракает.

— Хорошо.

Де Моранвилль стремительным шагом вышел из кабинета и ворвался в столовую мрачный как туча. Раздражение в нём kloкотало вулканической магмой... Он больше не мог его сдерживать.

— Где папка с бумагами, Грейс? — кинул он прямо с порога, не заботясь о тоне.

— Папка с бумагами? — переспросила жена, намазывая тост джемом. — Отчего вы решили, сэр, что я это знаю? — Ее лицо отобразило вопрос, такой неподдельный, что граф на мгновение усомнился в ее причастности к исчезновению папки, но длилось это не дольше секунды: жена улыбнулась. И злорадство этой улыбки поведало ему даже больше, чем он бы желал.

— Где она? — процедил он, сжав кулаки. До страстного захотелось вlepить негодяйке затрещину так, чтобы ей стало больно и идеальные завитки светлых волос разметались по шее.

— Почему бы вам самому не поискать, — отозвалась жена. — Вы ведь у нас такой умный.

Он не знал, совершенно не понимал, чем заслужил подобное отношение: эта женщина будто за что-то казнила его, мстила изо дня в день, причем крайне изобретательно. Нет, он понимал, ясное дело, что виной всему её помутившийся разум, но почему именно он, заботливый, любящий муж, стал целью её помешательства, принять и осмыслить не мог.

Началось всё... Когда? Примерно, полгода назад. Жена вдруг сделалась мрачной и нелюдистой, как было то после родов Анри... Говорила, что утомилась житейской рутинной, что ей нужно время... Они ссорились по пустякам, и она запиралась ночами, не пуская его в свою комнату. Как-то он даже заставил её выполнить свой супружеский долг... Прямо в его кабинете, на рабочем столе.

Он до сих пор помнил её обезумевшие о ненависти глаза и презрительно искривившийся рот.

С тех пор, собственно, всё и пошло...

— Олдридж, лопату! — приказал он, обращаясь к дворецкому. — И найдите мне

Поттер; пусть она скажет, где этим утром гуляла хозяйка.

— Да, сэр, сию же минуту.

Дворецкий ушел, а де Моранвилль все стоял и смотрел, как жена жует тост, откусывая его маленькими кусочками. Будто дразнится... Ненормальная сука. Он устал... он смертельно устал жить в аду изо дня в день... За что ему это всё?

Может быть, мать права: и лечебница — лучший выход из ситуации?

Не хватало еще, чтобы Грейс навредила ребенку... Мало ли что взбредет в голову ненормальной.

— Сэр, миссис Поттер и садовник с лопатой ждут вас в саду, — вернулся дворецкий.

Кивнув, он молча покинул столовую. Всё в нём дрожало, как в лихорадке... И он гадал, как выдержит это дольше.

— Графиня долгое время провела у фонтана, милорд, — просветила его камеристка жены. — Полагаю, искать нужно там.

И, снова молча кивнув, он зашагал по дорожке. Казалось, если заговорит, будет сыпать проклятиями и только... Эта безумная стерва всю душу ему измотала своими ненормальными выходками. В прошлый раз закопала в саду дорогой мейсенский фарфор, доставшийся им от прабабки, и пока верзила-садовник выкапывал его из земли, были разбиты три блюдца и две чайные чашки. Он глядел тогда на те черепки, как на осколки своей собственной жизни, разлетевшейся на куски...

— Вот, сэр, смотрите: здесь земля потревожена.

— Копайте! — отрывисто кинул он. — И достаньте уже эту папку.

Почему Грейс свихнулась на том, чтобы закапывать его вещи в саду, для Моранвилля опять же оставалось загадкой. Чайный сервиз, золотые часы, даже новый, только-только пошитый по случаю фрак — все оказывалось в земле, стоило отвернуться.

Может быть, жена таким образом намекала ему, что не прочь и его, ненавистного мужа, прикопать под розовыми кустами?

Но вряд ли в действиях Грейс была логика или разумность: он видел безумие в голубых, так любимых им прежде глазах. Его супруга ополоумела...

— Папка, сэр, вот она. — Работавший лопатой садовник потянул из земли угол кожаного портфеля. И, отряхнув его, протянул хозяину дома.

— Благодарю, — кинул тот скупое, приняв портфель с таким видом, словно ему подали ядовитого аспида. — Приведите здесь все в порядок.

— Будет сделано, сэр.

Ну, хотя бы не сожгла бумаги в камине — и за это спасибо. И все-таки сука! Ненормальная, свихнувшаяся на всю голову сука! В запальчивости, едва ли разбирая дорогу, он почти налетел на мисс Харпер, гувернантку Анри, вышедшую из дома...

— Прошу простить меня, сэр, — пролепетала она, опуская глаза.

И он, глядя на тонкий девичий профиль, подсвеченный солнцем, подумал вдруг, какой резкий контраст представляет ее кроткий вид дерзком, неприветливым взглядам Грейс.

— Это вы простите меня, Розалин, — сказал он. — Супруга опять взялась за свое, и я... я немного не в духе. Не заметил вас, если честно!

— Ничего страшного, сэр.

Он видел, как ей неловко беседовать с ним, особенно поминая безумства жены, и он вдруг подумал, что гувернантка могла бы помочь ему.

— Мисс Харпер...

— Да, сэр?

— Не могли бы вы поспособствовать мне в одном деле?

Ее карие, миндалевидной формы глаза вскинулись на него в недоумении.

— Каком, сэр?

— Присмотреть за моей женой.

— Сэр? — Она испугалась как будто. — Не понимаю...

— Вы знаете, как и прочие... Нет-нет, не отрицайте, вы умная женщина, значит видите сами: жена моя повредилась рассудком и ведет себя странно. Сегодня, к примеру, прикопала под елью мою папку с бумагами... — Он продемонстрировал запыленную вещь. — А ее камеристка, миссис Поттер, слишком предана ей, чтобы докладывать мне о безумствах жены... Вы же...

— Сэр... вы предлагаете мне шпионить за вашей супругой? — ужаснулась мисс Харпер.

— Отчего же «шпионить»? Присматривать и докладывать мне, если Грейс снова станет вести себя... ненормально.

— Но я провожу большую часть своего времени с вашим сыном, милорд. И вряд ли смогу в должной мере...

— И все-таки... — Он положил руку на девичье плечико и заглянул в испуганные глаза. — Если что-то заметите... или услышите... расскажите мне, хорошо? В любое время ночи и дня дверь моей комнаты открыта для вас.

— Ах, простите, сэр! — В этот самый момент из-за угла выскочила служанка с охапкой цветов для украшения дома и, зыркнув на его собеседницу, понеслась дальше с блеском в глазах.

— Простите, сэр, мне пора на урок к вашему сыну, — торопливо произнесла гувернантка и тоже прыснула прочь, не ответив ни да, ни нет.

Он постоял, глядя ей вслед, а потом, наконец, вошел в дом.

Эпизод тринадцатый

Признание Розалин далось нелегко, Аманда видела это, ей вообще было непросто вспоминать те события, и она пересиливала себя, участвуя в обсуждениях дела де Моранвиллей. Даже с Амандой, хотя они провели много времени вместе в Италии и подружились, Розалин ни разу не заговорила о событиях, что побудили ее оставить родину, жениха и сбежать, как преступнице. А Аманда нисколько не верила, что подруга способна убить, к тому же, маленького ребенка...

Особенно из-за денег, если вдруг допустить, что она действительно полагала занять место супруги Мишеля де Моранвилля. Что тоже, если подумать, совершенно нелепо: такой человек, как де Моранвилль, никогда бы не опустился до брака с простой гувернанткой.

Они несколько раз виделись в свете, и он показался Аманде высокомерным, расчетливым снобом, знающим себе цену.

— Но это просто нелепо, — сказала она, — все в доме наверняка могли подтвердить, что вы с хозяином не состояли в романтических отношениях.

В повисшей в комнате тишине ощущалось гнетущее напряжение, недосказанность, гнев. Вскинув глаза, Розалин произнесла:

— Ты ошибаешься: в доме как раз на каждом углу обсуждался наш с де Моранвиллем роман. Мы якобы за спиной у жены тайно встречались в комнате графа... Что он, устав от безумной супруги, собирался отправить бедняжку в Бедлам, а меня сделать негласной хозяйкой. Даже мое будущее замужество якобы... было прикрытием, ширмой для наших с ним отношений.

— Но почему? Что побудило прислугу распусть о тебе подобные слухи?

Розалин усмехнулась:

— Много ли надо, чтобы распусть языки? Один жест — рука на плече, одно слово, понятное не так — и вот ты уже любовница графа, а после и вовсе — убийца. — Она продолжила, помолчав: — Жениху о шепотках в доме я ни слова не говорила: не хотела его огорчать. Да и боялась, наверно, что он решит: шепчутся не без повода. Я надеялась, сплетня уляжется через время, когда злопыхатели наконец убедятся, что между нами с хозяином нет ничего предосудительного. Только он... будто нарочно подливая масло в огонь, стал выделять меня среди слуг и однажды позвал в кабинет... Он хотел, чтобы я... шпионила за хозяйкой, докладывала ему, если она поведет себя странно, как с ней частенько бывало в последнее время.

— В газете было написано, что миледи де Моранвилль страдала душевным расстройством... — осторожно вставила Анна Баррет. — Так ли это?

Розалин, обхватив плечи руками, в задумчивости на нее посмотрела.

— Сложно сказать определенно, но вела она себя странно, — признала она. — Временами казалась совершенно нормальной, а потом закапывала в саду то столовый сервиз из мейсенского фарфора, то папку с документами мужа, а однажды... сказала, что может летать и выпрыгнула в окно библиотеки. К счастью, то был первый этаж, и она не расшиблась, но хозяин аж посерел, когда она это сделала...

— Он любил жену?

— Полагаю, до всего этого да, но в тот год, когда у миледи начались эти странности, они с ней постоянно ругались.

— Знаете, почему? — спросил Джек.

— Я не подслушивала под дверью.

— Но, сами знаете, слуги шепчутся по углам...

Розалин вымученно улыбнулась: ей ли не знать.

— Говорили, у графа появилась любовница, и жена об этом узнала. Но я не знаю, правда ли это... Граф не казался мне легкомысленным человеком, способным на тайную связь. Любовницы у него, наверное, были, но без серьезных посылов... Вряд ли наличие оных стало причиной скандалов.

— Что же тогда?

— Я не знаю, — ответила женщина, покачав головой. — Может быть, граф хотел еще сына, а жена не пускала его в свою спальню... Об это как раз много шептались на кухне. А может... — она задумалась на секунду, — ему не нравилось, как графиня носится с сыном... «У нас вырастет рохля и неженка. Перестань квохтать над ним!» — попенял он однажды жене. А та кинула гневно: «Я — его мать. Как хочу, так и веду себя с сыном!»

— Граф любил мальчика?

— Очень. Буквально души в нем не чаял! Редкий дар для мужчины.

— Он, должно быть, тяжело переживал гибель сына? — спросил вдруг Фальконе. — Он, в отличие от жены, оставаясь в себе, в полной мере осознавал свое горе.

Мисс Харпер кивнула.

— Де Моранвилль, кажется, постарел за то утро, в которое нашли мальчика, — сказала она. — У него тряслись руки, а глаза будто выцвели... Дворецкий с лакеем вдвоем увели его в дом — он плелся, как неживой. Миледи же пришлось сделать успокаивающий укол, так как она то рыдала над телом ребенка, то обвиняла кого-то в похищении сына... Ей все казалось, что он еще кроха, младенец из колыбели — как сказал потом доктор, от сильного горя у нее что-то сделалось с памятью, и она позабыла последние несколько лет, помня лишь время, когда сын только родился.

— Ретроградная амнезия, — произнес Ридли. — Так называл это доктор.

— Наверное... — согласилась с ним Розалин. И тут же добавила: — Но знаете, что страннее всего? Еще до обнаружения мальчика графиня уже искала колыбель со своим сыном. И никто, абсолютно никто, не обратил особенного внимания на рану на её голове. Зная о странностях леди, доктор, годами пользовавшийся де Моранвиллей, предположил лишь, что несчастная гуляла во сне или случайно поскользнулась на мокром полу, а о хвоинках в ее волосах и отсутствии крови на том же полу не было сказано ни слова...

— А что думаете обо всем этом вы? — осведомился Фальконе.

— Я думаю, леди де Моранвилль выходила той ночью из дома и...

— И?

— Я не знаю, — Розалин прикрыла глаза. — Я сотню раз представляла, что там случилось, но все равно понятия не имею, что именно произошло. Знаю лишь, что отчасти виновата: все последние дни я спала в комнате мальчика...

— Почему?

— Он стал беспокойным, ему часто снились кошмары, просыпаясь в поту, он громко кричал. Я успокаивала его... Полагаю, ссоры родителей плохо сказывались на нем...

— А в тот вечер вы изменили привычке?

— В тот вечер, измучившись долгой прогулкой и вымокнув под дождем, я поднялась к себе и совершенно без сил повалилась в кровать. Если бы только я заглянула к нему, —

простенала она, — если бы пересилила собственную усталость...

Старый граф покачал головой.

— Вряд ли это что-нибудь изменило бы, — сказал он, — мальчик уже тогда был, наверное, мертв. Вас неспроста удалили из дома и из его комнаты, ясное дело...

— Но зачем? Почему? — вскричала мисс Харпер. — Анри был таким славным мальчиком. Боже мой!

— Не кори себя. В его смерти твоей вины нет! — с полной уверенностью заявила Аманда, обняв подрагивающее от слез тело подруги.

А та прошептала, не в силах смириться со своим прошлым:

— Но я могла бы, наверно, что-то заметить... предугадать...

— Если вы правы насчет миледи де Моранвилль, и она в ту самую ночь выходила из дома, — произнес Джек, — то могло статься, она видела преступление...

Ридли кивнул, подхватив его мысль.

— Я уверен, что именно так это и было, — произнес он. — Но остается неясным, почему, став свидетельницей преступления, сама она не пострадала. Убивший ребенка должен был испугаться, запаниковать и избавиться от свидетельницы...

— Может быть, именно так убийца и планировал сделать, ударив женщину по голове, — предположил Баррет. — И, посчитав, что она умерла, он бросил её, но миледи очнулась и, вместо того, чтобы изобличить преступника, не вспомнила ни только минувший вечер, но и несколько предшествующих ему лет.

— Вполне разумная версия, я полагаю, — подтвердил данное умозаключение старый граф. — Но одно до сих пор мне неясно: мотив. У кого был мотив убить мальчика?

— Возможно, у де Моранвилля были враги, — предположила Аманда. — Он был дельцом и довольно успешным, а такие всегда имеют врагов.

Граф согласился:

— Вполне может быть. Но полиция, полагаю, исследовала этот вопрос... — Он поглядел на инспектора Ридли.

— Боюсь, нет, — отозвался тот не без горечи. — Гувернантка убитого мальчика сделалась для Брандера главной подозреваемой, а исчезнув, лишь убедила инспектора в своей правоте. Сам я пытался искать в том направлении... — признался Ридли как будто смущенно, — но сильные мира сего не особенно расположены к откровенным беседам с инспектором полиции, непонятно с какой именно целью желающим с ними встречи. Так что, увы, — развел он руками, — ничего важного узнать мне не удалось.

— Но ведь кто-то должен был что-то знать! — В сердцах воскликнула Анна. — Не может быть, чтобы совсем ничего...

Розалин вдруг сказала:

— Если кто-то что-то и знал, то миссис Поттер, камеристка миледи. Они были с ней очень близки, и хозяйка наверняка делилась с ней самым личным: в частности, почему ссорилась с мужем.

Услышав эти слова, все разом посмотрели на Ридли, а Фальконе озвучил безмолвное вслух:

— Эту Поттер, конечно, допрашивали ваши коллеги. Она сказала что-то существенное?

Ридли покачал головой.

— Ничего, что могло бы продвинуть нас в этом деле, — произнес он. — Уверяла лишь, что хозяин изводил супругу беспочвенной ревностью, постоянно укорял её в холодности и

легкомыслии, а однажды... кхм, взял ее силой в библиотеке.

— Но это неправда, — возмутилась этим словам Розалин. — По крайней мере, касательно ревности. Граф не казался ревнивцем, а графиня едва выезжала из дома... Лишь однажды... — припоминая, продолжала она, — он вспылал, прогнав учителя музыки, нанятого графиней для маленького Анри, но, я уверена, дело было не в ревности.

— А в чем же тогда?

— Мне кажется, он показался де Моранвиллю недостаточно компетентным, но... — она, кажется, засомневалась, — я не уверена в этом.

Присутствующие опять помолчали, осмысливая услышанное, и Фальконе сказал:

— Наверное, было б не лишним переговорить с этой Поттер опять, как вы считаете? Может быть, по прошествии времени она станет более разговорчивой, да и деньги, стоит их посулить в нужной мере, развязывают язык. Где теперь эта женщина?

— Поступила на новое место, насколько я знаю, — ответил на его вопрос Ридли. — Полагаю, в бумагах имеется ее новый адрес. Я узнаю его...

— Благодарю вас, инспектор. Это было бы важным подспорьем для нас!

— А я бы мог попытаться узнать о карманнике, промышляющем у Сент-Джеймса, — предложил Джек. — Времени, без сомнения, прошло много, но в определенной среде ловкачи остаются на памяти как легенды. Вдруг удастся узнать, куда делся Милашка...

— А еще, — добавил Фальконе, — очень хочется поглядеть на нашего графа. Он появляется в свете?

Анна Баррет кивнула.

— В последнее время чаще, чем прежде, — сказала она. — В первые годы после трагедии он стал буквально затворником, редко куда выходил и сам никого не принимал, но сейчас нет-нет да появится где-то.

— Значит, у нас есть надежда увидеть его и составить о нем свое мнение.

— Без сомнения.

Фальконе расплылся в улыбке.

— Еще чаю, мои дорогие? — предложил он, хватаясь за колокольчик.

Эпизод четырнадцатый

Джек развернул сверток с купленными лакеем вещами: старыми башмаками, издавшими, по всему, не одного хозяина до него, холщовой рубашкой, штанами и залатанным на подкладке картузом — вещи в целом все еще ноские и добротные, но безликие, как и сотни бедняг, носивших их до него. Джек и сам был когда-то одним из таких, да и сейчас, наверное, оставался, просто на время забыл, каково это: быть простым пареньком из Уайтчепела. Прошел длинный путь, чтобы стать кем-то большим...

И не был уверен, что получилось, несмотря даже на идеально пошитый костюм специально по его меркам с лацканами из шелка и бархатным воротником.

И надевая эту одежду из своей прежней жизни, Джек толком не понимал: то ли он все это время притворялся кем-то другим, то ли сейчас притворяется собой прежним.

А прежнего Джека уже больше и нет...

Или есть?

Что-то двойственное, противоречивое теснилось на сердце — и раздирало его.

Вспомнилось вдруг, как инспектор подарил ему вещи для аудиенции в доме Риверстоунов-Блэкли: они были немногим лучше тех вещей, что сейчас в этом свертке, но казались тому, прежнему, Джеку слишком хорошими для него. Воротник, помнится, как вчера, впивался в тощее горло, ботинки жали... Что бы сказал тот мальчишка сейчас, будучи экипирован, как графский наследник в узкий сюртук, который не снять без слуги, и шейный галстук, повязанный настолько замысловато, что Джек до сих пор понятия не имел, как Аманда или его камердинер справлялись с узлом, скрепленным драгоценной булавкой.

Впрочем, сейчас, глядя на свое отражение в зеркале, Джек едва ли себя узнавал в старой одежде, даже стало тревожно, что и трущобы не признают его за своего. Волосы лежат слишком гладко (он взъерошил их), руки слишком ухоженные (Джек стиснул их в кулаки)... Кожа сделалась гладкой и нежной, как у младенца. А когда-то, часами не вылезая из воды и вылавливая «подаяния» Темзы, его руки и ноги были совершенно другими: сестра смеялась, что его пальцами, вместо песка, можно очистить кастрюли и сковородки. «Кусок пемзы», вот как она их называла.

— Сэр, ваши ботинки. — Молодой камердинер с недоумением и опаской глядел на его преобразование. — Мне пойти с вами? — осведомился у Джека.

— Благодарю, Филипп, но ни к чему.

С такими словами он сунул ноги в разношенные кем-то ботинки, зашнуровал их. Постоял, будто старая обувь обладала магическим даром возвращать старые же привычки, а он старался пробудить их в себе, а потом вышел из комнаты, намереваясь поставить Фальконе в известность о скором уходе, но вместо этого услышал голоса в холле.

И замер на верхней ступеньке... Как никак его нынешний образ не подходил для новых знакомств в высшем обществе.

— Дорогой друг, какая чудесная встреча! — произнес восторженный женский голос глубоким контральто. — Я, признаться, не верила, что увижу вас снова... Столько лет прошло...

— Пять.

— Целых пять. Боже мой! Но вы как будто несколько не изменились...

— Вы льстите мне, леди Стаффорд. Годы безжалостны, и я больше не тот... Но вы

восхитительны, должен заметить. Даже краше, чем я вас запомнил...

Женщина рассмеялась, и Джек, глянув через перила, рассмотрел средних лет даму в красивом платье вишневого цвета, будто в смущении отмахнувшуюся от комплимента Фальконе сложным веером.

— И кто из нас больший льстец? — игриво осведомилась она и тут же, мгновенно сделалась грустной. — Вы верно заметили: годы безжалостны, граф, а жизнь и того хуже... — печально отозвалась она. Веер хрустнул под ее пальцами. — Вы, наверное, слышали о трагедии с нашим внуком?

Фальконе склонил голову.

— Сочувствую вам от всего сердца, Аделаида, — произнес он.

Женщина нервным движением открыла и снова захлопнула веер.

— Теперь я хорошо понимаю, каково было вам лишиться если не дочери, то возможности видеть внуков, растить их и баловать. Я так любила нашего маленького Анри, ангелочка, как мы его называли, а теперь... — Граф выхватил из кармана платок и протянул его женщине — с благодарностью поглядев на него, та промокнула уголки глаз. — Простите, Гаспаро, я стала слезливой старухой. Мне, право слово, неловко!

— Ах, перестаньте, вы сами сказали: я понимаю вас, причем больше, чем вы себе представляете. — Граф подал женщине руку и увлек ее на диван с истинно рыцарской грацией.

Хмыкнув, Джек неожиданно понял, что Гаспаро Фальконе не так прост, как казался: о своем близком знакомстве с Аделаидой Стаффорд, бабушкой маленького Анри де Моранвилля, тот ни разу даже не заикнулся. И вот эти двое обращаются друг ко другу просто по именам и вообще ведут себя... прелюбопытно.

— Благодарю, друг мой. Вы так добры, — опять прозвучало глубоким контральто. — Вы, Гаспаро, единственный человек, с которым я могу говорить по душам, не страшась жадного любопытства. Все остальные все равно что акулы, рыщущие вокруг в поисках «лакомого кусочка» — новой сплетни для обсуждения. — Леди Стаффорд снова утерла уголки глаз. — Понимаете сами, тогда, после случившегося, было непросто... Да и сейчас, на самом деле, не лучше, но я взяла себя в руки, креплюсь, а вот Стаффорду, моему мужу, это с трудом удастся. Он, понимаете ли, души в Грейс не чаял и внука любил до безумия... Как по мне, так даже чрезмерно. Мужчина не должен быть так помешан на собственных детях, это противоестественно, вы не находите?

— Отцам свойственно опекать и любить своих дочерей, дорогая Аделаида.

— Вы полагаете?

— Собственный опыт подсказывает мне это.

Леди Стаффорд, на которую граф глядел с обезоруживающей нежной улыбкой, только вздохнула. И, решив, должно быть, отойти от темы отцов-дочерей, начала о другом:

— Ах, граф, только вам я и могу в этом признаться, — сказала она, — смерть Анри разрушила не одну — две семьи разом. Мы с мужем и прежде ладили кое-как, я писала вам, помните, а теперь мы и вовсе неделями слова друг другу не говорим... Ходим будто чужие. Совместные ужины стали пыткой, жизнь — мраком. И я не вижу просвета, вот что ужасней всего!

Рука Фальконе чуть сжала подрагивающие пальцы миледи.

— Все наладится, дорогая, я уверен, все непременно наладится, — оптимистично произнес он, продолжая нежно ей улыбаться. — После ночи приходит рассвет, после

печали... новая радость...

— Не уверена, что всё ещё помню, как радоваться, Гаспаро.

— Уверен, вы вспомните, Аделаида. — И с воодушевлением: — Скажите прямо сейчас, чего вы хотели бы больше всего, и я непременно это исполню, чтобы вернуть радостную улыбку на ваше лицо!

Леди Стаффорд смутилась и опустила глаза.

— Вряд ли это возможно, мой друг.

— Отчего же? Друзья для того и нужны, чтобы поддерживать нас в трудные времена... и оказывать помощь по мере сил и возможностей...

— Вы — хороший друг, я это знаю, — прошептали женские губы, а глаза заблестели непролитыми слезами. — Но, право слово, даже вам, дорогой мой Фальконе, было бы не под силу исполнить желание моего сердца...

— И все-таки я прошу вас открыть его мне...

— Боюсь, вы можете разочароваться во мне...

— Никогда! — пылко уверил Фальконе. — Никогда и ни при каких обстоятельствах я не разочаруюсь в вас, милая Аделаида. Итак... — он призывно заглянул ей в глаза.

— ... Я хочу выяснить, кто и зачем убил нашего мальчика, — призналась миледи Стаффорд. А признавшись, уткнулась в ладони лицом, как бы не смея показать глаз; и добавила глухо: — И отомстить за его злодеяние. — И тут же, торопливо, как будто оправдываясь: — Я знаю, христианская добродетель велит поступать по-другому: прощать врагов наших, оставлять старое, простираясь вперед, но я не могу. Не могу забыть горе, что причинили нашей семье! А главное, не задаваться вопросом: почему это сделали? Почему эта женщина... — ее речь прервалась рыданием, — сделала это с Анри...

Джек, пораженный догадкой, мелькнувшей в его голове, отступил от перил и, наверное, вздрогнул, услышав за спиной тихий голос:

— Теперь и вы знаете маленькую сердечную тайну графа Фальконе, мой друг.

Томазо Джонсон, подхватив его под руку, увлек в дальнюю часть коридора.

— Я понятия не имел, что... — зашептал Джек.

— ... Граф дружен с миледи Стаффорд, бабушкой маленького Анри? — подхватил его речь детектив. — Что ж, в таком случае, вы еще многого не знали о графе. — И одарил его таким взглядом, что Джеку стало не по себе.

— Вы ведь не то хотели сказать, что и мисс Харпер...

— ... Попала на виллу Фальконе отнюдь не случайно?

Джек открыл рот, выдохнув разом весь воздух.

— Так граф, в самом деле...

— ... Поручил мне ее отыскать. Я отыскал, и — вуаля! — мисс Харпер под крылышком графа!

— Но для чего?

— А вы подумайте сами, молодой человек, — сеньор Джонсон вскинул кустистые брови, кивнув в то же время в сторону лестницы, где еще минуту назад Джек подслушивал разговор между графом и леди Стаффорд. — И ответ придет сам собой.

И тот высветился огнями в голове парня.

— Граф желал угодить леди Стаффорд, отыскав ту, что, как все считала, виновна в убийстве маленького Анри.

— Бинго, мой друг.

Джек побледнел, оттянув ставший вдруг удушающим шейный платок.

— То есть граф выманил Розалин Харпер на родину, чтобы...

— ... сдать убийцу полиции? Бог с вами, друг мой, — взмахнул рукой мистер Джонсон. — Возможно, в начале граф и желал поступить именно так, но со временем все же проникся к мисс Харпер. Сами видите, он расположен к ней...

— Значит, вот в чем причина его интереса к этому делу, и желание посетить Лондон — отнюдь не какой-нибудь альтруизм, а самый обычный расчет, — будто не слыша его, прошептал Джек.

— Вы явно разочарованы, друг?

Джек усмехнулся, покачав головой.

— Я, кажется, слишком доверчив, и полагаю людей много лучше, чем они есть. Это не очень хорошее качество для детектива, вы не находите? — спросил он.

— Я нахожу... что вы еще очень молоды, друг мой, и слишком категоричны в суждениях. Граф же немного влюблен... вы видели сами, и старается совершить невозможное: ухватить звезду с неба для той, что ему дорога.

— Но как это вышло?

— Вы о любви? Разве сами не знаете, как она с нами случается? — Детектив усмехнулся.

— Вы знаете, я не то имею в виду.

— Вы о том, как они познакомились? Точно сказать не возьмусь, но, полагаю, случилось то в прошлый визит графа в Англию пять лет назад. Что уж там между ними случилось, я тоже не знаю, но... — детектив выдержал краткую паузу, — после того граф с леди Стаффорд все время писали друг другу.

— Тайно?

— Вряд ли муж леди Стаффорд одобрил бы нечто подобное.

Джек никак не мог уместить в голове коварство казавшегося таким безобидным графа Фальконе, все гадал, где еще просмотрел самое главное, что не заметил. Откуда явится новая неприятность... И полагать, что Фальконе намеренно заманил Розалин в Лондон, чтобы сдать ее полицейским, казалось кощунством, безумием.

— Так, друг мой, я вижу, вы совершенно расклеились и забыли о том, что наметили. Ай-яй-яй! — Детектив подхватил Джека под руку. — Не позволяйте неприятным открытиям сбить себя с толку. Пойдемте!

— Куда?

— Для начала на лестницу для прислуги, после — в Ист-Энд, для чего, полагаю, вы так и оделись.

— Но вам нельзя со мной! Это испортит все дело.

— Не волнуйтесь, молодой Огден, я подстрахую вас издалека. Мы с графом об этом условились! Или вы теперь полагаете, граф — коварный злодей и не верите ему больше?

— Я этого не говорил.

— Вот и славно. Потому что скажи вы нечто подобное, Джино, я бы сильно разочаровался в ваших умственных способностях! А теперь поспешим. Время не ждет! Оставим голубков ворковать в одиночестве.

И с такими словами он распахнул дверь и засеменил вниз по лестнице для слуг.

Эпизод пятнадцатый

Закоулки Ист-Энда, полной противоположности фешенебельному Вест-Энду, Джек знал, наверное, лучше, чем лицо своей матери. Он помнил каждый узкий проход, закуток, выбоину на дороге и все самые значные места тоже... Он вырос на этих улицах среди таких же нищих трудяг, как он сам... Наравне с ними бился за жизнь, стараясь не утонуть в этой грязной клоаке. И выживали не все...

— Воистину адское место, — проворчал себе под нос маленький итальянец, отпрянув от потрепанной шляхи, тянувшей к нему свои руки.

Джек мысленно усмехнулся: когда ты вырос в аду, на темной изнанке, её смрад уже не пугает тебя. Лишь вызывает острую жалость и страх снова стать её частью...

Джек с ясностью осознал, что перерос это место, и никогда сюда не вернется, чего бы ему это ни стоило. Никогда, ни за что!

— А теперь лучше разделимся, — сказал он. — К «Крысолову» я отправлюсь один, так будет вернее.

— Я затаюсь неподалеку. — Кивнул, соглашаясь, Томазо Джонсон. — Вы только там осторожней, сеньор, не хотелось бы поплатиться своей головой за дырку в вашем жилете.

Джек улыбнулся.

— Сеньор? В самом деле? Я полагал, мы с вами друзья.

— Друзья, — согласился мужчина. — Но, знаете ли, мой друг, — он сделал особый акцент на последних словах, — субординация — дело тонкое, им лучше не злоупотреблять.

Джек прощупал правый карман, убеждаясь, что нож ещё там. Каждый раз, касаясь его, он вспоминал Амоса Грира... И будто прошлую, не свою уже жизнь.

— Мне кажется, вы переоцениваете меня, мистер Джонсон, — произнес он, направляясь к приземистому строению с медной вывеской «Крысолов», видневшемуся между домами.

— Это как знать... — отозвался Томазо Джонсон с задумчивым видом. — Это как знать... — Потом осмотрелся и, юркнув в узкий проход, больше похожий на щель, притаился там, наблюдая за входом в таверну.

У дверей, оперевшись о деревянный косяк, лениво посасывал папиросу огромный детина с хмурым лицом. Он еще издали обсмотрел Джека взглядом, вроде бы безразличным, но цепким, колючим, до костей пробирающим — вряд ли бы кто-то случайно решился к такому приблизиться. Прошло много времени, но Джек был уверен, что это все тот же Крысолов Гарри, что и четыре года назад, когда он приходил сюда с Рыжим Джо и его бандой «призраков». Он держал это значное место в своих крепких, с голову волкодава руках, и захаживающие в него темные личности: будь то карманники, воры или убийцы — все одинаково знали, что Гарри прикроет им спину. В «Крысолове» соблюдался свой особенный кодекс...

Вот и сейчас Джек будто бы невзначай потер кончик носа, мало ли, зачесался, и улыбнулся громиле.

— Рад, что ты в добром здравии, Гарри! — жизнерадостно сказал он.

Мышцы мужчины весьма ощутимо расслабились, он толкнул дверь, пропуская посетителя внутрь, и промычал что-то вроде «входи».

Джек вошел.

И в папиросном дыму и чаде керосиновых ламп сориентировался лишь по старой памяти, интуитивно — прошел вслепую до деревянной скамьи и упал на нее, хлопая с непривычки слезящимися глазами. Смердело в таверне отменно: то ли, действительно, дохлыми крысами, сваленным где-то в углу (в «Крысолове», как слышал Джек, проводились крысиные бои два раза в неделю), то ли той дикой смесью грязного тела и пота, горящего керосина и капустной похлебки, подаваемой Гарри своим посетителям, а в дополнение — кошачьей мочой. Несчастное. Перепуганное животное темной тенью металось между столами, нет-нет да вскрикивая истошно, когда кто-то из посетителей ненароком на него наступал...

Тех было немного, посетителей самого странного толка, но в помещении все равно стоял мерный гул...

— Что будешь заказывать? — выступил из папиросного дыма Крысолов Гарри, опускаясь на лавку напротив него.

И Джек понял, что речь идет не о кружке темного эля или капустной похлебке — он спрашивал о другом.

— Мне нужен Милашка, — признался он напрямую. — Знаешь такого?

— Допустим. — Кулаки собеседника сжались, бицепс размером со шпалу напрягся. — Ты кто такой будешь?

Джек выдержал паузу, как можно спокойней глядя громиле в глаза.

— Я знался с Милашкой три года назад, когда он «работал» в Вестминстере... Близко знался. Можно сказать, мы были друзьями...

— Друзьями? — пробасил Крысолов Гарри. — Занятно. — И махнул тощему пареньку, разносившему в заведении выпивку. Как тот заметил в чаду взмах хозяйской руки, так и осталось для Джека неясным, но уже через минуту две полные кружки пенного эля стояли перед ними, как по волшебству. — Что же ты, коли был ему такой другом, теперь ищешь приятеля здесь, в «Крысолове», как будто чужого? — осведомился громилка, втянув в себя разом полпинты и даже не подавился.

Придуманная еще прежде история легко сорвалась с языка...

— Мне пришлось скрыться из города на какое-то время... Помнишь, кражи в Белгравии?

Громилка прищурился.

— Ты о «призраках»?

— Не сомневался, что ты о них вспомнишь... — Джек тоже сделал глоток. — Ведь Рыжий Джо, насколько я помню (а помню я преотлично!), частенько сиживал в «Крысолове» вон там, у задней двери, и ты самолично подливал ему пиво.

Теперь собеседник вперился в него взглядом, еще более острым, чем скальпель доктора Максвелла для вскрытия трупов.

— Твое имя? — прохрипел он глухим, мрачным голосом.

— Вряд ли оно тебе многое скажет: Джек... Джек Огден. Я был тогда младшим из парней Рыжего Джо, и оказался единственным выжившим после бойни на Беркли-сквер...

— Так это был ты?

— Я.

— Черт, — верзила тряхнул головой, — жуткая вышла история. Так ты потому сдрыснул из города?

— Сам понимаешь, после такого...

— И где обосновался?

— В Ньюкасле. Там дело неплохо пошло, и мне не помешала бы помощь...

— Ты потому ищешь Милашку?

— А ты догадливый, Гарри.

Здоровяк влил в себя оставшиеся полпинты и задумчиво протянул:

— Уж как мамаша Рыжего Джо убивалась в день его похорон... Страшно было смотреть.

Джек тут же понял уловку и, усмехнувшись, щелкнул ногтем по кружке.

— Странно слышать, ведь бедная женщина, умерла еще родами. Джо любил говорить, что вскормили его улицы Лондона, они же поставили его на ноги!

Вот теперь что-то похожее на улыбку, а вернее, на волчий оскал исказило лицо Крысолова.

— Ты не знал, ясное дело, но Милашка больше не промышляет на улицах, — доверительно сказал он, — он теперь больше по контрабанде, в доках работает. И зовут его по-другому...

Джек подался к верзиле и тихо спросил:

— Что случилось? Тогда, три года назад, он был на хорошем счету, и дело свое уважал.

— Да так, отдубасили его хорошенько, чуть душу не вытрясли. Он тогда еле выжил и вообще... стал, знаешь ли, не пригоден для уличных дел...

Джек, не совсем понимая, что за тайный подтекст скрывается за словами верзилы, уже собирався спросить, что сие означает, когда скрипнула дверь, и, как черт в клубах адского пламени, в сигаретном дыму предстало перекошенное лицо вновь вошедшего.

— А вот и Милашка... Помяни черта! — пробасил здоровяк, указывая Джеку на посетителя. — Будто почуял, бес мелкий. Эй, Бес, — махнул он мужчине, — тебя тут кое-кто ищет! Иди поздоровайся с другом.

Так называемый, Бес встрепенулся, лицо его, исковерканное страшными шрамами, будто какой-то криворукий портной наскоро, кое-как сметал разрозненные куски его кожи, отобразило испуг, ужас даже. Джек и подняться еще не успел, а мужчина, распахнув дверь, бросился прочь.

Верзила опешил:

— Э... что это с ним? Обычно он не пугливый.

— Это от радости... — кинул Джек на ходу, выскакивая под вязкую морось осеннего дня.

Часы на башне только недавно пробили три часа дня, и все-таки сумерки будто уже опустились на улицы. Здесь, в Ист-Энде, казалось, сами стены домов источали гнетущую серость, густую, как патока черноту, и та покрывалом ложилась на город, затемняя солнечный свет...

Джек осмотрелся. Долго раздумывать времени не было: Крысолов Гарри вот-вот выскочит следом и не хуже терьера вцепится ему в глотку, а Милашка уйдет... Где потом его отыскать? Такие, как он, знали тайные норы не хуже лондонских крыс...

Он заметил мелькнувший вдали силуэт, и припустил следом, сжав в руке нож. Поворот, еще поворот... Стало как будто темнее, или это в глазах потемнело от быстрого бега? Джек сбавил шаг и опешил, различив впереди, в десяти, не больше шагах, замершего посреди переулка мужчину.

Неужели Милашка?

— К стене! — послышался голос мистера Джонсона. — К стене, я сказал. — И маленький итальянец выступил из скрывавшей его густой тени. В руках он держал револьвер, нацеленный на мужчину.

Тот послушно прижался к стене, и Джек, подойдя ближе, увидел, как мелко дрожат его руки.

— Не бейте, прошу вас! — взмолился он тоненьким голосом. — Я сделаю всё, что хотите. Только не бейте...

Его некрасивое, обезображенное лицо пошло красными пятнами, губы же враз посерели. Джек с Джонсоном молча переглянулись...

— Ты — Милашка? — спросил его Джек.

— Звался когда-то, — с готовностью сказал тот. — Теперь меня кличут Бес.

— Почему?

— Сами видите, что со мной сделали. — Он поджал губы. — Страшен, как смертный грех, вот как теперь говорят обо мне.

— Кто это сделал с тобой и когда?

— Т-три года прошло уж...

Джек повторил:

— Кто это сделал? — Он отчего-то уверился враз, что испорченное лицо этого вора точно связано с интересующим их с Джонсоном делом.

— Я никогда их прежде не видел.

— Почему?

Прижатый к стене человек открыл и опять закрыл рот, словно не смел озвучить ответ.

— Я н-не могу... — выдохнул наконец. — Мне велели молчать. Если я вам скажу, они снова отыщут меня и убьют...

— А если не скажешь, тебя убьем мы, — пригрозил ему Джонсон, ткнув револьвером под ребра.

Джек не был уверен, было ли это праздною угрозой: кто знает, что таит человек в своей сердцевине, но почел нужным миролюбиво сказать:

— Послушайте... как там вас по отцу...

— Я Роберт.

— Послушайте, Роберт, мы не хотим делать вам больно, но нам нужна информация о случившемся три года назад. И ради нее мы готовы на всё! — Он выдержал паузу, дав бывшему вору осмыслить услышанное, и продолжил: — В тот вечер, такой же промозглый, как этот, вы украли у девушки сумочку близ парка Сент-Джеймс... Помните этот случай?

Мужчина затрясся, словно в ознобе, и молча мотнул головой: да, он помнил, и преоотлично.

— Отвечай вслух! — Револьверное дуло опять ткнулось в его тощий бок.

— П-помню. Я п-помню, д-да...

— И?

— Мне велели украсть эту сумку. А больше я ничего об этом не знаю!

— Кто велел? Говори же. Мужчина?

— Женщина, сэр.

— Женщина? — Джонсон с Джеком снова переглянулись. — Как она выглядела?

— Обычная... обычная женщина сэр. Среднего возраста или моложе, сложно сказать. Я плохо ее рассмотрел под вуалью...

Буаль... То есть она не была простолюдинкой.

— Расскажите все, что припомните, — попросил его Джек. — Где вы встретились? Что она вам велела?

— Мы встретились в парке на лавочке, сговорились заранее через приятеля. Женщина заплатила мне деньги, сказала, что это задаток, что остальное я получу после того, как сделаю дело: умыкну сумку у дамочки на Барн-Крофт, что выйдет из кэба у ворот сада. Задание проще просто — я согласился. А когда явился за положенной платой, меня поджидали те... двое... Избили меня и изрезав лицо, велели молчать о случившемся: мол, если хоть слово скажу, лежать мне в канаве убитым. Я после того больше месяца провалялся в постели... Едва выжил. И не хочу умирать... — Говоривший вдруг всхлипнул, казалось, вот-вот разрыдается, и Джеку стало не по себе.

— Твой приятель, откуда он знает ту женщину?

— Я не знаю.

— С ним можно увидеться?

— Он давно мертв.

— Брешет, скотина, — подпустил в голос металла Томазо Джонсон.

И вор в ужасе замотал головой:

— Клянусь богом, я говорю чистую правду. Зачем бы мне лгать?

И Джек верил: он не обманывает. С такими глазами обманывать сложно...

Эпизод шестнадцатый

В кэбе ехали молча, размышляя о том, что услышали от Милашки. Да уж, данное прозвище больше любого другого звучало насмешкой над его нынешней внешностью! Кто пошел на подобное зверство, дабы добиться молчания вора?

— Клянусь, сэр, я ничего больше не знаю, — зазвучал в голове Джека испуганный голос. — Я только украл сумочку этой леди... и даже понятия не имел, зачем это надо.

По тому, как он это сказал, как-то враз сделалось ясно, что после он догадался зачем, и мистер Джонсон, дернув рукой с револьвером, спросил:

— А потом разобрался, зачем? Ты ж не дурак, полагаю.

Мужчина отер рукой потный лоб и скривился.

— Не дурак, — согласился он с неохотой, — но мне ни к чему лезть в подобное дело. Я человек маленький, скромный... И знаю, где нужно смолчать.

— Тебя потому так избивли, за привычку молчать? — насмешливо кинул Томазо Джонсон.

Так называемый Роберт, вскинул вверх подбородок, что выглядело до боли гротескно при его униженно-раболепном поведении и словах.

— Вы просто не понимаете: они звери. Таким повод не нужен, чтобы... — губы его затряслись, и бедняга смял ворот рубахи скрюченными от нервного напряжения пальцами. — Отпустите меня! — взмолился он жалостливо. — Я рассказал всё, что знал...

— Уверен, что все? — поддел его Джонсон.

— Всё, клянусь Богом, сэр, всё.

Детектив его строго одернул:

— Не клянись понапрасну, ты, богоотступник. Знаешь ли ты: воровство — смертный грех? Покайся и...

Договорить он не успел: вор упал на колени и, сложив молитвенно руки, воздел их к нему.

— Умоляю, не убивайте меня! Я сказал правду... рассказал, все, что знал... Пощадите меня, умоляю! — Должно быть бедняга подумал, что Джонсон собрался его пристрелить.

Джек не мог на это больше смотреть: все в нем противилось истязанию человека, пусть даже страхом. Он подался к Томазо, чтобы велеть ему перестать тыкать в Беса оружием, а тот возьми и скажи:

— Сумка... Сумка той леди всё ещё у меня. Я отдам её вам!

— Отчего же ты, *stupido*, раньше молчал? — замахнулся рукой с пистолетом рассерженный итальянец. И вор съежился, чуть ли не распластавшись по мостовой...

Джек перехватил руку напарника, покачав головой.

— С такими *bastardo* иначе нельзя, *porca miseria* (черт побери)! — вскричал итальянец, как обычно, в момент наивысшего негодования сыня ругательствами на итальянском. — Он все время обманывал нас, лживый... *fetente*. Посмотрите на него, он, уверен, до сих пор лжет, *sazzone*, сын шлюхи! Пристрелить его мало.

— Нет, господин, умоляю вас, господин, я отдам вам и сумку, и все, что хотите. Только не убивайте меня. Взываю к вашему милосердию, добрый сэр! — подался он к Джеку, ухватив его за штанину.

Джека пробрало холодком по загривку. Стало мерзко и гадко...

— Встань. Где ты живешь? Отдашь сумку — и останешься жив, — сказал он, стараясь освободиться от хватки Беса, но тот губами припал к одному из ботинок.

— Благодарю, сэр... Век помнить буду! И молиться о вас...

— Bugiardo (лжец)! — припечатал Томазо Джонсон в сердцах. — Un peccatore(богохульник)!

В этот момент со стороны «Крысолова» послышались голоса: кажется, Гарри кликнул ребят и прочесывал улицы, догадавшись, что дело нечисто.

— Нужно идти. — Джек подхватил вора под руку, поднимая с земли, но тот, будто ноги его не держали, опал скисшим тестом, никак не желая утвердиться на них.

— Да вот же они! — вскричала фигура в конце переулка, и теперь уже Джонсон подхватил Джека под руку.

— Бросьте его и уходим! Быстро, — кинул он торопливо. И они побежали в противоположную сторону, подгоняемые погоней и криками за спиной.

— Мы упустили возможность оправдать мисс Харпер, — наконец произнес Джек. — Ее сумка и свидетельство этого вора могли бы направить полицию по другому пути. А теперь он ляжет на дно, и его уже не найти. Как бы сильно мы ни старались!

Мистер Джонсон отозвался вопросом:

— Хотели подраться с этими отщепенцами, сэр? Полагаете, нас отпустили бы с миром?

Джек понимал, что шансов у них было немного и разумней было именно отступить, но мысли грызли и грызли, не давая покоя.

— Просто не позволяйте своим неудачам лишать вас присутствия духа, — в конце концов напутствовал его Джонсон, выбираясь из кэба. — Это гиблое дело, мой друг. Не заикливайтесь!

Фальконе встретил их, как никогда, радостным и веселым, казалось, не замечал ни мрачного лица Джека, ни сдержанного приветствия Джонсона — все в нем пело и ликовало. И причиной всему, ясное дело, — его недавняя гостья, успевшая к их возвращению укатить восвояси.

— Как все прошло? — осведомился Фальконе. — Вы узнали что-нибудь о карманнике с Барн-Крофт?

Джек молчал, не в силах заговорить об их, как ему виделось, неудаче, и детектив ответил вместо него.

— Мы нашли этого типа, сеньор. Поговорили с ним...

— И?

Томазо Джонсон в нескольких предложениях пересказал нанимателю все, что случилось с ними обоими за последние пару часов.

— Жаль, — сказал тот, — его показания многое бы для полиции объяснили, но... хотя бы мы знаем теперь, куда делся этот Милашка с лондонских улиц, и почему Ридли не сумел его отыскать. Кроме того, он рассказал, что его наняла женщина, а это тоже немаловажно...

— Женщина под вуалью, — напомнил ему собеседник. — Вряд ли служанка стала бы прятать лицо. Да и не носят служанки вуалей...

— Вы правы, Томазо, в этом деле все крутится вокруг женщин.

При последних словах Джек посмотрел на Фальконе — тот улыбался. Опять вспомнил Аделаиду Стаффорд? Возможно. И худое, породистое лицо с узким носом уже больше не

виделось Джеку бесхитростным и простым: он как будто глядел на Фальконе другими глазами.

Все лгут...

От мысли этой сделалось совсем гадко и тяжело, и Джек уже собирался откланяться и уйти в свою комнату переодеться, но старый граф удержал его фразой:

— Этим вечером мы приглашены к Стаффордам, Джек. Первый прием для тебя! Значимое событие. Но ты не волнуйся, мой мальчик: там будет лишь небольшая компания самых близких друзей и знакомых миледи. Мы с ней отчасти дружны, — признался вдруг он, порозовев, — и я настоял, что для первого выхода в свет тебе достаточно скромного ужина.

— Вы рассказали ей обо мне?

— Конечно, мой мальчик: я не мог не рассказать ей о внуке.

— Но...

— О прочем ей вовсе не обязательно знать, — ответил старик на его негласный вопрос. — Не волнуйся об этом.

«Я больше волнуюсь о том, что не знаю, кому теперь верить. И в чем».

— Я постараюсь не подвести вас, сеньор.

— Уверен, что так и будет. — Старик похлопал его плечу. — Кстати, — добавил он торопливо, — на ужине будут не только сеньорита Уорд и ее уважаемые родители, но и... де Моранвилль, встречи с которым я жажду с не меньшим восторгом, чем с родителями Аманды. Полагаю, вечер получится интересным! Что скажешь, Джино?

— Жду не дождусь этого вечера.

Сказано это было скорее с иронией, но старик не заметил: пребывал в своем собственном розово-сладостном рае, предвкушая новую встречу с дамой из грез.

Таким образом, простившись с мистером Джонсоном, Джек поднялся к себе и остаток этого, как ему показалось, бесконечного дня провел в своей комнате за раздумьями и волнами накатывающей паники. Он лишь коротко спустился в столовую с Розалин, когда она предложила ему повторить курс столового этикета... Но она и сама была так рассеянна и отстранена, погружена в свои мысли, что едва ли своими до автоматизма отточенными наставлениями бывшей гувернантки могла отвлечь его от собственных мыслей.

А Джек гадал, хорошо ли прошла встреча Аманды с родителями, удалась ли беседа, которой она так страшилась, хоть и храбрилась для вида. И каким выйдет его собственное второе «знакомство» с леди Риверстон-Блекни, будущей тещей, тогда как Джек, хоть убей, не мог представить себе это родство даже теоретически.

Как назло, вспоминалась их первая встреча... То, как чопорная хозяйка окатила его презрительно-неприязненным взглядом, когда он просто не так съел печенье; что будет теперь, во время светского ужина, он вообще старался не думать. Должно быть, он позабудет все наставления Розалин и выставит себя дураком на радость присутствующим.

Джек стиснул зубы.

Зря он все-таки согласился на уговоры Фальконе!

Тот играет в какие-то свои игры, Джек же в них — жалкий статист, к амплуа богатого франта не предназначенный. Только себя и других опозорит!

Может быть, отказаться?

Сказать, заболел, или еще что придумать...

Но ближе к вечеру Аманда прислала записку: «Я тоже буду сегодня у Стаффордов. Предвкушаю встречу с тобой! Родители тоже придут. Не бойся, Джек! Очень хочется знать,

как прошли ваши поиски в «Крысолове»... Ты ведь расскажешь мне всё? Целую и обнимаю. Аманда».

Ему показалось, что записка написана второпях, едва ли не на коленке, и на сердце стало тревожнее прежнего. Но желание уклониться от ужина отступило: он обязан был знать, как прошел её день. Хотя бы просто увериться издали, что Аманда в порядке...

— Вы готовы, сэ. — Молоденький камердинер отступил в сторону, окинув Джека изучающим взглядом творца, оценивающего написанную картину. — Я слышал внизу подали карету. Пора спускаться...

— Ты прав. Благодарю, Филипп!

— Мне дожидаться вас, сэ, чтобы после помочь снять одежду?

— Не нужно, я справлюсь сам.

Камердинер понятиливо склонил голову, Джек же, с трудом преодолевая нервозность, вышел из комнаты и спустился в холл. Фальконе ждал его, в нетерпении прохаживаясь из угла в угол...

— Вот и ты наконец-то. Мисс Харпер, доброго вечера! — обратился он к компаньонке. — Джино, нам не престоало опаздывать. Поспешим же! — С такими словами он подхватил Джека под руку и потащил к поджидавшей карете.

Джеку казалось, что даже на эшафот он всходил бы с меньшим ужасом, чем сейчас отправлялся на светский прием в дом леди Стаффорд. Сердце не билось в груди, а неистово трепыхалось, как пойманный мотылек...

Дрожали руки.

Это тебе не бандитский притон, где все по-своему просто и ясно, здесь все много хуже... Запутаннее, сложнее.

— Вот мы и приехали, — улыбнулся Фальконе, а Джек, вцепившись в сидение, пожелал оказаться за тысячу миль от этого места.

Эпизод семнадцатый

После ужина у Фальконе и последующего обсуждения дела де Моранвиллей Аманда вернулась домой уже за полночь и, промаявшись то ли сном, то ли болезненным забытием, в котором снова и снова всплывало услышанное за вечер, проснулась в начале восьмого. И так, как уснуть более не представлялось возможным, она поднялась и принялась одеваться для визита к родителям. Она и так трусливо оттягивала момент важного объяснения весь прошлый день — и теперь время пришло.

Она с особой тщательностью подобрала наряд и шляпку к нему, даже новые туфли, пусть их не видно под платьем, должны были быть идеальными в угоду строгой родительнице. Пощипав щеки, чтобы придать им румянца, Аманда решила, что внешне готова для важной встречи, но только внешне...

Внутри всё дрожало от напряжения.

И дышать приходилось рывками, воздух как будто залипал в легких.

У дверей отчего дома она все-таки взяла себя в руки и, вспомнив, что леди как-никак не пристало выказывать свои чувства, загнала панику в дальний угол души и... улыбнулась.

Ради их с Джеком общего счастья она и не на такое способна!

А потому...

— Молодая хозяйка. — Старый дворецкий, служивший, кажется, еще ее деду, расплылся в широкой улыбке при виде нее. — Какое счастье видеть вас снова!

— Благодарю, Стивенс, я тоже рада вас видеть. Как поживаете?

— Хорошо, мисс, не жалуясь. Разве что боли в спине донимают, но тут уж ничего не поделаешь — возраст.

— Как отец с матерью, все ли в доме в порядке?

— Все хорошо, мисс, но по вам они сильно скучали.

В самом деле, скучали, подумалось ей? Верилось в это с трудом. Скорее Стивенс так полагал из собственных ощущений...

— И я скучала по вам. Передавай привет миссис Стивенс!

— Непременно, мисс.

Старый дворецкий, единственный, кто по-прежнему называл ее «мисс», неожиданно пробудил в собеседнице ностальгию по прошлому: окинув отчий дом взглядом, Аманда смягчилась и даже расслабилась. Напряжение, стопорившее дыхание, вдруг отпустило...

И мать, стоило ей появиться, она встретила с не наигранной нежностью.

— Здравствуй, мама.

— Аманда. — Женщина протянула обе руки, но не для объятия — просто стиснула ее пальцы.

Еще в домашнем халате, с заплетенной на ночь косой, она показалась Аманде постаревшей и беззащитной.

Может быть, зря она накручивала себя?

Может быть, ей позволят сделать свой выбор хотя бы раз в жизни...

— Когда ты приехала? Почему не прислала записку? Мы бы встретили тебя загодя, — заволновалась миледи. — И ты бледная... Выглядишь нездоровой.

— Я здорова, вам не о чем волноваться, — уверила она мать. — Просто на улице холодно. Я, должно быть, отвыкла от нашей английской погоды!

От мысли, что мать волнуется за нее, сделалось, жарко на сердце, но мать возьми и добавь:

— У лорда Феррерса трое детей мал мала меньше, ему было бы не с руки заразиться заморскими хворями и рисковать их здоровьем. Ты все же уверена, что здорова?

— Уверена, мама.

Значит, лорд Феррерс волнует ее в первую очередь... Что ж, этого стоило ожидать. Жар, зародившийся в сердце, откатился к щекам, и девушка вспыхнула... негодованием и обидой.

— Спасибо, что присмотрели за моим домом, — сказала она. — Все в идеальном порядке.

— Еще бы, — вскинулась мать, — я дала нагоняй твоим слугам. Они все обленились! И я действительно бы советовала тебе сменять экономку.

Аманда кивнула.

— Пожалуй, так я и сделаю. — И мать, не привыкшая к легким победам в общении с дочерью, недоуменно на нее посмотрела. Тогда-то Аманда и продолжала: — Я вообще собираюсь продать этот дом и перебраться в Италию, мама. Там много солнца и природа чудесная! Я прониклась этой страной.

У леди Риверстоун-Блэки, выдержанной всегда и во всем, приоткрылся рот и дернулось веко.

— Перебраться в Италию? — повторила она таким тоном, словно Аманда призналась, что собирается съесть помойную крысу. — Что за безумнейшие фантазии?! Ты ведь шутишь, не так ли?

— Ничуть, мама.

— Но... — Женщина, растерявшись на миг, вдруг осведомилась, прищутив глаза: — Это все из-за этого итальянца? Как его там...

— Фальконе, мама.

— Так это из-за него, я права? Ты потому оставалась в этой ужасной стране, жила в чужом доме, что... — Леди запнулась, не в силах озвучить страшное слово.

— Что, мама? Стала любовницей графа? — спокойно сказала Аманда. — Если вы опасаетесь этого, то напрасно: граф не в том возрасте, чтобы думать о женщинах. По крайней мере, в отношении меня он был само благородство и честь. Я вовсе не из-за него приняла это решение... — заключила она.

Мать большими глазами глядела на дочь, казалось, не понимала, когда, каким образом породила это... чудовище. Ее дочь, ее маленькая Аманда, на которую возлагались такие большие надежды, из раза в раз лишь огорчала ее... Может, она какой-то подменш, а не настоящая дочь Риверстоунов: та же живет где-то в лесу, воспитанная похитившими ее троллями или эльфами?

— Ты более не вернешься в эту варварскую страну, — припечатали женщина строгим тоном.

Из кабинета, как оказалось, вышел отец — Аманда только сейчас по метнувшемуся к нему взгляду матери и заметила это.

— Эту «варварскую» страну, как вы изволите выражаться, все отпрыски благородных семей считают обязательным посетить по окончании своего обучения, мама, — парировала Аманда и повернулась к отцу: — Здравствуйте, отец. Рада вас видеть!

— Взаимно, дочка. Ты наконец-то вернулась домой, мы ждали тебя! — Он подошел и коснулся губами горячего лба Аманды. Дочь была совершенно уверена, что он слышал весь

её разговор с матерью, но вел себя так, словно не знал ничего. — Мать уверяла, что ты не сможешь вернуться до самой весны, что было бы крайне беспечно с твоей стороны и даже предосудительно, но... — он снисходительно поглядел на жену, — женщинам свойственно усложнять. Я же верил, что моя дочь поступит, как должно!

— Отец, я...

— Рада вернуться, я понимаю.

— Нет, я...

— Не станешь огорчать нас новыми неуместными выходками.

Он нарочно не давал ей вернуться к прежнему разговору, и в Аманде, обычно робевшей перед отцом, далеким и отстраненным, как небожитель, вспыхнуло негодование. Ей, в конце концов, не двенадцать: она взрослая женщина, и имеет право на свое мнение.

— Никаких выходов, сэр, — сказала она, — я лишь желаю перебраться в Италию. Вот и все.

Отец очень холодно на нее посмотрел — все его добродушие испарилось как пар.

— Ты слышала мать: в эту страну ты более не вернешься, — объяснил он спокойно, как недалекому малышу. — К чему напрасные эти споры, Аманда? Ты — одинокая женщина и нуждаешься в постоянном присмотре со стороны мужа.

— Я — вдова, папа. Мой муж умер!

— Тем более пришло время обзавестись новым.

— Может быть, именно это я и хочу сделать... сама.

Мать шумно выдохнула.

— Так дело все-таки в итальянце... — процедила она. — Какой стыд и позор! Если об этом узнают...

Аманда стиснула зубы.

— Я не сделала ничего предосудительного, мама. Я всего лишь желаю иметь право голоса в том, что касается моей собственной жизни.

Но та не унималась, будто не слышала ее даже:

— Сначала тот лейтенантик, потом голодранец-мальчишка, а теперь какой-то там итальянец, — перечисляла она. — Ты будто нарочно делаешь все, чтобы нас опорочить, Аманда. — Дочь вспыхнула покраснев, а мать продолжала: — Думаешь, мы не знали с отцом, с кем ты разъезжала по Лондону перед смертью Уорда? — Дочь молчала, глядя гневно ей прямо в глаза. — С тем смазливый мальчишкой, констеблем... Сколько колких намеков мне пришлось вытерпеть, сколько стрел отразить — и все почему? Потому что моя плоть и кровь...

— Кто, мама? Договаривайте, прошу.

Ей до дрожи хотелось признаться в любви к «голодранцу-мальчишке» — за эту любовь, что бы мать ни сказала, ей не было стыдно! — но в сложившихся обстоятельствах лучше было все-таки промолчать. Не провоцировать снобов-родителей еще больше!

— Хватит! — прервал перепалку лорд Риверстоун. — Раскудахтались, словно куры. Мне стыдно за вас! — И тоном, не терпящим возражений: — Сегодня вечером ужин у Стаффордов, нас пригласили. Лорд Феррерс тоже там будет... — строгий взгляд на Аманду. — И вас представят друг другу. Он знает о всех твоих... сложностях и все-таки хочет дать шанс. — «Он мне не нужен». — А посему, будь добра, явиться на ужин в лучшем из платьев. Я хочу, чтобы лорд был тобой очарован!

«Черта с два я очарую его!» — в сердцах мысленно выразилась Аманда, и эта мысль

вкуче с ругательством неожиданно усмирила ее. В конце концов, она сделала, что хотела: рассказала родителям о своих планах, а если им хочется этим планам противиться — воля их. Аманда же все равно выйдет только за Джека, и так скоро, как только возможно. Ей, падшей женщине, как почти назвала ее мать, безразличен статус возлюбленного! Деньги — не показатель счастливого брака. Достаточно вспомнить де Моранвиллей...

— Я буду на ужине, — покладисто пообещала она. — Надеюсь, лорду Феррерсу понравится мое платье. — От последнего так и разило сарказмом, но Риверстоуны предпочли пропустить его мимо ушей.

— У мадам Лезерье на Бонд-стрит поступление новых тканей, — произнесла мать. — Можем наведаться к ней после завтрака и заказать тебе новые платья. Твои нынешние, — укоризненный взгляд на наряд дочери, — еще летом вышли из моды.

Противиться предложению матери Аманда не стала: все равно стоило озаботиться гардеробом — и, пока модистка-француженка снимала с Аманды новые мерки (де, мадам сделалась женственней в определенных местах), мать, закатывая глаза, как бы между прочим сказала, что итальянец... тот самый, да... тоже на ужине будет. Как-никак знакомство этого не избежать, а значит...

Она еще много чего говорила, но Аманда не слышала: этим вечером она встретится с Джеком в гостиной у Стаффордов. Мало того, что Стаффорды — это родители Грейс де Моранвилль, а значит, и сам де Моранвилль может быть на приеме, так еще это будет первый выход Джино Фальконе в светское общество Лондона. Девушка представляла, как разволнуется Джек, когда узнает об этом... Ей бы его поддержать, успокоить, а приходится терпеть пытку иголками и... еще более колкими взглядами матери.

А еще этот Феррерс на ее голову...

Но ничего, она живо заставит его испугаться себя.

Ей, в конце концов, не впервой шокировать общество...

Эпизод восемнадцатый

Особняк Стаффордов на Маргарет-стрит являлся явным примером викторианского зодчества: цветной кирпич, большие эркерные окна и высокая скатная крыша над изысканным архитравом. Такие дома будто нарочно подавляли тебя, являя богатство хозяев, — по крайней мере, именно так думал Джек, переступая порог особняка вместе с графом Фальконе и внутренне замирая.

— Какая честь для нас, видеть вас в нашем доме, дорогой граф! — Графиня Стаффорд, едва гостей ввели в комнату под зычный голос дворецкого, поднялась им на встречу и протянула руку для поцелуя. Граф с радостью к ней приложился.

— Взаимно, миледи. Мы с внуком благодарны за приглашение!

— Так это ваш внук... — Графиня окинула Джека взглядом, да так пристально, будто лорнировала в упор. И улыбнулась.

— Позвольте представить вам Джино Фальконе, миледи, сына моей несравненной Аллегры, — между тем, представлял его граф, и взмокший под своим фракком Джек тоже поцеловал ее руку.

— Какой приятный молодой человек, — оценила его леди Стаффорд. — По всему, вы отыскиали сокровище, граф!

Фальконе охотно поддакнул:

— Более чем, дорогая хозяйка. Я благодарен судьбе за ниспосланный ею подарок!

Хозяйка в тот же момент подхватила Джека под руку и повлекла его для знакомства с остальными гостями. Он, как в тумане, различал мужские лица и женские, улыбался на автомате, и ощущал, как пот тонкой стрункой стекает между лопаток.

Это было ужасно... невыносимо... И страшно до одури. Он, дитя улиц, казалось с молоком матери впитавший сословную субординацию, теперь ужасался тому, где посмел оказаться...

— Рад знакомству, сеньор. Этот сезон воистину полон приятных сюрпризов!

Джек толком не видел, кто это сказал, — он искал глазами Аманду. Она должна тоже быть здесь... Рядом с ней эта попытка обретет хоть какой-то, да смысл.

Но ее не было...

А мужчина, сказавший ему о «приятных сюрпризах», высокий, но блеклый, как вылинявшая рубашка, все мялся неподалеку и спрашивал об Италии. А две восторженные девицы у фортепьяно хихикали, пряча улыбки за веерами...

И вдруг...

— Лорд и миледи Риверстоун-Блэки с дочерью, — объявил распахнувший двери дворецкий.

Джек дернулся, будто желая бежать ей навстречу, но удержался в последний момент. В голубом шелковом платье, обнаженная по плечам, миссис Уорд вплыла следом за матерью, будто враз осветив маленькую гостиную. Ее вежливая улыбка, адресованная гостям, вспыхнула ярче, стоило им столкнуться глазами, но длилось это не дольше секунды: в следующий миг она оказалась возле хозяйки и поздоровалась с ней.

— Красивая девушка, вы не находите? — вдруг обратился к нему этот, блеклый. — Очаровательная улыбка.

— Трудно не согласиться, — с трудом выдал Джек хриплым голосом.

— Но довольно скандальная... — продолжал говоривший. — На месте ее отца или мужа я бы давно ее усмирил. Но, похоже, ни тому, ни другому не хватило характера! Бедный Уорд.

Джек сдвинул брови, желая, как никогда, припечатать не только крепким словцом, но и кулаком по лицу. И, наверное, не сдержался бы, не появившись вовремя старый граф.

— Мальчик мой, нас вот-вот представят новым гостям. — Он подхватил его под руку и потянул прочь от Блеклого. — Что происходит? — прошипел ему в ухо. — Такой кровожадности на лице я у тебя прежде не видел.

— Он говорил про Аманду...

— Придется привыкнуть: о ней многие говорят. И не всегда хорошо! — одними губами, не прекращая лучиться улыбкой, отозвался Фальконе.

Хозяйка как раз звала их:

— Граф, хочу познакомить вас с очаровательными людьми, подите сюда. И вы, молодой человек! — На ватных ногах Джек приблизился к Риверстоунам и оказался напротив Аманды. Его и графа попеременно представили ее матери и отцу... Красный как рак, Джек с трудом глядел в глаза женщине, так неласково встретившей его некогда в своем доме, та глядела в ответ... И за фальшивой улыбкой Джек разглядел узнавание. Нет, не такое, когда точно знаешь, кто это перед тобой, а такое, когда понимаешь, что знаешь, а откуда и почему, не поймешь... И это терзает тебя.

— Так это ваш внук... — произнесла женщина. — Мы не знали об этом... — И поглядела на дочь. — Аманда ни разу о нем не писала... — Губы миледи поджались, выражая отношение к данному факту.

— Должно быть, запаматовала, бедняжка, — сразу же подхватил ее речь старый граф. — Не сочла достаточно важным. После болезни она долгое время приходила в себя, и, конечно, писала вам о своем самочувствии в первую очередь.

— Должно быть, вы правы, — нехотя согласилась миледи. — И мы благодарны за помощь, оказанную ей вами.

— Ах, бросьте, не стоит и благодарности, — отмахнулся Фальконе. — Я был по-настоящему счастлив приютить милую девочку в своем доме! И сопроводить ее в Лондон.

— Мы не знали, что вы едете вместе, — вставил лорд Риверстоун. — Вы... и ваш внук. Его родители тоже приехали?

На секунду повисла гнетущая тишина, а потом, разрывая ее, Аманда сказала:

— Леди Стаффорд зовет всех к столу. Поспешим же! — И подала Джеку руку.

У Джека дернулось сердце, кровь ударила в уши, но, памятуя об уроках мисс Харпер, он повел Аманду в столовую вслед за прочими парами.

— Все хорошо, — шепнули любимые губы, когда, отодвинув ей стул, он и сам занял место по правую руку. Кажется, миссис Стаффорд нарочно устроила это... И Джек, отыскав глазами Фальконе (тот сидел подле хозяйки и Риверстоунов), пересекся с будущей тещей (знала бы она это!) неприязненным взглядом.

— Твоя мать ненавидит меня, — сказал едва слышно, укладывая на колени салфетку.

— Не волнуйся: она всех ненавидит. И меня в первую очередь!

Джек невольно поглядел на Аманду, но она улыбалась невозмутимой улыбкой, будто и не сказала чего-то особенного. Он поразился её удивительной выдержке...

— Ты с ними поговорила?

— О да, разговор получился «душевный»: сегодня меня познакомят с будущим мужем. — Джек снова в недоумении на нее посмотрел. — Но не волнуйся, — шепнула

Аманда, — это я познакомлю их с будущим мужем. — И носок ее туфельки под столом ткнулся в Джеков ботинок.

Она язвила и улыбалась, но Джек различил в ней душевный надлом и до страстного захотел прижать к себе эту грустную девушку и защитить от всех бурь, но мог только стиснуть в руке столовую ложку и приступить к первому блюду: супу с креветками.

— Вы слышали, «Таймс» опять спекулирует темой о «законе для бедных», — произнес во вторую перемену блюд мужчина с широкими бакенбардами (как раз подали жареные говяжьи ребрышки с подливкой и корнеплодами). — Теперь этот Грант мусолит тему рабочих домов: мол, «когда эти нищие входят в ворота рабочего дома, им начинает казаться, что они попали в огромную тюрьму, из которой их вызволит только смерть...», — процитировал он по памяти с легким смешком. — Подумать только, тюрьма. Мы спасаем этих несчастных от смерти, а они еще недовольны!

Джек, только-только приступивший в подливке, ей поперхнулся и с трудом сдержал кашель, ткнувшись в салфетку. На него, к счастью, не обратили внимание: гости, занятые кто говяжьими ребрышками, кто предложенной темой, молча кивали со снисходительными улыбками. Что они понимают, вспыхнуло в Джеке с удивившей его самой силой? Что понимают эти сытые господа за уставленным лакомствами столом в урчащем желудке и безграничном отчаянии?

Да ничего.

— Я слышал, однако, в рабочих домах умирают от голода чаще, чем в подворотнях и под мостами, — неожиданно сказал он, не в силах сдержаться.

— Пфф! — фыркнул тот, с бакенбардами. — Это полная ерунда, молодой человек. Закон для того и был принят, чтобы спасти сотни несчастных от нищеты. И соответственно, смерти. В рабочих домах они получают одежду, еду и достойный их пропитания труд.

— А еще — разлуку с семьей (мужей с женами разделяют, у матерей отнимают детей), тяжкий труд в ужасных условиях, холод и голод, который только едва утоляется. Мистер Грант прав: эта жизнь все равно что тюрьма. И закон должен быть реформирован.

— Вы не знаете, что говорите, — в раздражении кинул его собеседник. — Эти в «Таймс» из недели в неделю мусолят подобные темы, увеличивая тираж своей газетенки. Все, что им нужно, — разжалобить нас и заставить опять раскошелиться...

— Ах, бросьте, граф, вы так говорите, словно совсем далеки от благотворительности, — вдруг вмешалась в их спор леди Стаффорд с миролюбивой улыбкой. — Что подумают про вас наши гости? Решат, что вы черствый сухарь. А ведь мы знаем, как много вы делаете для общества, граф. Ваша помощь благотворительной организации «Тойнби-Холла» прекрасно известна.

Филантроп с бакенбардами скромно кивнул, признавая правоту ее слов и признавая собственные заслуги. Спор, казалось бы, удалось потушить, но тут леди Риверстоун-Блэки подлила масла в огонь, произнеся глядя на Джека:

— А каким, собственно, образом вы предлагаете реформировать этот закон... сеньор Фальконе? — По этой краткой заминке и взгляду Джек понял вдруг, что женщина догадалась о чем-то. — Быть может, нам пустить этих нищих в собственные дома, одеть в собственные одежды и посадить за наш стол? — Она вскинула брови, сверля его пристальным взглядом и намекая, возможно, что именно так кто-то и поступил с ним, а теперь, посмотрите, он сидит за этим столом и выдает себя за настоящего дворянина. Ха-ха! Но она-то видит, что суть у Джека все та же, плебейская.

Джеку хотелось ответить, очень хотелось, но слова, как ни странно, не шли: застревали у горла. Он не мог вступить в спор с этой женщиной, матерью Аманды, с кем угодно, но только не с ней...

И тут, к счастью, Бледный мужчина, как его, Феррерс, сказал:

— Миледи Риверстоун, от того, что свинью пустили бы во дворец, она не перестала бы оставаться... свиньей, — улыбнулся он снисходительно... к этой «свинье», ясное дело. — Вспомните фабриканта Арнольда: он проникся заботой к сыну кухарки и отправил мальчика в школу, дал ему сносное образование в надежде на то, что смывленный парнишка сменит старого управляющего на его фабрике. И что вышло в итоге? Еще во время учебы этот неблагодарный связался с чартистами и восстал против своего благодетеля. Мыслимое ли дело?! В итоге не только надежды мистера Арнольда, но и вложенные в паренька деньги — все пошло прахом. Как видите, дорогая миледи, этих людей не переделать: дай им палец — отгрызут руку.

Все, как один, сидевшие за столом закивали, соглашаясь с утверждением Феррерса, и кислота, подступив к самому горлу, обожгла Джеку горло. От съеденного его затошнило... А еще больше тошнило от снобов, сидевших за ним.

Что он здесь делает вообще?

Среди них...

Для чего?

Ноги дернулись, он почти собирался подняться и выйти — и плевать, как это расценят, но туфель Аманды вдруг снова коснулся его под столом, а потом она улыбнулась гостям.

Эпизод девятнадцатый

— Лорд Феррерс, так люди для вас не больше, чем свиньи? — обратилась Аманда с лучезарной улыбкой к мужчине напротив. — Несколько миллионов свиней, которые копошатся в грязи без надежды подняться и сделаться лучше?

Аманда негодовала внутри, кипела расплавленной магмой, как очнувшийся после спячки вулкан (долгое пребывание вне светского круга, общение с Джеком, мисс Харпер и либерально настроенным графом заставило ее позабыть о снобизме высшего света) — и Феррерс — так это тот самый! — в самый раз подвернулся ей под руку.

— Э... — мужчина промокнул губы салфеткой. — Простите, мадам, но мы не представлены...

— Ах, в самом деле, получилось неловко, — отозвалась она в мнимом смущении и вдруг... поднялась, протянув собеседнику руку через весь стол. — Аманда Блэрни-Уорд, — представилась самолично и услышала вздох. Это, судя по всему, ее мать лишилась сознания от стыда...

— Э... д-да... конечно, миссис Уорд... — Феррерс тоже поднялся и, изогнувшись, чему не очень способствовал маленький рост, потянулся к ее протянутой ручке губами. Не дотянулся. — Эм... я... Бенджамин Феррерс, миледи. Д-да-с...

Аманда по-мужски стиснула его пальцы и потрясла над столом.

— Рада знакомству! — сказала она и снова опустилась на стул. — Так что там со «свиньями», мистер Феррерс? Очень хочется знать ваше мнение.

— Эм... — несчастный глянул по сторонам в надежде на помощь, но гости застыли, шокированные, должно быть, и тишина сделалась вязкой. Только Фальконе и улыбался, с удовольствием поедая подливку и наблюдая нежданное представление. — Ээ... я полагаю, они просто не могут иначе, миссис Уорд, — пропищал, хотелось бы верить, уже бывший претендент на ее руку.

Сердце Аманды и так было занято.

— Отчего же, позвольте узнать? — продолжила девушка. — Разве не воспитание и среда делают нас такими, какие мы есть? Или вы полагаете, что человек ценится только по праву рождения?

— Э... я...

— А как же тогда Бенджамен Франклин, Луи Пастер и прочие, им подобные, не имевшие возможности получить полное образование и все-таки изменившие мир?

— Миссис Уорд... я... э... — Феррерс ерзал на стуле, как уж на раскаленной плите и уж точно возликовал, когда леди Стаффорд, дав незаметно отмашку слуге, воскликнула с наигранным энтузиазмом.

— Время десерта, друзья! Мой повар в честь итальянского гостя побалуует нас неаполитанской пастьерой, каштановым глясе и... ананасами. Самыми настоящими! Их вырастили у нас в Корнуолле по особому методу. Чудо, скажите же?

И гости, отмерев наконец-то, столь же восторженно отозвались, что ананасы — это прекрасный сюрприз, и леди Стаффорд воистину Мелузина, волшебница, коли сумела устроить подобный десерт. Аманде, желавшей продолжить животрепещущий разговор — за Джека было обидно до слез, — но поймавшей отцовский убийственно-упреждающий взгляд, пришлось прикусить язычок. Понимала, что снова, в очередной раз повела себя вызывающе,

дерзко, но в тот момент смолчать не могла... Эти все одного мизинца Джека не стоили, а все-таки полагали себя много лучше и благородней.

Слепцы!

«Волшебный», солнечный ананас, разрезанный тонкими дольками, в горло не лез. Джеку, кажется, тоже. Он сидел отрешенный, едва ли живой — губы сжаты так плотно, что вряд ли способны разжаться, глаза темные, обращенные внутрь, в себя, и холодные — Аманде было невыносимо видеть возлюбленного таким, хотелось сжать его руку, а лучше обнять. Поцелуем смягчить жесткую линию губ и... взъерошить идеально лежащие волосы. Прошептать: «Ты — мой мир, а не эти ужасные снобы. И ты лучше любого из них в сотню раз!» Но могла лишь коснуться его носком своей туфли...

Не сразу, но он посмотрел на нее... И в этот момент она пожалела, что вернулась домой, послушавшись уговоров Фальконе: Джек как будто не видел ее — только сотню аристократических предков, стоящих у нее за спиной, — и превращался в холодное изваяние.

В глазах защипало, и она стиснула зубы, страхась показать слабинку... Да так, с гулко бьющимся сердцем, и просидела до конца ужина. И вознамерилась сразу уйти, с ней все равно вряд ли станут общаться после учиненного спора с беднягой Феррерсом, но в гостиной, куда женщины удалились, чтобы оставить мужчин насладиться мужской компанией и бурбоном, обе девицы Одли вдруг окружили её с обеих сторон на диване и восторженно зашептали.

— Ах, миссис Уорд, как вы, должно быть, чудесно провели время в Италии! — начала младшая, Абигейл. — Я тоже мечтаю увидеть Флоренцию, Рим, но отец, ясное дело, противится: мол, путешествовать женщинам ни к чему. Путешествия якобы плохо влияют на женское самочувствие... Ох. Все эти кареты и поезда... Он говорит, неудобства дороги сделают нас больными. Но вы... кажетесь совершенно здоровой...

— Я здорова, — подтвердила Аманда. — И даже больше, чем до отъезда.

— То есть кареты и поезда... не навредили вам?

— Совершенно. Скажу даже больше: путешествия развивают наш кругозор, а мужчинам это не нравится.

Обе девицы, осознав смысл ее слов, захихикали, прикрываясь раскрытыми веерами. Глаза их вспыхнули от восторга.

— А правда, что вы долгое время гостили на вилле итальянского графа, который ни много ни мало вдовец? — осведомилась, краснея старшая из сестер.

Аманда чуть улыбнулась: так вот о чем шепчутся в обществе. Ну конечно.

— Правда. Это вилла Фальконе. Сам граф сегодня здесь же, в гостях...

— А его внук, — торопливо вставила младшая, — тоже там был?

— Был.

Девушки переглянулись. И замерли от восторга...

— Ах, миссис Уорд, какая вы смелая! Боже мой. И счастливая. — Обе разом взмахнули раскрытыми веерами, Аманда даже не поняла, которая из сестер говорит с ней, лишь вопросительно вскинула брови: мол, почему. — Мистер Фальконе... молодой, ясное дело, не старый... такой симпатичный...

— ... Высокий...

— ... И умный.

— А глаза у него карие-карие...

— ... Как у Чайльда-Гарольда, — затараторили они разом, дополняя друг друга.

Аманда неожиданно развеселилась, слушая безыскусную болтовню двух юных мечтательниц, начитавшихся Байрона. И, конечно же, тайно...

— Молодой граф, в самом деле, хорош, — подтвердила она, многозначительно улыбнувшись. —

И мы не раз, и не два катались в лодке по озеру и гуляли в окрестностях виллы... совершенно одни...

— О! — в унисон выдали барышни, прижав руки к груди.

— ... Но это, конечно же, тайна, — продолжала она. — Никому не рассказывайте об этом!

— Никому-никому. — Сестрицы переглянулись, и девушка знала, что через два дня, а может, и раньше, об этом станут шептаться на каждом углу. Ну и пусть. Услышав «ужасную» сплетню, родители легче смирятся с ее новым избранником... Как-никак Джеку придется спасти ее от позора женившись.

Если он все еще этого хочет, с тоской подумалось ей.

И тут младшая, Абигейл, произнесла вдруг:

— А графа де Моранвилля все же не пригласили.

— ... Или он сам не пришел, — возразила сестра. — Сама знаешь, он редко появляется в обществе. Из-за безумной жены... и вообще той истории...

Аманда наострила враз уши.

— Граф тоже должен был быть? — спросила она.

— О да, — подтвердила старшая Беатрис, — и мы с сестрой так обрадовались. — Они опять захихикали.

— Почему?

— Ну как же, — младшая чуть понизила голос, — ведь граф такой весь... загадочный. И несчастный. Жена в Бедламе, ребенок... убит... — на выдохе выдала она страшное слово, зардевшись маковым цветом. — А еще он...

— ... Высокий...

— ... Красивый...

— ... И умный, — опять затараторили они разом. Набор эпитетов у них получился стандартным, как почтовые марки на местном почтамте.

Аманда изобразила недоумение.

— Я, кажется, слышала что-то о графе де Моранвилле, но так давно, что не помню, что именно.

Девушки Одли снова синхронно переглянулись, зеркально отобразив взаимное удивление.

— Как же, миссис Уорд, это такая нашумевшая в прошлом история, вы не могли не слышать о ней.

— Возможно, если напомните...

Младшая оказалась бойчее и первой восторженно зашептала:

— Сына графа убили, представьте себе, задушили...

— О боже, кто это сделал? — Аманда во всю переигрывала, но девушки не замечали.

— Полиция точно не знает: подозревали, кажется, гувернантку. Но, говорят, это любовник жены удушил бедного мальчика...

— Любовник жены? — Вот это оказалось весьма неожиданно, и Аманда по-настоящему удивилась. — Так у Грейс де Моранвилль был любовник? Откуда вы знаете?

Девушки пожалали плечами, пригнувшись к ней ближе.

— Я слышала, так шептались в гостиной у Адамсов, — зашептала старшая Беатрис, — мол, жена хотела сбежать с этим любовником и ребенка с собой прихватить. Но любовник, увидев мальчишку, рассердился и заявил, что не станет воспитывать сына чужого мужчины. Еще и кормить его. Вот. Они начали спорить с графиней, он ударил ее, и она потеряла сознание, а мальчишка, наверное, закричал, стал звать мать, вот и... Понимаете сами. Он его...

— Как ужасно...

— Не то слово, миссис Уорд. Бедный граф не только был рогоносцем, так еще потерял единственного ребенка и все же обязан быть верен безумной супруге, виновной во всех его бедах.

— А любовник действительно был? — уточнила Аманда. — Я слышала... это граф был неверен супруге...

Девушки Одли выпучили глаза.

— Ложь. Граф удивительный человек! Он никогда бы не поступил так с супругой.

— Откуда вам знать? Вы сами сказали, он редко появляется в обществе.

Девушки, если на миг и смутились, то быстро оправились.

— Все знают, супруга де Моранвилля сходили с ума задолго до смерти ребенка, — уверенно заявила старшая Беатрис, — а каждому ясно, что только безумица, самая, что ни есть, способна изменить такому мужчине как граф.

— Высокому...

— Умному...

— И красивому.

— Так, может, он потому и пошел на адюльтер, что ему надоела безумица... — отозвалась Аманда.

— Но это совсем нелогично! — горячо возразила младшая Абигейл. — Если это любовница графа задушила ребенка... то это совсем нелогично...

— Почему сразу любовница?

— А кто же тогда? Гувернантка? — Личико младшей скривилось, как от лимона. — Но это неромантично и... совершенно неинтересно.

Аманда, сообразив, что большего от них не добьется, согласилась, что это действительно так: не романтично, а значит, нелепо. И разговор перешел на другое.

Эпизод двадцатый

Джек никогда прежде не пробовал ананасов, даже в Италии у Фальконе, но все равно ароматно пахнувший фрукт, каким бы заманчивым ни был, не пробудил пропавшего аппетита. Казалось, его только что изваляли в грязи... Как ту же свинью, с которой так ярко сравнил его Феррерс, его, ведь Джек, будучи представителем той же группы людей, о которой так пренебрежительно говорил этот тип, ощущал с ними единство.

«От того, что свинью пустили бы во дворец, она не перестала бы оставаться... свиньей».

Если бы только все они знали, что одна из «свиней» сидит за столом рядом с ними... Что бы они тогда сделали? Как поступили?

Джек стиснул пальцы в кулак. Что-то злое и горькое заполнило его душу... И, разбегаясь по венам, отравило все тело. Вспомнился почему-то тот единственный апельсин, который Джек получил в свой день рождения семь лет назад: мать с сестрой купили его у уличного разносчика, чтобы сделать Джеку подарок. Он, счастливый до дрожи, не мог на него наглядеться, о том, чтобы сразу почистить и съесть, не могло и быть речи. Засыпая в тот день, он в темноте любовался на свой апельсин, лежащий на старой, побитой стремянке, заменявшей ему прикроватную тумбу, мечтал, как на завтрак... или обед поделит тот апельсин на троих: себе, матери и сестре, но получилось иначе. Вместо сочного цитруса он обнаружил, проснувшись, нечто черное и скукожившееся... Абсолютно неаппетитное, отвратительное. В тот день он к стыду своему разревелся, ощутив на собственной коже обманчивость всякой мечты... И теперь чувствовал нечто подобное.

После он слышал, что хитроумные продавцы, отварив мелкие апельсины, чтобы они разбухли в воде, продавали их перекупщикам-простофилям. Такой апельсин быстро портился...

Туфель Аманды снова коснулся его под столом. Жест был интимным и дерзким, но сейчас ничто в нем не дрогнуло. Он смотрел на Аманду, а видел внутренним взглядом лишь порченный апельсин, растекшийся отвратительной жижей...

Зря он, дурак, согласился на уговоры Фальконе. Тот преследовал свои цели, не думая, ясное дело, о Джеке, а ему теперь хочется одного: сбежать из этого дома и вообще от Фальконе. Никого ни этот богатый костюм, ни манеры, ни речь не обманут — он как был, так и остался мальчишкой из Уайтчепела. И не больше.

— С тобой все в порядке, мой мальчик? — заботливо осведомился Фальконе, когда после ужина женщины оставили мужчин в столовой одних.

— А как вы полагаете: в порядке ли я? — грубее, чем сам от себя ожидал, откликнулся Джек.

А старик глядел так участливо, понимающе, словно ему действительно было до него дело. Но Джек в это больше не верил...

— Джино, я... — начал было Фальконе, но Джек оборвал его:

— Я — не Джино, меня зовут Джек. И я никакой вам не внук, так, «животное» с улицы, которое вы подобрали. — И тут же: — Я знаю о ваших резонах в деле де Моранвиллей: вы желаете выставиться героем перед миледи Стаффорд, бабушкой мертвого мальчика. И отчего-то решили, что я... и прочие поможем вам в этом. Что ж, надеюсь, у вас все получится...

Он развернулся, чтобы уйти — этот фарс перестал казаться забавным — и старик, чье

лицо застыло при этих словах, попытался удержать его за руку — не получилось. Но и уйти Джек не сумел: в дверях появился дворецкий и направился к хозяину дома. Стаффорд, тихий, молчаливый мужчина, совсем не похожий на свою шумную и энергичную супругу, как раз попыхивал толстой сигарой, слуга наклонился к нему и зашептал что-то на ухо. У хозяина дома вытянулось лицо...

— Господа, появилось небольшое неотложное дело, — произнес он с натянутой улыбкой, — я покину вас на какое-то время. Наслаждайтесь сигарами и бурбоном! Я скоро вернусь.

И он поспешил за дворецким, Джек с Фальконе, наблюдавшие эту сцену, направились следом.

— Я инспектор столичной полиции, сэр, меня зовут Ридли, — расслышали они в холле хорошо знакомый им голос. А вскоре и сами увидели Ридли со шляпой в руках. — Мне жаль, что приходится сообщать вам прискорбную новость, но, как самые близкие родственники вы обязаны знать...

— Что здесь происходит? — прервал его речь женский голос, похоже, хозяйки дома. Она выплыла из гостиной и замерла подле мужа. — Вы из полиции?

— Инспектор Ридли, мэм, — представился Ридли. — Я как раз говорил вашему мужу что, как самые близкие родственники, вы обязаны знать: час назад в собственном доме был обнаружен убитым ваш зять, граф Мишель де Моранвилль.

Эти слова как-то разом отключили все звуки, даже большие часы, никогда будто не замолкавшие, замерли вдруг. Сделалось тихо и глухо, как, наверное, может быть в склепе посреди ночи...

— Но... к-как? — первой опомнилась женщина. — Мы звали его на сегодняшней ужин, он обещался прийти. Н-но...

— ... Никогда уже не придет, — сказал Ридли. — Мне жаль. Пуля тридцать восьмого калибра снесла ему полголовы.

Леди Стаффорд сдавленно ахнула и прикрыла руками лицо. Её муж, сделавшись белым, как собственная рубашка, подхватил ее под руку, но, казалось, не сколько желал поддержать взволнованную супругу, сколько сам боялся упасть.

— Как это вышло? — осведомился Фальконе, выступив ближе из тени. — Его застрелили?

Никто не погнался прочь, сказав, что это его не касается, леди Стаффорд, наоборот, отняла от лица свои руки и с благодарностью на него посмотрела.

Ридли покачал головой.

— Боюсь, все выглядит так, словно он сам покончил с собой, — ответил он на вопрос.

— Сам? — ахнула леди Стаффорд. — Но почему? Боже мой. Мишель не мог этого сделать... Он... он бы не стал... Он... казалось, начинал оправляться...

— И все-таки по всем признакам это самоубийство, мэм.

— Не могу в это поверить... — Она дернулась, и рука мужа, соскользнув с её локтя, упала вдоль его тела да так и осталась безвольно висеть. — Такой скандал... снова, — посетовала она. — И поглядела в раздражении на супруга: — Ну, чего вы молчите? Скажите хоть что-то.

— Что я должен сказать? Я шокирован так же, как вы. Не верится, что де Моранвилль пошел на такое... Должно быть... что-то сподвигло его...

Супруга скривилась.

— Что именно? Он держался три года, а теперь вдруг... не выдержал? Он оставил записку или что-то подобное? — обратилась миледи к инспектору. — Я слышала... самоубийцы... всегда делают так...

— Записки не было.

— Ну а слуги, что сказали они?

— В этот день, полагаю, что неспроста, де Моранвилль распустил слуг по домам.

В очередной раз пораженная, женщина молча открыла и снова захлопнула рот.

— Кто вызвал полицию? — снова осведомился Фальконе.

— Соседская горничная, — откликнулся Ридли. — Слуги слышали выстрел в районе шести часов вечера, сказали об этом хозяйке, но соседи не сочли правильным вмешиваться: мало ли что вызвало выстрел. Возможно, сосед чистил оружие или стрелял по бутылкам...

— За ним такое водилось?

— Скорее нет, чем да, но вам, иностранцу, наверное, не понять: англичанин предпочитает не нарушать чужих личных границ ни при каких обстоятельствах. Вот и соседка так поступила... Но девчушка дружила с горничной де Моранвиллей и решила навеститься к ней, чтобы выяснить, что случилось. Нашла задний вход отпертым, а хозяина дома... застреленным.

— Это ужасно. — Рядом с миледи стояла Аманда, и эти слова принадлежали именно ей. — Почему граф сделал такое?

Ридли посмотрел на нее.

— Сложно сказать, но мы постараемся выяснить это. В любом случае тело отправлено в морг для осмотра... Надеюсь, возражений по этому поводу не возникнет? — Теперь он смотрел на хозяйку. — Доктор Максвелл сможет точнее сказать, было ли это самоубийством, или же...

— Вы сомневаетесь в этом? — перебила его леди Стаффорд.

— Я привык сомневаться во всем, такая уж у меня профессия, мэм, — ответил инспектор. Она молча кивнула, дернув своим подбородком, а Ридли продолжил: — Я хотел бы задать вам некоторые вопросы, касательно вашего зятя. Удобно ли вам ответить на них прямо сейчас?

— Сейчас у нас гости, — в растерянности произнесла женщина, — но д-да, да, наверное... — И поглядела сначала на мужа, потом на Фальконе.

Последний поспешно сказал:

— Надеюсь, вы извините нас, если мы с внуком уже сейчас покинем ваш дом, — обратился он к ней. — Дело в том, что мой внук нехорошо себя чувствует... Он еще не привык, — добавил он совсем тихо, взяв леди Стаффорд за руки. — Но я вернусь завтра, чтобы узнать, как закончился этот вечер... и вообще...

Она кивнула.

— В этом доме вам всегда рады, — прозвучал тихий голос.

Джек, всем сердцем желая остаться, но не с Фальконе в столовой, а с инспектором при допросе, вынужден был попрощаться с хозяевами и выйти за дверь в самом подавленном состоянии духа.

А в экипаже, едва они сели, Фальконе первым сказал:

— Я понимаю, ты сердит на меня за умалчивание, мой друг, но, поверь, в этом не было коварного умысла: я всего лишь не нашел в себе сил признаться в сердечной склонности к... старому другу, миледи Стаффорд. И да, я хотел ей помочь, признаю... Все эти годы со

смерти ребенка она каждый месяц справляется у полиции о состоянии дела де Моранвиллей, но подвижек не было ни одной, и я...

— ... Решили выставиться героем.

— Может, и так, но разве это не всем нам на пользу? И тебе, и Аманде, и тем более мисс Харпер...

Джек не хотел разочаровываться в Фальконе и в любом другом случае с радостью с этим бы согласился: мол, да, это всем нам только на пользу, но... сегодня он был отравлен токсичной средой, в которой обедал, и потому произнес совершенно другое.

— Я не хочу больше в этом участвовать, — сказал, кивком головы указав в направлении того места, из которого они уезжали. — В этот вечер я как никогда осознал, что никогда под него не подстроюсь, да и не хочу этого.

— Ты обижен и оскорблен, я понимаю, — поспешно возразил собеседник, — но стоит ли, Джек, рубить так вот с плеча? Эти люди — невыносимые снобы, но не все... Вспомни Аманду и... леди Стаффорд. Она согласилась помочь ввести тебя в общество, хотя и знала, что ты...

— Презираемый кокни?

— Сын Аллегры и циркача.

— Вы ей не сказали?

— А был должен?

— Я решил, у вас нет секретов между собой.

Гаспаро Фальконе похлопал его по коленке.

— Ты ошибаешься, Джек, у человека всегда есть секреты... и чаще всего от себя самого.

Джек посмотрел на него, желая узнать, что собеседник подразумевает под этим, но увидел лишь грустный, полный расположения взгляд и отвернулся к окну.

— И все-таки я не могу продолжать этот фарс, — сказал он. — Мне очень жаль.

— А как же дело де Моранвиллей? Мы условились, что, вращаясь в светских кругах, ты сумеешь что-нибудь разузнать.

— Мы надеялись познакомиться с Мишелем де Моранвиллем, сеньор, но он теперь мертв, а значит, нужда в притворстве отпала.

— А вдруг кто-то еще знает что-то! — Собеседник даже подпрыгнул на месте. — Ты не смеешь сдаваться после первой же неудачи.

Джек невесело усмехнулся, глядя, как за окномдвигающейся кареты клубится плотный туман.

— Простите, граф, но подставной внук из меня еще хуже, чем полицейский, — произнес он с горьким смешком. — Да и вряд ли меня еще кто-нибудь пригласит! Нам стоит быть реалистами, сэр: как леопарду не свести своих пятен, так нищему кокни не ужитья в светских гостиных. И мне, действительно, жаль! Это было изначально провальной идеей.

Экипаж как раз замедлился и остановился, и Джек, не дожидаясь, пока слуга распахнет дверцу и утвердит лестницу, сам выскочил из кареты, скрываясь в дверях несвоего, увы, дома.

Эпизод двадцать первый

Самоубийство...

Аманда мысленно так и эдак произносила страшное слово, пытаясь осмыслить саму его суть: де Моранвилль приставил к голове пистолет и покончил с собой. Почему?

Она так надеясь увидеть графа сегодня, высматривала его снова и снова, но он не явился — и теперь причина ясна: он приставил к голове пистолет и...

Аманда сглотнула, представив эту картину, и наконец расслышала голос миледи Стаффорд, прощавшейся спешно с гостями. Чем она оправдала необходимость закончить вечер скорее, чем хозяева и гости намеревались, Аманда прослушала.

— Ты едешь с нами, нужно поговорить. — Мать, подхватив ее под руку, повела к выходу, а отец пристроился рядом. «Уведут, как под конвоем», — подумалось девушке, но, погруженная в мысли о смерти де Моранвилля и странном поведении Джека, она даже не воспротивилась этому.

В самом деле, им стоило поговорить...

О Джеке и вообще.

Ее буквально втолкнули в родительскую карету и повезли.

Джек что-то надумал себе, это ясно как день. Он смотрел на нее, но не видел... И пустой этот взгляд пугал больше выстрела в голову, совершенного де Моранвиллем. Им следовало поговорить... Прямо сейчас. Выяснить все, и она так и сделает, только с родителями объяснится...

А потом поедет к нему.

И все равно, как воспримут это Фальконе и остальные. Она должна видеть Джека! Сказать ему самое главное: «Эти снобы мизинца твоего не стоят. Они — ничтожества! Жалкие, жалкие ничтожества...».

— Аманда! — строгий голос леди Риверстоун вернул ее снова к действительности.

Мать глядела на ее руку, поджав губы... И Аманда увидела, что, вцепившись пальцами в веер, почти изломала дорожную вещицу.

— Простите, — на автомате прошептала она, о чем сразу же пожалела: ей не за что извиняться, она ничего плохого не сделала. И откинула в сторону веер... — Куда мы едем? — спросила она.

— Домой, — отозвался отец.

— Мой дом в другой стороне.

— Мы едем на Гросвенор-сквер.

Аманда вздохнула: уж лучше б покончить с этим скорей.

— Почему бы не поговорить прямо здесь? — осведомилась она. — Я устала и хочу вернуться домой. К себе домой, — добавила поясняя. Но родители промолчали, будто не слышали ее вовсе. — И готова вас слушать прямо сейчас.

— И все-таки поговорим дома, — через долгую, словно вечность, минуту произнесла леди Риверстоун-Блэки. А когда они вошли в дом, будто продолжив незаконченную ранее фразу, добавила вдруг: — И желательно утром.

Аманда опешила.

— Но...

— Никаких «но»: немедленно в свою комнату, — оборвал ее грубо отец. — Не желаю

слышать ни слова. Поднимайся! Сейчас же.

Рассерженный не на шутку, он аж покраснел, и Аманда прикусила язык. Испугалась, его хватит удар... А еще подумала вдруг, что подчиниться для вида намного легче, чем спорить — всегда можно сбежать, едва все уснут. А она так и сделает! Убежит.

— Хорошо, если так вам будет угодно. — И подхватив пышную юбку, она легко взбежала по лестнице, направляясь в свою девичью комнату.

Толкнула дверь и вошла. Здесь ничего, казалось, не изменилось, даже в шкафу висели ее старые платья. А у кровати стояли домашние тапочки... Это как в прошлое провалиться, снова стать глупой девчонкой семнадцати лет, влюбленной в Берроуза...

Щелкнул замок.

Аманда, стоявшая у туалетного столика, стремительно обернулась. И, догадавшись в момент, что это было, в сердцах отругала себя: «Ты и есть глупая дурочка!», а потом бросилась к двери.

Так и есть: заперта. Заперта в своей комнате как ребенок!

— Мама! Отец! Что это значит? Откройте немедленно. Я не ребенок, чтобы меня запирали на замок.

— До тех пор, пока ты ведешь себя, как ребенок, Аманда, мы станем поступать так, как считаем необходимым, — последовал немедленный отклик из-за двери. — Или ты полагала, мы простим твою гадкую выходку этим вечером? Ты вела себя отвратительно. Ты опозорила нас! И высмеяла достойного человека.

— Этот Феррерс — достойный дурак, — в сердцах выдохнула она и вдруг... пнула по двери ногой. Со всей силы. И задергала ручку, намереваясь, должно быть, и дверь вышибить, если придется. Та, к несчастью, не поддавалась. Дубовая, крепкая, ей она была не под силу...

— Не смей оскорблять будущего супруга! — грозно рыкнул отец. — Завтра же утром ты познакомишься с лордом Феррерсом, как предписано этикетом, и моли Бога, чтобы этот мужчина простил твою выходку.

— Ни за что! Я ни за что не пойду за него! — закричала она, все еще дергая ручку двери. — Я люблю другого мужчину. И пойду за него, чего бы мне это ни стоило.

С той стороны стало тихо до звона в ушах, и Аманда вдруг поняла, что лицо ее залито влагой. Слезы текли, капая за лиф платья, и она в сердцах их смахнула...

Ну уж нет, она не позволит собой помыкать! Больше нет. Она подбежала к окну и выглянула наружу... Родители, должно быть, забыли, как из этой же комнаты дочь сбежала встречаться с Берроузом, а потому знала прекрасно, как безопасно спуститься по шпалерам вниз. Ну, почти безопасно...

Она подхватила длинную юбку и, подцепив ее шляпной булавкой к поясу, потянула оконную раму. Та легко поддалась. Подставив стул, Аманда взобралась на подоконник и выглянула в окно... Шпалер вдруг показался ей донельзя хлипким. И на мгновение стало страшно, что она рухнет вниз, переломав себе руки и ноги, но... Всё было лучше, чем это родительское самоуправство. Она взрослая женщина и знает, что хочет...

Через минуту она повисла среди голых лоз увивавшего стены плюща и подумала, что ненавидит пышные юбки: те весили, по ощущениям, несколько стоунов и тянули вниз, как грузило поплавок. Аманда прикрыла глаза и осторожно переставила ногу...

В итоге изодрав юбку и оцарапав лицо и ладони она все-таки оказалась внизу. Сдула с лица локон выбившихся из прически волос и... обогнув дом, пригибаясь к земле, свистнула кэб. Точно так, как учил ее Джек...

— Брэдфорд-сквер, девятнадцать, — торопливо назвала она адрес. И добавила: — Поскорее!

Кэбмен хмыкнул в густые усы и стегнул лошадь. До места они долетели как будто на крыльях... Открывший на ее стук дворецкий замер, увидев, в каком она виде. Конечно!

— Сеньор Фальконе уже у себя? — спросила она.

— Эм... который из двух, мэм?

— Молодой, ясное дело, — сдвинув брови, отозвалась Аманда, ничуть не заботясь о впечатлении, которое производила.

— Да, молодой граф у себя. Желаете, чтобы я пригласил его вниз?

— Желаю сама подняться к нему. — С такими словами Аманда обогнула ошарашенного дворецкого и направилась к лестнице.

Он за ней побежал...

— Миледи... мадам... миссис Уорд, — кажется, он волнения он совершенно забыл, как обращаться к ней. Бедолага! — Уже поздно. Так не положено...

— Где его комната?

— Мэм...

Одна из дверей распахнулась, и Аманда увидела Джека.

— Нам нужно поговорить, — заявила она, врываясь в комнату джентльмена без всякого разрешения. Ошарашенный не меньше дворецкого, Джек глядел на ее растрепанный вид и безумно горящие будто угли глаза.

— Сэр, я не смог ее удержать... Я...

— Все в порядке, Альфредо. Можете нас оставить!

— Вот именно, уходите, — сказала Аманда, и захлопнула дверь за слугой.

Потом замерла, стоя к Джеку спиной и как будто пытаясь взять себя в руки, снова заправила за ухо прядь непослушных волос и одернула юбку.

— Аманда, что-то случилось? — обратился к ней Джек. — Ты выглядишь...

— Злой? — подсказала она, обернувшись. — И растрепанной? Да, я такая и есть: злая и очень растрепанная. — Она стиснула зубы.

— Аманда, ты пугаешь меня...

— А ты меня больше, — парировала Аманда в сердцах. — Так сильно, что я... — кулаки ее сжались, — с трудом понимаю, что делаю. И вообще... Я не позволю тебе от меня отказаться! Я НЕ ПОЗВОЛЮ, — повторила она по слогам, схватив Джека за рукав закатанной по локти рубашки, — ОТ МЕНЯ ОТКАЗАТЬСЯ.

Они посмотрели друг другу в глаза, и взгляд, который Джек отвел в сторону, ей о многом сказал.

Она не ошиблась...

Всё правда.

— Тебе не стоит здесь быть, — услышала она его голос. — Ты скандализируешь себя понапрасну.

Она повторила:

— Скандализирую себя понапрасну? — И усмехнулась. — Ты знаешь, что я убежала из дома, в котором меня заперли в комнате, как ребенка? Я вылезла через окно, исцарапав все руки и изодрав платье, я... я хотела быть здесь и больше нигде... Я люблю тебя, Джек. И, зная тебя, понимаю: ты решил от меня отступить. Ты подумал, что мы... не подходим друг другу. Что мы... из разных миров... Что... — Она задохнулась словами, не в силах

произносить все это вслух. — ... Я такая же, как они, — она махнула рукой, обозначая гостей в доме у Стаффордов. — Что я... недостойна тебя...

— Это нелепо, — вяло возразил Джек. — Если кто-то и недостоин кого, так это я тебя. — И спросил: — Почему тебя заперли?

— Сам ты как думаешь? — вскинулась девушка, не желая отступаться от темы. — Потому что повела себя недостойно и оскорбила будущего супруга, защищая тебя.

— Тебе не следовало так поступать.

— И ты, Брут? — Аманда несильно, но ткнула в грудь собеседника кулачком. — Я думала, ты на моей стороне.

— Я на твоей стороне, но...

Она метнулась по комнате, прикрыв руками лицо и не желая никаких «но» даже слышать.

— Лучше молчи! — приказала, замерев перед ним. — Лучше молчи. — И, распутив ловкими пальцами его шейный платок, отбросила его в сторону.

— Что ты делаешь? — спросил Джек, но она, взявшись за пуговицы у него на рубашке, не ответила. И тогда Джек перехватил ее руки... — Аманда, хватит!

Два взгляда, каждый по-своему полный решимости, столкнулись, как это бывает с шарами в бильярде.

— Я тебе не позволю! — процедила Аманда сквозь зубы.

Джек выпустил ее руки. Вздохнул.

— Аманда, как ты не понимаешь, мы были слишком наивны, полагая, что сможем пойти против правил... Так не бывает. У нас ничего не получится...

— Почему?! Мы любим друг друга. И я достаточно обеспечена, чтобы устроить нам жизнь, о которой мы так мечтали.

— Вот именно: ты достаточно обеспечена, — с болью в голосе откликнулся Джек. — Ты, а не я. Нас станут судить... тебя в первую очередь. И сегодня я понял, что не хочу этого для тебя! Я не могу... — он тряхнул головой, — быть твоей грязной тайной. Тем, кого они все презирают...

Рот Аманды раскрылся — не сразу, но она отозвалась:

— Так все дело в гордости, так? В твоей гордости, Джек. Ты не можешь принять мои деньги, и готов отступить от нас из-за них... — Она метнулась по комнате. — Чем же ты тогда лучше всех этих... Феррерсов и подобных ему? Я думала, наше чувство сильнее всех предрассудков. А ты...

— Я такой же, как все, — глухо признал молодой человек.

Взгляд его был таким же, как и у Стаффордов за столом: пустым и далеким. И Аманда поежилась...

— Нет. — Она вынула из прически последние шпильки, и волосы разметались у нее по плечам. — Я не позволю твоим беспочвенным страхам разлучить нас... — Потом потянула его рубашку из брюк. — Поцелуй меня, Джек, — потребовала она. — Поцелуй меня.

Он слотнул. Взгляд его медленно переместился с ее губ на покатые, обнаженные плечи, на выпуклости груди, бурно вздымавшейся от волнения, — он отвернулся, покачав головой.

— Это абсурдно, Аманда: никто не заставит меня взять тебя в жены, застав в таком виде в моей комнате.

— Почему?

— Да потому, что такое замужество еще больше опорочит тебя.

— То есть ты больше не хочешь жениться на мне? — поняла девушка самое главное.

— Я не хочу усложнять тебе жизнь.

— Ну и дурак! — Одарив его этим нелестным эпитетом, она обняла его, прижавшись к груди.

И слушая, как стучит любимое сердце, отнюдь не спокойно и мерно, как Джеку, конечно, хотелось бы, не удерживалась от слез... Те потекли по щекам второй раз за вечер.

И были горше тех, предыдущих...

— Аманда?

— Что?

Любимые пальцы приподняли ей подбородок, и Джек заглянул ей в глаза.

— Не плачь, умоляю тебя.

Она всхлипнула.

— Не могу перестать. Мои мольбы, знаешь ли, для тебя тоже мало что значат!

— Это неправда.

Джек скользнул пальцем у нее по щеке, ловя одну из слезинок, и вдруг... накрыл ее губы своими. Ощущение не было новым, но именно в этот момент все в ней дрогнуло, как впервые. Взорвалось где-то под сердцем, растекаясь горячим, неистовым жаром до самого живота. Застучало в ушах...

Захотелось навечно остаться в ощущении этого поцелуя, замереть в самом этом моменте — не возвращаться в реальность, но реальность сама прорвалась в ее сладостный сон стуком в дверь, а потом и знакомыми силуэтами в проеме открывшейся двери.

Эпизод двадцать второй

— Не плачь, умоляю тебя, — попросил Джек, прекрасно осознавая, что мог вынести все, что угодно, кроме слез этой девушки.

Она всхлипнула, еще крепче прижавшись к нему.

— Не могу перестать. Мои мольбы, знаешь ли, для тебя тоже мало что значат!

Глупенькая Аманда.

Он так страстно и сильно любил её, что едва себя контролировал, перебарывая неистовое желание сделать так, как нашептывали эмоции: зацеловать ее всю. Он так долго об этом мечтал, что теперь, твердо решив отступить, ощутил реальную боль во всем теле. И распущенные по плечам волосы и глубокое декольте вечернего платья мало способствовали самоконтролю и желанию боль эту унять...

— Это неправда, — глухо прошептал он.

И, наверное, сам так и не понял, как начал ее целовать, как задохнулся желанием, ощутив ее пальцы на коже, впившимися в мышцы спины, как сам скользнул чуть саднящими от поцелуев губами к нежной ключице, коснулся ее языком...

И вдруг запахнулась дверь комнаты. Кто-то предстал на пороге... Они с Амандой отпрянули друг от друга, но вряд ли кого-то могли обмануть их расширившиеся зрачки, чуть подрагивающие от желания пальцы и клокочущие сердца.

— Эт-то бесстыдство... скандал... Аманда, как ты могла?! — неестественно низким голосом пискнула ее мать. Щеки миледи горели нездоровым румянцем, глаза метались между ними обоими. — Пасть так низко... да еще с ним...

Джек ощутил, как его взяли за руку, пальцы Аманды переплелись с его пальцами.

— Я вам сказала, что люблю другого мужчину...

— Его?

— Да, мама. Я люблю Джека.

Женщина охнула, Джек запоздало попытался оправить края выбившейся из бриджей рубашки. Дышать нормально не получалось, и он удивлялся тому, как у Аманды выходит так ладно, невозмутимо беседовать с матерью.

Сам он желал провалиться под землю! А желательно, умереть. Стыдно было до дрожи...

Особенно перед Фальконе, который, ясное дело, тоже был здесь и смотрел на него...

— Ты любишь... этого? — Женщина, между тем, указала на него пальцем. — Этого...

Она знала, кто он такой, Джек не ошибся, просто никак не могла подобрать верное слово: кокни, плебея, мальчишку-констебля, обманщика с самого дна этого города...

— ... Итальянца? — подсказал вдруг Фальконе, заглянув миледи в глаза. — Вы имеете что-то против итальянских мужчин? Или что-то конкретно против моего внука, миледи?

Леди Риверстоун, отвлекшись от Джека, посмотрела на графа и вдруг захлопнула рот.

— Вашего внука? — заговорил ее муж. — Вы уверены, сэр, что этот... молодой человек — именно что... итальянец?

— Абсолютно уверен. Моя дочь родила мальчика от англичанина, признаю, но от этого он не меньше итальянец, чем в любом другом случае. — Граф вскинул голову. — Так вы имеете что-то конкретное против моего Джино?

Риверстоуны переглянулись.

— Он соблазнил нашу дочь, по-вашему этого мало? — взяв себя в руки, воскликнул

мужчина. — И вы скорее всего потворствовали ему... Вот почему наша дочь жила в вашем доме и...

Фальконе сделался совершенно серьезен.

— Могу вас уверить, под моей крышей ничего неприличного или компрометирующего честь юной леди не происходило. Мой внук, — старик сделал на этих словах особый акцент, — очень серьезный молодой человек и он... никогда не посмел бы опорочить имя любимой им девушки.

Леди Риверстоун-Блэки схватилась за сердце, а ее муж изогнул губы в усмешке.

— Мы все сейчас видим, насколько крепки его принципы, да, — процедил он сквозь зубы. И тут же продолжил: — У моей дочери есть жених. О их браке уже было сговорено...

— Полагаете, этот мужчина возьмет вашу дочь опозоренной? — очень спокойно осведомился Фальконе. — Как бы ни было велико мое доверие к внуку, ситуация, согласитесь, весьма... щепетильная... — он окинул молодых взглядом. — Я не уверен, что они не...

— Ничего не было, — очень твердо заявил Джек.

— Ничего?

Джек вспыхнул под взглядом старого графа, хотя вряд ли мог покраснеть еще больше. Он и так горел, как в огне...

— Ничего, кроме...

— Мы целовались, — пришла Джеку на помощь Аманда. — И я сама так хотела.

Ее мать снова вскрикнула, повалившись на руки поддерживающей миледи мисс Харпер.

— На самом деле, мы оба... хотели одного и того же, — добавил Джек, сжав ее пальцы.

Гаспаро Фальконе весьма показательно закатил глаза, вскинув брови.

— Как видите, эти двое любят друг друга, так есть ли резоны противиться этому светлomu чувству? — едва ли не риторически спросил он. — Насколько я знаю, мой Джино и так собирался просить руки сеньориты Уорд, так отчего бы нам не решить это дело прямо сейчас? — Риверстоуны молча прожигали несчастную пару глазами. — Или вы полагаете, что Фальконе, будучи иностранцами, недостойны руки вашей дочери? Так я с радостью предоставлю вам сведения о наших аристократических предках, вплоть до Арнульфа Каринтийского, а пять тысяч годового дохода, я полагаю, будут достаточным аргументом в пользу нашей финансовой состоятельности.

— Я не пойду за Феррерса, мама, — весомо присовокупила Аманда, прерывая повисшее после слов графа молчание. — Хоть запирайте, хоть нет, я сбегу с Джеком в Италию, так и знайте.

Джеку почудилось, что отец его девушки скрипнул зубами.

— Наша дочь не уедет в Италию, — через силу, но произнес он, явно давая понять, что они против подобного брака, но Фальконе, делая вид, что не понял завуалированного отказа, воскликнул весьма жизнерадостно:

— Где они будут жить, решать молодым, право слово, сеньор. Я их неволить не стану! Мой Джино и сам наполовину английских кровей, так что я допускаю: английская родина может манить его так же сильно, как итальянская.

Лицо Риверстоуна перекошилось и снова послышался скрежет зубов.

— Наша дочь... — начал он снова, — не выйдет замуж за... — Джека смерили еще более уничижительно-убийственным взглядом, — ... итальянца. — Читайте: какого-то выскочку. — Не обессудьте, граф!

— Ваше право, — опять посерьезнел Фальконе, — но вы должны понимать: после сегодняшнего... кхм, конфуза, особенно если о нем разболтают светские кумушки, вашей дочери будет непросто не только найти себе мужа, но даже... выходить в свет.

Собеседники встретились взглядами, Риверстоун спросил:

— И кто же их просветит, этих кумушек, позвольте узнать?

Граф улыбнулся, вроде как поражаясь наивности собеседника, но на самом деле давая понять, что он сам и расскажет в случае необходимости.

— Вам ли не знать, дорогой лорд, как разносятся сплетни? — вопросом же на вопрос откликнулся он. — Здесь шепнула какая-то птичка, там — другая и третья... Право слово, не понимаю упорства, с которым вы так противитесь браку наших детей. Джино с радостью обелит имя Аманды, согласившись взять ее замуж, не так ли, мой мальчик?

Джек, с трудом понимая, на каком свете находится, молча кивнул. А ведь только около часа назад он твердо решил отступить от мыслей о браке с Амандой...

— Вот видите, как чудесно все складывается! — восхитился Фальконе. — Завтра же мы с моим внуком явимся к вам с соответствующими бумагами, дабы урегулировать финансовые вопросы и обсудить длительность намечающейся помолвки. Могу вас уверить, в накладе никто не останется! Это поистине славный вечер как для самих молодых, так и для нас, стариков. Идите я вас расцелую! — С такими словами Фальконе сам подался к неподвижно замершей паре, с тревогой за этими переговорами наблюдавшей и все еще не осознавшей, чем именно они кончились.

Он смачно, по-итальянски восторженно расцеловал их в горящие щеки и попутно застегнул Джеку пару пуговиц на рубашке.

— Итак, до завтрашнего утра? — обратился он к Риверстоуну, неподвижному и молчаливому, как соляной столб. У того дернулись веко и уголки губ, но он все же кивнул, не в силах молвить ни слова...

Вместо него леди Риверстоун приказала:

— Аманда, мы едем домой. Немедленно!

Пальцы Аманды скользнули из ладони Джека и сама она, собираясь уйти, сделала шаг, но вдруг развернулась и обняла его. Крепко-крепко.

— До завтра, — шепнула чуть слышно. — Люблю тебя.

— Бесстыдница! — проскрежетала миледи, дернув дочь за руку, и, наверное, со всей силы, но Аманда счастливо улыбалась, ничуть не обратив на это внимание.

«До завтра. Люблю тебя».

Дверь, за которой скрылись Риверстоуны с дочерью и провожающей их мисс Харпер, закрылась, и Джек с мнимым дедом остались наедине.

— Ну и зачем вы сделали это? — Джек рухнул на оттоманку и взъерошил пальцами волосы. — Зачем за меня заступились? Еще и солгали Риверстоунам.

— Я не лгал, — невозмутимо откликнулся граф, глядя на него сверху вниз. — А заступиться был просто обязан: как-никак ситуация вышла пикантной. Я глазам не поверил... — сверкнул он улыбкой.

Джек опять запустил пальцы в волосы, щеки его ярко вспыхнули.

— Я ей не пара, — произнес глухо и обреченно. — Собирался сказать ей об этом, а тут... Как теперь говорить с Риверстоунами, признаваться в обмане? И зачем вы только вмешались? Пусть бы...

— Что? Оскорбляли тебя? Ну уж нет, — разозлился Фальконе, — никому не позволю

оскорблять моего внука, прости.

Джек поднял голову и с удивлением на него посмотрел.

— Я не ваш внук, мы, кажется, разрешили этот вопрос.

— Это ты себе что-то придумал, я же... уверен в обратном.

Джек нахмурился, продолжая сверлить лицо собеседника взглядом. Поднялся. И вдруг кинул недоуменно:

— Вы шутите, так?

— Я серьезен, как никогда.

Джек мотнул головой, прогоняя туман странных мыслей: от потрясения он, должно быть, соображает не очень.

— Они знают, кто я такой, — произнес он, имея в виду Риверстоунов, — нищий мальчишка, обманщик. Зря вы отсрочили неизбежное...

Гаспаро Фальконе на этих словах, полных горечи и тоски, подошел совсем близко, положил руку на плечо парня и заглянул ему прямо в глаза.

— Ты — Фальконе, — произнес он. — Сын моей дочери, внук, о котором я долгие годы мечтал, и которой наследует состояние нашего рода. Я так решил, — добавил поспешно, не дав Джеку возможность что-нибудь возразить, хотя тот, открыв рот, вряд ли смог бы хоть слово сказать, так сильно его поразило признание деда. — И от решенного не отступлюсь! И тебе не позволю. — Старик сжал плечо внука.

— Но я... не могу... — В голове парня будто взорвалась петарда китайского фейерверка: он оглох на секунду и даже как будто бы онемел. — Я...

— А мне безразлично, можешь ты или нет, — жестко кинул Фальконе. — Я так решил, вот и все. Не хочу, чтобы деньги Фальконе растрывал какой-то избалованный малец, которого я, между прочим, два раза в жизни и увидел. И оба раза он вызывал у меня раздражение! Вот ему, а не деньги. — Старик скрутил пальцами кукиш. — Ты, в конце концов, мой законный наследник... по прямой линии. Так что смирись! Завтра мы едем обручать тебя с лучшей девушкой в мире, а эти все... — он скривился, взмахнув рукой в воздухе, — пусть подавятся собственным возмущением. Мы утрем их вздернутые носы! Мы уделаем их, — заключил старик совсем тихо, подавшись к Джеку всем телом.

Шутихи в голове парня продолжали взрываться... Оглушенный, он тупо взирал на того, кто дарил ему целый мир... просто так. Но такого ведь не бывает... Абсурд.

— Вы потешаетесь надо мной? — спросил он. — Насмехаетесь?

Лицо старика сделалось отчего-то сердитым.

— Ты не слушаешь меня, мальчик! — вскинулся он и ни с того ни с сего залепил Джеку пощечину. Таковую звонкую, что у Джека дернулась голова и в ушах зашумело. Он ошалело прижал к вспыхнувшей щеке свою руку и округлил большие глаза, пытаясь понять, что это было.

Старик лишился рассудка?

Определенно.

— Ты не слушаешь меня, Джино, — повторил, между тем, старый граф. — Забился в собственную обиду, как в раковину, и главного не замечаешь: я даю тебе шанс сделать этот мир лучше. Изменить, если не всё, то многое, понимаешь? Наследство Фальконе — не деньги, Джек, это возможности, много возможностей переменить природу вещей, которые угнетают тебя. Так измени их! Докажи этим снобам с Мэйфера, что человек способен меняться, что, даже поднявшись из самых низов, можно сделаться тем, с кем даже им

придется считаться. Что, хочешь от этого отказаться и позволить им костенеть в своих заблуждениях? Хочешь, скажи?

— Не хочу.

— Ха! — Фальконе крутанулся на пятках и хлопнул в ладони. Улыбка, широкая, как Триестский залив, озарила его исчерченное морщинами лицо. — Значит, больше никаких разговоров на тему «Я не ваш внук, и пусть этот мир катится к черту»?

Джек, зараженный его восторженным энтузиазмом, улыбнулся невольно, хотя, надо признаться, все еще не понимал, что сейчас происходит.

— Я просто совсем не уверен, что подхожу на подобную роль... — сказал он.

— Об этом позволь судить мне, — парировал граф. — И вообще, кто кого должен сейчас уговаривать? Скажи, тебе нравится быть несчастным и бедным, страдать из-за девушки, быть с которой вам не позволят, или... ты встанешь с ней вровень, станешь счастливым и...

— И?

— ... Заставишь меня гордиться тобой? Выбирай, вариантов лишь два.

— Я выбираю второй.

— Наконец-то я слышу разумные речи. — И потрясая руками: — О, Мадонна, это было сложнее, чем я полагал! Нужно выпить. Прямо сейчас.

— Мисс Харпер вам не позволит.

— Пусть только попробует: как-никак мой внук почти что помолвлен. Я обязан отпраздновать это событие! — И шепнул Джеку на ухо со счастливой улыбкой: — Только с детьми не тяните. Я хочу умереть абсолютно счастливым! — И с такими словами вышел из комнаты, лучась улыбкой как лучится на солнце новенький соверен, вытащенный из кармана.

Эпизод двадцать третий

Инспектор Ридли в задумчивости шагал по коридорам полицейского управления, направляясь в прозекторскую. Доктор Максвелл, которого он взял за привычку приглашать для консультации в особенно сложных случаях, должно быть, уже закончил осмотр мертвого тела де Моранвилля. В любом случае сделать это следовало как можно скорее, и вернуть тело для погребения — леди Стаффорд, поперек мужа, разрешила произвести необходимые действия, хотя, как водится, считала это кощунством. Варварством.

Впрочем, именно эта женщина все прошедшие со смерти ребенка года донимала Брандера вопросами о продвижках по делу. Тот ненавидел ее и боялся, но ничего нового сообщить ей не мог...

А теперь вдруг такое.

Самоубийство отца убитого мальчика...

Есть ли в этом взаимосвязь со случившимся три года назад или смерть его — только следствие смерти ребенка? Ридли невольно скривился. Он привык видеть в де Моранвилле мерзкого соблазнителя и насильника, но никак не трепетного отца, не сумевшего, как ни пытался, пережить гибель ребенка...

Так где же правда?

Розалин, пусть он не хотел себе признаваться в таком, прошлым вечером показалась ему искренней, утверждая, что не имела с хозяином романтической связи. Признаться, тогда, три года назад, он тоже ей верил... Не мог допустить даже мысли, что женщина, рядом с которой от нежности екало сердце, способна предать их общее чувство, связавшись со своим нанимателем. Для чего бы ей делать такое? Его Розалин не такая.

Даже показания Поттер, расположенной к гувернантке (Розалин говорила, они были в хороших с ней отношениях), не могли поколебать его веры до тех самых пор, пока... эта женщина не сбежала. А камеристка графини, пусть через силу, но подтвердила, что Розалин... его Розалин выходила посреди ночи из спальни хозяина. Поттер сама это видела...

Ридли тогда подстерег эту женщину около дома и велел перестать клеветать на подругу: «Разве это по-дружески говорить о ней гадости, да еще заведомо ложные? — вопрошал он ее, сверкая глазами. — Разве вы не успели понять, работая в одном доме, что мисс Харпер — хорошая девушка?» Вел себя как влюбленный дурак. До сих пор стыдно вспомнить...

Поттер тогда смерила его неприязненным взглядом и сказала одно: «А вы сами спросите ее. Или боитесь?»

Боялся ли он?

Возможно, отчасти. И все же не верил... не мог в это верить...

— *Сегодня Брандер опрашивал миссис Поттер, — сказал он невесте при встрече тем вечером.*

— *Что она говорила?*

Розалин была бледной и комкала беспокойными пальцами край своей шали. Со смерти ребенка она сделалась тенью самой себя прежней, страх поселился в больших васильковых глазах... И Ридли подумывал перенести дату свадьбы: вряд ли невеста будет способна улыбаться на торжестве. А неулыбчивая невеста как-никак наводит на странные мысли...

— Много чего, — отозвался он неопределенно. Никак не мог найти смелости, чтобы спросить напрямую: «Ты ходила к хозяину ночью? Была в его спальне?»

— А обо мне? — спросили бескровные губы.

Розалин на него посмотрела, чем окончательно и бесповоротно смутила.

— Кхм... о тебе... да... Она говорила, что ты... кхм... была довольна дружна с де Моранвиллем...

— Дружна? — повторила за ним Розалин. — Он — мой хозяин. Вряд ли «дружны» подходящее слово в таких обстоятельствах? — возмутилась она и тут же погасла. — Просто он... он...

— Что? — Не выдержал Ридли.

— ... Хотел быть уверен, что Анри, его сын, получает должное образование. Он всегда этим живо интересовался!

Даже посреди ночи у себя в спальне?

— Понимаю. Наверное, Поттер что-то не так поняла...

— Наверное.

Розалин опустила глаза, и Ридли сжал губы. Почему же так сложно спросить напрямую? Что за проклятая косноязычность? И страх.

Спрошу в другой раз, решил он тогда, расставаясь с невестой. Но другого уже не представилось... По крайней мере, не раньше, чем через три года, когда он совершенно уверился, что невеста предала его, и сделала это еще раньше, чем убежала из-под венца, скрываясь от подозрений полиции, — она изменила ему с де Моранвиллем.

Наверное, хорошо, что теперь с этой Поттер побеседует Джонсон: сам Ридли не был уверен, что сумеет глядеть ей в глаза. Так и будет слышать снова и снова: «А вы сами спросите ее. Или боитесь?» Черт возьми, прошло столько времени, он же по-прежнему... идиот, не способный рта раскрыть, чтобы выяснить наболевшее!

Сжав кулаки, он толкнул дверь прозекторской и вошел. Пахло здесь преотвратно, как и всегда... Хотя не в пример лучше, чем у Максвелла в лаборатории. Там запах буквально сшибал с ног! И как доктор сам умудрялся оставаться в сознании, бултыхаясь в этом зловонии, оставалось для Ридли загадкой.

— Добрый день, доктор Максвелл.

— Здравствуйте, Ридли. Я как раз закончил осмотр! Вы как нельзя вовремя.

Доктор откинул белую простыню с лица де Моранвилля и совершенно невозмутимо посмотрел на кровавое месиво, которое то из себя представляло. Сам Ридли предпочел бы избежать этого зрелища вновь, но... все-таки подошел к прозекторскому столу. Тут уж, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов!

— Что скажете, доктор: де Моранвилль выстрелил в себя сам? — осведомился инспектор. — Версия самоубийства подтверждается?

— Кхм, — доктор Максвелл постучал по губам указательным пальцем, — как бы вам это сказать, инспектор... Точного опровержения данной версии у меня нет, но... некоторые моменты все же вызывают сомнения.

— Какие именно, доктор? Расскажите, что вас смущает.

— Да вот хотя бы входное отверстие, — живо откликнулся собеседник, увлеченно указывая на отверстие под подбородком умершего. — Посмотрите, оно точно того же размера, что и пуля... Один в один.

Ридли задумчиво хмыкнул.

— Предполагается, что при выстреле в упор входное отверстие должно превышать диаметр пули... — произнес он.

— Все верно, предполагается, но здесь этого нет, как и нет обычного при выстреле в упор, — доктор Максвелл приложил большой палец правой руки к своему подбородку снизу, имитируя ствол оружия, — отпечатка дульного среза. Пороховые газы, — поспешил пояснить он, — находясь под высоким давлением, расширяют раневой канал жертвы, отслаивают кожу от подкожной клетчатки и прижигают ее к дульному срезу оружия, ушибая и осадняя кожу, инспектор. К тому же, — он поглядел на труп де Моранвилля, — при выстреле в упор, а самоубийство именно это и предполагает, часть пороховых газов прорывается между дульным срезом оружия и кожей, образуя кольцо копоти. Вот, посмотрите...

Ридли нехотя глянул туда, куда указывал доктор.

— Кольцо копоти, — подтвердил он. — Разве это не доказательство выстрела в упор, о котором вы говорили?

Доктор Максвелл взмахнул руками.

— Как вы не видите, — в возбуждении заговорил он, — такое кольцо, я проводил опыты, образуется только при выстреле с близкого расстояния в дюймов двенадцать-пятнадцать. Зона рассеивания пороховых зерен в таком случае значительно обширней, а плотность их — меньше.

Ридли почесал голову, боясь поинтересоваться, каким образом доктор проводил упомянутое выше исследование: стрелял по трупам или живым?

Он тряхнул головой.

— Так что вы хотите сказать: кто-то выстрелил де Моранвиллю в голову, да еще точно под подбородком, имитируя самоубийство, а тот даже не воспротивился? Это абсурдно.

— Но не невозможно, — возразил собеседник. — Я взял кровь для токсикологического анализа. Как только что-то станет известно, сообщу вам.

— И что вы рассчитываете найти? — не понял Ридли. — Наркотик? Снотворное?

— Мало ли, — пожал доктор плечами. — Вы сами сказали, этот труп интригует вас.

— Не труп именно, — поправил его собеседник, — сама эта смерть.

— Тем более стоит проверить все. Сами видите, некоторые моменты вызывают вопросы.

— Полагаю, только у вас, доктор Максвелл. Наш коронер ничего странного не заметил!

— Пфф, удивительно, что он вообще заметил дырку размером с кулак! Ваш коронер слеп, как крот. Причем во всех смыслах! Гоните мерзавца вашей не задумываясь.

— А вы согласитесь занять его место? — улыбнулся инспектор.

— Попытка хорошая, Ридли, но я, как уже неоднократно вам говорил, предпочитаю работать не только с безжизненными телами, уж извините. Да и платят живые лучше! В общем, — подхватил он свой саквояж, — я сообщу, если что-то узнаю. Доброго дня, инспектор!

Они дружески распрощались, и Ридли поспешил прикрыть голову де Моранвилля откинутой простыней.

Что же, выходит, его кто-то убил? Сымитировал самоубийство? Но почему? С какой целью? И как?

Мысли теснились в его голове, пока Ридли возвращался назад, в свой кабинет, а уже на

подходе столкнулся с Дрискоулом.

— Сэр, там этот... с хитрыми глазками. Итальяшка!

— Мистер Джонсон?

— Он, сэр. Расположился у вас в кабинете, как у себя дома! Чисто цыган.

Джонсон с первой минуты пришелся сержанту не по душе, и тот, как умел, выражал свое отношение к «наглому коротышке». Ридли и сам испытывал к этому человеку смешанные чувства: признавая его несомненное мастерство докапываться до сути вещей, он все-таки презирал сами методы, им используемые. Что за глупость такая, быть частным сыщиком? Что вообще это значит? Он опасался, что пронирующий коротышка собьет Джека с толку своими заковыристыми речами. И, наверное, даже по-своему ревновал, а потому недолюбливал Джонсона еще больше...

— Мистер Джонсон.

— Инспектор. — Сыщик сидел, развалившись, в кресле инспектора и пыхтел сигаретой. Но поднялся при виде него и растянул губы в улыбке: — Надеюсь, вы мне простите вторжение в ваше святое святых? Я прибыл с важными новостями.

— Вы нашли миссис Поттер?

— Нашел, хотя должен заметить, она больше не проживала по указанному в ваших бумагах адресу. Но я все равно отыскал ее и имел крайне занимательный разговор... Вопрос, впрочем, в другом, — театрально развел он руками, — донесли ли вам шустрые птички новость о том, что случилось в Бетлемской королевской больнице?

Ридли невольно поглядел на сержанта, тот на него. Взгляды обоих недвусмысленно говорили о том, что никаких «птичек» с новостями из этого места на Уайтхолл-плейс не прилетало...

И тогда мистер Джонсон их радостно просветил:

— Графиня де Моранвилль, ну не чудо ли, если судить о ее состоянии, — говоривший помахал рукой у виска, — прошлым утром сбежала из клиники!

— Как? — ахнул Ридли.

— А вот это никому неизвестно.

— И почему я не знаю об этом?

— Пока мало кто знает. Больница предпочитает провести розыски собственными силами, не привлекая полицию: огласка губительно для их репутации, знаете ли, инспектор. А миледи, как бы там ни было, знатная дама... пусть и поехавшая умом...

Эпизод двадцать четвертый

Томазо Антуан Джонсон обожал головоломки, особенно столь запутанные, как дело де Моранвиллей. С энтузиазмом охотничьего терьера он вцеплялся в загрибок подобной задаче и терзал ее до тех пор, пока не докапывался до сути...

А эта была самой давней в запасниках его памяти.

Еще когда старый граф заметил однажды: «Слыхал гувернантка, подозреваемая по делу до Моранвиллей, сбежала в Италию... Как полагаешь, она действительно здесь?» Он ответил привычным: «Желаете, чтобы я ее отыскал?» Граф то ли кивнул, то ли дернул нервически головой, но Джонсон понял, что найти девушку должен.

И отыскал в доме у Брандолино, откуда Фальконе девицу то ли спас, то ли бессовестным образом умыкнул, Томазо Джонсон и сам толком не понял. Зато понял другое: старику есть какое-то дело до де Моранвиллей, а значит, ему, Джонсону, однажды придется однажды этот «орешек» разгрызть — и частный сыщик предвкушал удовольствие.

... Которым сейчас по-настоящему наслаждался. Всё: и гнетущая серость осенних лондонских улиц, и приключение в подворотне с допросом тщедушного вора, и рысканье в поисках некой Поттер, и даже раздражающий своим пресным видом инспектор — ему нравилось. Джонсон в принципе не умел жить иначе: даже в самой темной, безлунной ночи он находил проблеск света и радовался ему как ребенок. Все лучше, чем киснуть, страдая по пустякам...

А англичане, не в пример итальянцам, страдали со вкусом и знанием дела, и это больше всего удивляло пронырливого космополита. Идеология Джонсона была очень простой: «Бери от жизни самое лучшее — и не оглядывайся». Вот хотя бы взять этого мальчика, Джека: старик подарил ему рай на земле — любимую девушку, лучшую комнату в доме, еду и окрестности, от которых занимается дух — а он будто не рад всему этому и страдает. Скажите на милость, что ему еще надо? Найти свое место в жизни? Вот уж проблема. Джонсон бы пользовался моментом, откинув подобные мысли, как сношенные ботинки, а этот нудит о возвращении к прежней жизни.

Дурак!

Нет, паренек Джонсону нравился, даже очень: смысленый, хваткий, принципиальный опять же, пусть и повернутый самую малость. Но с кем не бывает, и лучшие этим страдают... А так он даже на полном серьезе подумывал обучить его своему мастерству, если тот, в самом деле, решится чем-то подобным заняться. Загвоздка была только в этой девице, сеньорите Уорд, — такие уж если вцепятся в сердце, уже не отпустят. Все равно что репей. А сыщику лучше бы быть свободным как ветер... По крайней мере, Томазо Джонсон предпочитал свободные отношения. Сами слова «любовь», «брак» и «семейные обязательства» у него вызывали мигрень и отрыжку...

Авось у них всё не сложится, думал он. Джек пусть и вышел лицом, этого не отнять, но девица его все-таки из верхов, а одного смазливового личика будет мало, чтобы сгладить неравенство...

Впрочем, старик к пареньку прикипел, и то, что сначала представлялось холодным расчетом (именно так Джонсон игру во внука и деда воспринимал), теперь переросло во что-то другое. Более теплое... Глядишь, старик и подкинет мальчишке какую-то сумму, поможет встать на ноги... Что ж, ему, Джонсону, это только на пользу: вложатся вместе с Джеком в

конторку где-нибудь в Риме и заживут припеваючи, убажывая богатых клиентов.

Жаль только, не вышло подслушать, о чем эти двое вчера говорили, когда злые, как черти, родители распрекрасной сеньориты Уорд покинули дом, провожаемые мисс Харпер. Да уж, умеет эта девица устроить переполох! Пошла, что говорится, ва-банк и, кажется, не прогадала. Интересно, как же Фальконе и Джек теперь выкрутятся? Все же помолвка — дело серьезное. Эх!

С такими мыслями мистер Джонсон вышел утром из комнаты, собираясь наскоро перекусить и отправиться в Брикстон, в дом некоего мистера Уолдингтона, у которого, как он давеча выяснил, работала нынче Корнелия Поттер, бывшая камеристка миледи де Моранвилль.

Он как раз спускался по лестнице, когда в дверь позвонили, и дворецкий, этот зазнайка Альфредо, смотревший на него сверху вниз — жалкий сноб! — пошел открывать.

Любопытный как белка, Джонсон остановился прислушавшись...

— Это дом иностранного джентльмена? — услышал он звонкий мальчишеский голос с характерным для кокни акцентом: эти вечно глотали полслова. — Итальянца?

— Все верно, здесь проживают сеньор Фальконе и его внук. Вы что-то хотели, молодой человек? — чопорно отозвался дворецкий.

И мальчишка, наверное, обалдевший от этого «молодой человек», расплылся в широкой щербатой улыбке.

— Вот, просили вам передать, — сунул он в руки дворецкому грязный пакет. И понесся стремглав по тротуару...

Альфредо поморщился и прикрыл дверь, с брезгливостью глядя на перевязанный бечевкой пакет.

— Что это? — выхватил Джонсон пакет у дворецкого и потряс над своим ухом, как бы желая понять, что там внутри.

— Понятия не имею. — Альфредо потянулся забрать переданную хозяину вещь, но Джонсон ловко отскочил в сторону.

— Успокойся, приятель, — произнес он, поддевая веревку перочинным ножом, — сначала надо увериться, что внутри не гремучая кобра... — дворецкий, недолюбливая его, презрительно вздернул брови, — или бомба. Я, между прочим, отвечаю за безопасность сеньора!

Из свертка прямо в руки любопытного сыщика вывалились две женских вещи: сумка и пожелтевший от долгого неиспользования платок. Джонсон хмыкнул, растерявшись на долю секунды, но в следующий миг догадался о личности адресанта посылки: никак Милашка, мелкий бес, прознал, кому обязан «беседой» в том переулке. И отправил привет.

— Как любопытно, — произнес Джонсон, разглядывая оба предмета.

В пыльной сумке-шатлен, что женщины носят на поясе, обнаружили пожелтевший билет на доклад профессора Гальтона в Королевском колледже в Стрэнде, пара медных монет, набор принадлежностей для шитья и маленький ключик, должно быть, от секретера.

На платке же, вышитые зелеными нитками, значились инициалы «К.П.»

— Как странно, — покрутил Джонсон в руках пожелтевший платок.

Если сумка принадлежит мисс Розалин Харпер, то чьи же это инициалы? Либо вор решил посмеяться над ними, подсунув не относящуюся к делу вещь, либо...

Да-с! Мистер Джонсон почесал голову. Он не любил выглядеть дураком, но сейчас по-настоящему озадачился: во-первых, сам факт того, что Милашка прислал эти вещи, казался

невероятным (Джонсон не очень-то верил в благородство людей), а, во-вторых, этот платок с непонятными инициалами сбивал его с толку.

Следовало бы, наверное, показать обе вещицы Фальконе и Джеку, обсудить их появление и само их наличие, но Джонсон спешил отправиться в Брикстон, а этим двоим, родственничкам поневоле, и без того будет, чем заниматься: разбираться с намечающейся помолвкой.

Он хмыкнул...

— Я могу забрать эти вещи? — протянул руку Альфредо. — Их передали сэньору Фальконе.

Джонсон ему подмигнул: ему нравилось эпатировать чопорного слугу.

— Я сам передам эти вещи сэньору, можешь не беспокоиться.

— Но...

— И никаких «но». Просто иди заниматься своими делами... Что ты обычно там делаешь: серебро полируешь, или только свое разросшееся до небес самомнение? Так вот, продолжай в том же духе.

Сказав это, Томазо Джонсон сунул в карман и женский шатлен, и платок и вышел за дверь, позабыв даже позавтракать. Желудок сразу же заурчал, напоминая о его промахе, но возвращаться и доставлять этим удовольствие дворецкому под шесть футов ростом Джонсон не стал: высокие люди всегда до странного раздражающе на него действовали. И дело не в его собственном маленьком росте — пять футов, шесть дюймов — а в их высоко вздернутом носе. Для общения с ними приходилось задирать голову, а от этого затекали спина и шея, а дисконфорт раздражал.

Дом в Брикстоне оказался уютным коттеджем с большими эркерными окнами и садом, расцвеченным цветущими хризантемами. Мистер Джонсон тронул дверной молоток, оповещая живущих внутри о визите, и подготовил одну из дежурных улыбок. Не слишком приторных, но и не пресных — располагающих, как ему виделось.

— Чем могу быть полезна, сэр? — осведомилась открывшая дверь служанка.

— Любезная, я ищу свою родственницу, Корнелию Поттер, и насколько мне стало известно, она здесь работает. Так ли это?

— Э... да. Миссис Поттер прислуживает хозяйке.

— Как замечательно: значит, я отыскал ее, — восторженно выдал Джонсон и сразу же попросил: — Не могли бы вы позвать ее, милая? Наш разговор не займет много времени.

Служанка кивнула, однако, заметила:

— Только не обессудьте, сэр, но в дом я вас не пущу: мало ли.

— Как пожелаете, милая.

Дверь захлопнулась, Джонсон остался стоять на пороге, как брошенный кем-то щенок. Мерзкое ощущение. К счастью, дверь снова открылась и относительно быстро — Джонсон увидел уже не первой свежести женщину лет за сорок с настороженным выражением на лице. Кутаясь в теплую шаль, будто ей защищаясь, она осведомилась:

— Кто вы такой? У меня нет родственников ни в Англии, ни где-либо в мире.

— Томазо Джонсон к вашим услугам, сэньора, — поклонился он ей. — Частный сыщик, работающий по делу де Моранвиллей.

Миссис Поттер, едва это услышав, посерела лицом и запахнулась в шаль еще больше.

— Опять? — выдохнула она. — Сколько можно поминать это страшное происшествие? Я желаю забыть обо всем и спокойно жить дальше. Кто прислал вас?

Томазо Джонсон выдал заранее приготовленный ответ:

— Я работаю по настоящему желанию миледи Стаффорд, сеньора.

Женщина выдохнула и покосилась на дверь, заговорив тише.

— Я рассказала полиции все, что знала, сэр, добавить мне нечего. Пожалуйста, не терзайте меня этим снова! Скажите миледи... скажите, искать нужно ту гувернантку, мисс Харпер, а не тревожить покой непричастных к делу людей.

— Можете быть уверены, я передам ей ваши слова, — уверил Джонсон, — но для начала задам вам кое-какие вопросы. Позвольте?

— Я не могу отлучаться надолго, хозяйка может позвать меня в любую минуту.

— Тогда не станем тянуть, — кивнул Джонсон, — на допросе в полиции вы показали, что видели, как мисс Харпер, гувернантка маленького Анри, выходила посреди ночи из комнаты хозяина дома. Вы все еще подтверждаете эти слова?

— Боже мой, ну не здесь же. — Застенав, женщина распахнула дверь шире и пустила Джонсона в дом. — Поговорим в комнате экономки. Она не станет противиться.

Миссис Поттер повела его на половину для слуг и ввела в маленькую, чистую комнатку с вышитыми салфетками на кровати, столе и серванте с посудой.

— Присаживайтесь, прошу. — Кивнула она на стул и сама тоже присела. — Итак, что вы хотели узнать?

— Я спрашивал о мисс Харпер, вы уверены, что это она выходила из комнаты графа незадолго до случившейся в доме трагедии?

— Абсолютно уверена. Не узнать ее было бы сложно: цвет волос у нее необычный, а в тот момент они были распущены.

— Как повела себя мисс, когда поняла, что попалась вам на глаза?

— Она испугалась, ясное дело. А до этого... улыбалась...

— Вы уверены?

— Вы как будто во мне сомневаетесь, — возмутилась собеседница Джонсона. — Да, я уверена. И нет бы я относилась к мисс Харпер недобро, так нет: я не верила до последнего, что они с графом... любовники. Защищала ее перед слугами. И госпожой. А потом это встреча...

— Что сделала гувернантка, когда увидела вас?

— Попросила молчать, ясное дело. Мол, это выгодно нам обеим!

— Что это значило, миссис Поттер?

Женщина стиснула зубы.

— Не сразу, но я догадалась, что она предлагает мне деньги, — сказала она. — Мисс Харпер, должно быть, получала от графа подарки и предлагала ими со мной поделиться...

Джонсон мысленно хмыкнул, но только мысленно. Как интересно!

— И вы промолчали?

— Не из-за денег, ясное дело, — с оскорбленным видом ответила женщина, — просто-напросто не хотела делать больно хозяйке. Граф, в конце концов, не святой, мы все это знали. Но мисс Харпер... Она казалась всегда такой правильной. И собиралась выходить замуж...

— А не могло ли быть так, что вы неправильно поняли ее визит к графу? — поинтересовался Джонсон у собеседницы. — Скажем, она принесла ему чаю или...

— Сэр, она — гувернантка, не горничная, — не дала ему договорить миссис Поттер. — Чай графу мог принести кто угодно, но не она! Да еще посреди ночи с одним халатом и с

этими волосами... По-вашему, я совершенная идиотка? — возмутилась она. — Нет, сопоставив все факты, я поняла, что напрасно выгораживала мисс Харпер, защищая ее от наветов слуг. И перестала общаться с бесстыдницей!

Задав еще несколько разных вопросов по делу, но скорее для вида, так как вопрос с романом мисс Харпер с де Моранвиллем занимал Джонсона в первую очередь, он поднялся, чтобы уйти. Как раз постучали, сообщая, что миссис Поттер зовет господжа...

— Вы отыщите выход сами или мне кого-нибудь попросить проводить вас? — спросила женщина.

— Я запомнил дорогу, благодарю.

Довольная поскорей с ним расстаться, миссис Поттер кивнула и поспешила к лестнице на хозяйскую половину, а Джонсон направился по коридору к выходу. Задумавшись, он почти вскрикнул от неожиданности, когда цепкие руки схватили его за рукав и потянули за собой в темный угол... Там, в полумраке маленького чулана, на него с интересом глядели большие голубые глаза, как будто рассерженные.

С чего бы вдруг?

— Мисс, что-то случилось? — спросил он с улыбкой. — Вы меня так внезапно похитили...

— Тише. — Ему на губы легла маленькая ладошка.

По коридору за дверью кто-то прошел...

— Мисс, вы меня интригуете все больше и больше, — шепотом произнес Джонсон, не умея сдержать изгибающей губы улыбки. Ладошка к тому моменту не прикрывала уже его губы, а, сжавшись в кулак, висела вдоль стройного женского тела, одетого в строгое платье. — Что мы здесь делаем, в этом чулане? — обвел он помещение взглядом. — Скрываемся от кого-то? Или я вам понравился и...

— Да перестаньте уже нести чушь, умоляю, — невежливо, даже грубо одернула его девушка с голубыми глазами. — Все это не шутки, чтобы вы знали. — И очень серьезно спросила: — Вы, в самом деле, расследуете дело де Моранвиллей?

Он так опешил, что ответил без экивоков:

— Расследую. А вам с того что?

Девушка одарила его долгим, изучающим взглядом и совершенно ошеломила, признавшись:

— Я подслушивала под дверью ваш разговор с миссис Поттер. — У Джонсона как-то странно екнуло сердце. — Эта лживая гадина оговаривает сестру... Вы, надеюсь, ей не поверили?

Брови девицы сдвинулись на переносицу, и мужчина впервые на своей памяти утратил дар речи.

— Э... я как бы... Простите, сестру? Вы сказали, сестру?

— Беатрис Харпер, — представилась девушка, протянув ему руку и по-мужски поздоровавшись.

Антуан Томазо Джонсон непроизвольно сглотнул.

Эпизод двадцать пятый

— То есть вы родная сестра... — «главной подозреваемой» хотел было произнести Джонсон, но неожиданно не решился, — Розалин Харпер, гувернантки в доме де Моранвиллей?

Девушка, должно быть, его заминку заметила, так как воинственно кинула:

— Что же вы не сказали «убийцы», «бессовестной твари» или еще чего-то похуже? Газеты в эпитетах были разнообразны, как и люди, — заключила она.

В своем праведном гневе она выглядела настоящей воительницей, Матильдой Тосканской, и Джонсон опять же весьма неожиданно ей залюбовался.

— Я — джентльмен, мисс, — возмутился он искренне, мысленно одарив себя оплеухой. — А такие слова недостойны ушей юной леди, как вы.

Девушка возьми и скажи:

— Вы мало похожи на настоящего джентльмена, уж простите мне мою вольность. Вы, наверное, полицейский?

— Полицейский?! — Джонсон так оскорбился, что подавился своим возмущением. — Вовсе нет, Святая Мадонна! Я — частный сыщик. И потому сам себе господин!

Мисс Харпер, с радостью отметил мужчина, растерялась и в удивлении вскинула брови.

— Никогда ни о чем подобном не слышала, — призналась она. — К тому же вы иностранец.

— Одной половиной француз, другой итальянец, но вырос я в Англии, — поспешил для чего-то объяснить маленький детектив. — Томазо Антуан Джонсон, — представился он и поклонился, хотя в кладовке места было немного, и он едва не заехал мисс Харпер по носу. Но извиняться не стал, он ведь не джентльмен. Ха!

Девушка признала:

— Весьма необычно. Но все-таки не объясняет того, почему вы интересуетесь делом де Моранвиллей...

— Меня наняли разобраться в нем.

— Кто?

— Сначала скажите, что сами здесь делаете, — парировал сыщик.

— Разбираюсь в деле сестры. Как и вы.

Джонсона нелегко было вывести из себя, а удивить и того сложнее, но сейчас он по-настоящему удивился.

Эта рыжая расследует дело де Моранвиллей?

Смешно, право слово.

— Не понимаю, — произнес он.

— А еще частный сыщик. — Сложила на груди руки мисс Харпер. — Не понимает элементарного. Я наблюдаю за Корнелией Поттер, балда. Она знает больше, чем говорит!

Балда?! Ну это уж слишком. Что эта рыжая позволяет себе?

Томазо Антуан Джонсон приготовился гневно ее отчитать за незаслуженное в свой адрес ругательство, но сам удивился, когда спросил:

— Откуда вы знаете?

Девушка улыбнулась самодовольной улыбкой, но даже оно, это обычно Джонсона раздражавшее в ком-либо превосходство, не вызвало в нем отторжения. Только заставило

снова сглотнуть.

— От горничной де Моранвиллей, — ответила, между тем, собеседница. — Я совершенно случайно сошлась с ней в доме бывшего работодателя. Мы подружились, разговорились и... однажды она поделилась со мной своей тайной...

— Какой? — не выдержал Джонсон.

— Сначала скажите, кто ваш наниматель.

— Сеньор Гаспаро Фальконе. Довольны?

— Не знаю такого. — Девушка с задумчивым видом постучала по своим губам пальчиком. — Зачем вообще какому-то итальянцу расследовать дело сестры?

Теперь уже с самодовольной улыбкой глядел на нее Томазо Джонсон. Был рад отплатить той же монетой дерзкой девице...

— Может быть потому, что они знакомы с вашей сестрой?

— Знакомы с моей Розалин?

— И весьма близко. — Закивал Джонсон с явным намеком на неприличность.

Девушка вспыхнула, он ощутил жар ее щек так же явно, как если бы кто-то запалил в кладовой жаркий камин.

— Это неправда, вы лжете. Розалин никогда бы такого не сделала!

— Какого такого? — вкрадчиво осведомился мужчина.

— ТАКОГО! — топнула девушка ножкой. — Моя сестра — честная девушка, пусть вы... и подобные вам и думаете иначе.

— Подобные мне? Вы понятия не имеете, мисс, что я думаю, можете уж поверить. А мисс Харпер, ваша сестра, в услужении у сеньора Фальконе. Она его компаньонка, чтобы вы знали.

И снова девушка вспыхнула, но уже от негодования. Глаза ее сузились, кулаки стиснулись.

— Но вы ведь сами бессовестно намекали... — Не договорив, она зарычала. И Джонсон против всякого обыкновения вжался спиной в полки. — Зрррря я доверррилась вам. Убирррррайтесь отсюда! — Но тут же схватила его за рукав. — Нет, расскажите сначала, где Розалин, как она.

— Так мне уходить или остаться?

Беатрис Харпер не сразу, но отозвалась сквозь сжатые зубы:

— Оставайтесь... на пару минут.

— Маловато для серьезного разговора, а я вам, чтобы вы знали, ничего не скажу о сестре, пока вы не расскажите мне о словах горничной. Дашь на дашь, дорогая мисс Харпер!

Та одарила его таким взглядом, что впору было убить. Хорошо, что у Джонсона была толстая шкура, пришлось нарастить за годы работы...

— Дорогие у вас запонки на манжетах, — отозвалась она, — а я — мисс Беатрис Харпер и никак иначе.

— Учту на будущее.

— Уж будьте добры.

Обменявшись этими колкостями, они какое-то время молчали, а потом девушка первой заговорила.

— Люси, горничная де Моранвиллей, сказала, что миссис Поттер неспроста столкнулась с моей сестрой в коридоре... — Она замялась вдруг. — Ну когда... вы понимаете... когда...

Помогать ей совсем не хотелось, пусть помучается, но язык Джонсона опять же предал:

— ... Когда та выходила из спальни Мишеля де Моранвилля?

— Да. — Девушка опустила глаза. — Было поздно, как вы уже знаете, полагаю. Далеко за полночь. «Что, по-вашему, делала Поттер в такой поздний час в коридоре? — спросила у меня тогда Люси. И тут же сама и ответила: — С кавалером встречалась в хозяйском парке. Вот так».

— Поттер встречалась с мужчиной?

— Люси их видела. Она задержалась на кухне, заканчивая работу, а когда поднялась в свою комнату, выглянула в окно и как раз заметила Поттер с мужчиной. Они беседовали, стоя в тени у беседки.

Джонсон недоверчиво хмыкнул.

— И как эта Люси рассмотрела обоих? Уж не придумала ли она это все?

— Не придумала, — оскорбилась мисс Харпер. — Ночь тогда была лунной, а Люси не из тех, что фантазируют разное.

— Вы так в ней уверены?

— Я успела ее изучить за то время, что мы были знакомы. И потому верю ей.

Джонсон задумался: если камеристка встречалась с мужчиной, это наводило на определенные мысли. Уж не был ли этот мужчина сообщником Поттер? Если так... Он мотнул головой. Мотив все равно ускользал от него...

— Скажите, а вы говорили с сестрой о той ночи? — осведомился мужчина. — Она как-нибудь объяснила свое нахождение в комнате де Моранвилля?

— Она сказала, что Поттер ее оболгала, — нехотя призналась девица. И по ее лицу Джонсон понял, что она знала: сестра ей солгала.

— То есть сам факт своего пребывания в комнате чужого мужчины она не признала?

— Нет.

— И все-таки вы ей верите в остальном?

— Я верю, что Розалин не убийца! — в сердцах воскликнула девушка и тут же сжалась, поняв, что они как бы прячутся в этом чулане, а не ведут светские разговоры за чашечкой чая. — Она никогда бы не стала... Она не такая.

— Вы так же сказали о ее нравственных принципах и все-таки она ночью пробиралась к себе из комнаты джентльмена...

Девушка фыркнула.

— Я уверена, этому есть объяснение. И я его получу, когда встречу сестру... Итак, расскажите о ней. Она в добром здравии? Этот Фальконе не обижает ее?

— Разве она вам не пишет время от времени?

— Очень редко. И в основном всякие глупости. Опасается, что полиция может перехватить письма с целью ее отыскать.

— Очень похоже на вашу сестру, — хмыкнул Джонсон. — Более закрытого человека сложно найти.

— Так вы хорошо ее знаете? В самом деле?

Глаза девушки вспыхнули, и Джонсону это понравилось. Он ни много ни мало ощутил себя настоящим героем... С чего-то вдруг. Глупость какая!

— Только вчера вечером видел ее своими глазами, — признался он, выпучив грудь.

Это вышло непроизвольно. Он и не думал пыжиться, словно голубь...

— Вчера вечером?! — Голубые глаза распахнулись, освещая полутемное помещение. —

Как такое возможно? Вы ведь не хотите сказать... — начала она понимать, — что сестра... сейчас в Англии?

— В Лондоне, если быть совсем точным. Но вы правы: Розалин Харпер, ваша сестра, сейчас в Англии.

— Боже мой! — Беатрис стиснула руки. — Зачем она это сделала? — в панике спросила она. — Ей нельзя возвращаться. — И тут же: — Где она? Я хочу с ней увидеться. Боже мой, Розалин в Англии! Я и мечтать не могла... Это просто неверо... безумно. И так глупо! Не понимаю, зачем она это сделала?

Девушка заметалась в узком пространстве кладовки, вызывая у Джонсона приступ клаустрофобии, и он счел необходимым усмирить эту бурю: стиснул слегка ее плечи и замер, как будто держал в руках вазу, которую не понимал, куда опустить.

— Э... мисс Харпер... прошу вас... Я отведу вас к сестре, и она вам сама все расскажет, только... э... успокойтесь.

Девушка передернула плечиками высвобождаясь.

— Я совершенно спокойна, — заявила она, продолжая, однако, бурно и часто дышать. — И нет, я никуда не пойду, пока эта Поттер не расскажет всей правды. — Она оправила юбку. — Я давно за ней наблюдаю, надеялась подловить ее хоть на чем-то, но она хитрая, как лиса, и почти не выходит из дома. Вы, — она ожгла его взглядом, — обязаны вытянуть из нее правду. Уверена, что она причастна к смерти ребенка!

— Это сильное заявление.

— И отнюдь не голословное. Я несколько месяцев наблюдаю за Поттер и заявляю категорично: ее рыльце в пушку.

— Рыльце в пушку?

— Да бросьте, не притворяйтесь непонимающим, мистер Джонсон. Даже не будучи истинным англичанином вы все-таки выросли здесь! А значит, неплохо понимаете по-английски.

— Я преотлично понимаю не только английский, но еще итальянский, французский и даже немного испанский, — обиделся Джонстон. — И речь совсем о другом: как я должен по-вашему с ней говорить? С применением пыток?

— А вы можете? — Глаза девушки вспыхнули от восторга.

Джонсон, возведя очи горе, демонстративно вздохнул.

— Нет, не могу, я частный сыщик, а не какой-нибудь инквизитор.

— Но у вас ведь должны быть какие-то тайные штучки...

— Какие, к примеру?

— Вы мне скажите. — Они с раздражением поглядели друг другу в глаза, а потом мисс Харпер велела: — Возвращайтесь в комнату экономки, я позову туда миссис Поттер. Вы просто обязаны разговорить эту женщину и оправдать Розалин! Я на вас полагаюсь.

Сказав это, она выскочила за дверь — и была такова.

Вот ведь заноза! Джонсон одернул манжеты с красивыми (и, действительно, дорогими) запонками, а потом, воровато выглянув в коридор, поспешил назад к комнате экономки. Уже на подходе мелькнула трусливая мысль: может, сбежать? Девица явно немного того, напридумывала себе невесть что, а ему, Джонстону, выставляться cretino.

А вдруг рыжая все же права...

Толкнув дверь, Джонстон с мученическим выражением на лице вошел в комнату экономки (к счастью, пустую) и принялся ждать.

Эпизод двадцать шестой

Миссис Поттер вошла в комнату с недовольным выражением на лице. Бросила на стоявшего у окна частного сыщика уничижающий взгляд и раздраженно спросила:

— Разве я не на все ваши вопросы ответила, мистер Джонсон? Мне казалось, мы распрощались ко всеобщему удовлетворению чуть меньше часа назад. И вот вы опять в этой комнате...

Воспитание не позволяло миссис Поттер спросить напрямую: «Какого черта вы потеряли здесь, жалкий проныра?», а потому она выражала это глазами и интонацией голоса. Не словами.

— Боюсь, все это время я напрасно надеялся, что проснувшаяся в вас совесть даст знать о себе, но, похоже, напрасно. Что, должен признать, очень прискорбно... для вас.

Причина его возвращения к прошлому разговору была выдумана Джонсоном впопыхах, буквально за пару минут до появления женщины в комнате — рыжая, ясное дело, не подумала ни о чем, швыряя его, как слепого кутенка, в эту безумную авантюру. А ведь он был просто обязан казаться правдоподобным...

Попробуй, однако, в таких обстоятельствах.

— Н-не понимаю, о чем вы. — Голос женщины дрогнул лишь на долю секунды, такую краткую, что и заметить получилось с трудом.

И все-таки это придало Джонсону смелости.

— Вы понимаете, ясное дело, вы все понимаете, миссис Поттер, — произнес он очень уверенно, сверля женщину чуть снисходительным взглядом.

Она смело на него посмотрела: отваги ей было не занимать.

— Вы в чем-то меня обвиняете, мистер Джонсон? — осведомилась она. — Если так, то напрасно: к трагедии в доме де Моранвиллей я непричастна. И вообще рассказала в полиции все, что знала!

— Всё ли?

Блефовать Джонсон умел преотлично, но сейчас отчего-то нервничал больше обычного. Неужели из-за неплотно прикрытой двери, за которой, прижавшись к стене, подслушивала дерзкая рыжая?

— Уверена в этом, — ответила женщина очень спокойно.

Да уж, эта Поттер была крепким орешком и либо действительно говорила чистую правду, либо... умела лгать так, что и Джонсону поучиться не помешало бы. А это, надо признаться, ударяло по его самолюбию.

— Хорошо, тогда скажу прямо: я знаю о вашем ночном randevу в парке де Моранвиллей. Есть свидетель, который вас видел...

Он нарочно не отводил от собеседницы глаз и заметил, как дрогнула ее маска напускного (а он почти усомнился) спокойствия: уголки сжатых в плотную линию губ опустились, дернулось веко.

— Кто? — Она будто выстрелила вопросом сквозь плотно сжатые губы.

— Разве это так важно? — осведомился её собеседник. — Намного важнее, почему вы молчали об этом мужчине. Кто он?

— Я не могу вам сказать.

— Не хотите скорее, не так ли?

Женщина не отвечала, стиснув перед собой беспокойные руки, и Джонсон с опаской подумал, что не вытянет из нее больше ни слова: уж кто молчал целых три года — смолчит и сейчас. Но миссис Поттер его удивила...

— Это не моя тайна, — призналась она.

— Чья же тогда?

Было заметно, что в ней происходит внутренняя борьба.

— Моей бывшей хозяйки, миледи де Моранвилль.

А вот это уже становилось по-настоящему интересным, и Джонсон с огромным трудом удержал невозмутимое выражение лица. Он как-никак якобы знал много больше, чем говорил...

Ах, если бы, в самом деле, но ампула всевидящего и всезнающего оракула обязывало!

— Хотите сказать, этот мужчина, с которым вас так некстати заметили в парке, каким-то образом связан с вашей бывшей хозяйкой? — спросил Джонсон, но так небрежно, будто не верил словам говорившей.

Та ответила:

— Именно так.

И между ними повисла гнетущая тишина, в которой явственно слышался невысказанный детективом вопрос: «И кто же этот мужчина?», но отвечать Поттер не торопилась. А Джонсон ее не торопил: знал, что подчас тишина — лучший катализатор для откровенности.

Так и вышло: тяжело выдохнув, женщина снова заговорила.

— Этот мужчина, любовник миледи, иногда пробирался в наш парк, и они обменивались посланиями через меня.

Только особая выдержка позволила Джонсону не присвистнуть от удивления.

— Значит, ваша хозяйка изменяла супругу? С кем же? Знаете его имя?

— Она была очень сдержанна в отношении этого человека, — призналась Поттер, глядя поверх плеча собеседника, — и мало о нем говорила со мной. Лишь однажды я услышала имя: Коннор. Вот и все, что мне известно!

— Коннор, — повторил Джонсон. — Необычное имя.

— Шотландское. Полагаю, они познакомились в Абердине, когда хозяйка гостила там у своей двоюродной тетки.

— Вы полагаете или уверены точно? Вряд ли вы можете сомневаться, ведь хозяйка настолько была в вас уверена, что доверила свою переписку с любовником.

Миссис Поттер, казалось, подпаляли пятки огнем, так неохотно, по крохам выцеживала она из себя правду. Будто под пыткой.

— Они познакомились в Абердине, — уверенно подтвердила она. — Но знакомство не было новым: они, как выяснилось потом, знали друг друга давно. Еще с детства. Я думаю даже... — она замолчала, как бы не решаясь продолжить.

— Что вы думаете? Смелее, — подбодрил ее собеседник.

— Что Анри... не был ребенком Мишеля де Моранвилля, — с трудом протолкнула слова собеседница Джонсона и как-то враз сдулась.

В коридоре как будто сдавленно охнули, но Джонсон надеялся, что хлюпающая носом миссис Поттер этого не услышала. Он и сам внутренне охнул — себе-то он мог в этом признаться — но вида, насколько он поражен такими словами, не показал.

— Графиня понесла от любовника?

— Полагаю, что да. Её всю дорогу тошнило в карете. Мы ехали в два раза дольше

обычного, так как ее выворачивало в кусты каждые несколько миль...

Это было настолько феноменальным открытием, что у Джонсона от восторга стянуло затылок. Будто кто-то связал невидимые тесемки...

И торопливо осведомился:

— Как полагаете, де Моранвилль знал об измене жены?

Миссис Поттер, должно быть, смирившись, с необходимостью говорить правду, сказала:

— Не думаю. Вряд ли он стал бы с такой подкупающей нежностью любить чужого ребенка, а граф души в сыне не чаял.

Джонсон кивнул, признавая ее правоту: все отмечали особенное отношение де Моранвилля к ребенку.

— Но этот любовник, неужели графиня все годы тайно имела с ним отношения?

Женщина отрицательно дернула головой.

— После того, как родился Анри, графиня больше не виделась с тем человеком. Не знаю, что было причиной, но они свиделись снова примерно за год до трагедии...

Томазо Джонсон сопоставил известные факты.

— Именно после того она перестала подпускать супруга к себе...

— Да, с того времени она стала сама не своя. Кажется, делала все, чтобы муж возненавидел ее... Закапывала в саду важные для него вещи. Вела себя вызывающе.

— Зачем она это делала? — недоумевая, спросил Джонстон. — Разве не было бы разумней, имея любовную связь на стороне, усыпить внимание мужа мнимой покорностью и заботой?

Миссис Поттер оправила юбку.

— Возможно, она в самом деле лишилась рассудка, как знать, — сказала она. — Тайный грех затмевает рассудок... Мы делаемся не способны мыслить здраво.

— Вы, действительно, верите в это?

— Отчего нет? Иного объяснения у меня нет. Хозяйка, действительно, доводила супруга своими немыслимыми для здорового человека поступками. Но он терпел до последнего...

Сказано это было с какой-то особенной интонацией, и Джонсон насторожился: он нутром уловил тайный смысл, заключенный в словах.

— Вы о том, что он в конце концов тоже завел любовницу? — спросил он. — Мисс Харпер, гувернантку Анри.

В коридоре опять что-то то ли охнуло, то ли стукнуло — Джонсону доставляло особое удовольствие представлять, как неистовствует за дверью рыжая девушка.

Его собеседница же, будто не сразу поняв, о чем идет речь, с недоумением на него поглядела, и только секундой спустя вдруг выдохнула:

— Ах да, эта девица, как мне видится, решила воспользоваться моментом и прибрать к рукам графа. Он был взвинчен постоянными ссорами в доме, и она приласкала его...

В коридоре так громыхнуло, что казалось, служанка опрокинула поднос с грязными чашками. Миссис Поттер с тревогой глянула в сторону двери и прижала руку к груди...

— Мне пора, мистер Джонсон. Теперь я действительно все рассказала!

Но Джонсон, в ушах которого все еще громыхал опрокинутый в коридоре поднос — младшая Харпер неистово негодовала! — сунул руку в карман и поспешно спросил:

— Так по-вашему именно Харпер, а не любовник миледи де Моранвилль виновен в трагической смерти ребенка? Быть может, узнав, что ребенок его, он вознамерился его выкрасить и...

— ... При этом убил? Совершенно абсурдно, вы не находите?

— Всяко бывает.

Задумавшись, Джонстон пошарил в кармане, вроде как что-то ища, а потом, вынув руку, почесал голову. И не сразу заметил, как вытянулось лицо миссис Поттер, глядевший ему под ноги... Он проследил ее взгляд: под ногой у него, выпавший из кармана, лежал платок с инициалами «К.П.»

«К.П.»?

Как Поттер?

Томазо Антуан Джонсон распахнул большие глаза. Он и подумать не мог, что в целом способен так удивляться, но вот сподобился...

— Как ваше имя, милейшая? — произнес он.

И женщина вздрогнула, как от удара.

— К-корнелия, сэр.

Джонсон хлопнул себя по коленке и припечатал со вкусом:

— *Porga miseria*, да вы та еще штучка не так ли, *anima mia!* (Душа моя) — И подняв платок, продемонстрировал ей вышитые инициалы. — «К.П.», как Корнелия Поттер. Знаете, где я нашел этот платок? — Стиснув зубы, бывшая камеристка миледи де Моранвилль глядела на вышитые голубым буквы, и молчала. — У одного вора, промышлявшего прежде у Сент-Джеймского парка, — просветил ее все же мужчина. — Слышали о таком?

Губы женщины дрогнули, а в глазах заблестели близкие слезы.

Эпизод двадцать седьмой

— Плачь не плачь, голубушка вы моя, а ответить все же придется, — фамиллярно произнес Джонсон развеселившись.

«Вот ведь хитрая бестия, — думал он, — дважды обвела меня вокруг пальца. Теряю сноровку, однако!» Впрочем, свою неудачу он списывал скорее на «проклятую» британскую сдержанность и науку скрывать ото всех свои чувства. Кому-то, как той же Корнелии Поттер, эта наука давалось особенно хорошо, и Джонсон опростоволосился, как полный cretino! Больше такого не повторится, поклялся себе частный сыщик, сменив веселость на колкий, проникающий до нутра взгляд, устремленный на женщину.

Слезам, закипавшим у нее на глазах, миссис Поттер пролиться все-таки не позволила: усилием воли выжгла их в самом зародыше и теперь просто буравила взглядом окно, будто надеялась упорхнуть в него, словно птица.

Это она напрасно: летать людям, увы, не дано, да ей конкретно Джонсон и позволил бы. Удержал любым способом! Уж он-то умеет вцепляться как клещ, когда ему это нужно.

А сейчас ему нужно, как никогда...

Ведь за дверью слушает рыжая.

— Итак, все, что вы мне рассказали до этого, было ложью? — спросил он серьезно. — Миледи не родила мальчика от любовника, а встречались вы в парке с сообщником, помогавшим вам, повернуть дело с похищением мальчика. Отвечайте! — повысил он голос, и женщина вздрогнула. — Почему вы убили Анри де Моранвилля? Я хочу знать мотив.

У женщины снова задрожала губа, когда она, все так же глядя в окно, отозвалась:

— Я понятия не имею, что случилось с ребенком: его я не трогала, правда.

— Ха, хотите, чтобы я вам поверил, выкладываете всю правду с начала и до конца. Я устал от вашего бессовестного вранья!

Поттер впервые с появления изобличительного платка на него посмотрела, и в глазах ее он увидел плескавшееся отчаяние. Неужели железная леди дала слабину?

Он решил надавить для надежности:

— Я знаю, что это вы были той женщиной, что заплатила Милашке за то, чтобы он украл кошелек у мисс Харпер. И кэбмену, что отвез ее вместо Стрэнда в Вестминстер, скорее всего тоже вы приплатили... — Он дал ей секунду осмыслить услышанное и продолжал: — На встрече в парке на вас была шляпка с вуалью, и вор принял вас за благородную леди, но вы, должно быть, разжились ей в гардеробе вашей хозяйки, не так ли, миссис Поттер, ведь благородства в вас ни на грош? Ни фамильного, ни врожденного.

Слезинка все-таки покатила у женщины по щеке, но вряд ли то были слезы раскаяния — скорее скупая слеза оскорбленного самолюбия.

— Да, вы правы, то была я, — смахнув слезу, очень жестко подтвердила вдруг собеседница. — Вуалетку я одолжила у миледи де Моранвилль, у неё их было так много, что она вряд ли заметила бы, что одна временно пропадала. И вы ошибаетесь: любовник у этой блудницы все-таки был. Тот самый шотландец, о котором я говорила! И ребенка она родила от него. Даже однажды привела его в дом, чтобы с Анри познакомить... Представьте себе! Выдавала его за учителя музыки, а хозяин, вернувшись и будто почувствовав что-то, погнал его прочь. Графиня так взбеленилась, что кричала, как уличная торговка, называла супруга ничтожеством и скотиной... Мол, от одного его вида ее тошнит, как от запаха сточной

канавы. Он тогда залепил ей пощечину — мы все это видели — и, затащив в библиотеку... — Лицо ее дернулось, как при тике. — В общем, я его не оправдываю, но графиня сама напросилась! В конце концов, граф — её муж и имеет полное право требовать от жены исполнения долга.

— Граф взял ее силой? — напрямую осведомился Джонсон.

— А иначе она не далась бы, — вскинулась собеседница. — Расцарапала графу лицо и кричала, что заберет мальчика и уйдет.

— Графиня хотела уйти?

Женщина холодно усмехнулась.

— Скажем так, позволяла себе помечтать. Даже время от времени наезжала к нотариусу на Флит-стрит и вела с ним какие-то разговоры. Меня она в них не посвящала, — предупредила она вопрос собеседника этой фразой. — Развод, понимаете сами, ей никто бы не дал.

— Почему? — искренне удивился мужчина и заслужил презрительный взгляд.

— Потому что это позор. Граф никогда не пошел бы на это!

— Так он знал или нет об измене жены?

— Полагаю, что знал. Эта блудница сама ему и сказала, лишь бы вывести из себя!

— И все-таки граф продолжал хорошо относиться к ребенку?

— Это был его сын! — Сверкнула глазами рассказчица. — Граф растил его и любил, как родного. Чужая кровь не могла изменить его отношения к мальчику! Вы глупец, если думаете иначе.

Страстность, с которой миссис Поттер говорила о графе, наводила на определенные мысли, и Джонсон не мог пропустить это мимо ушей.

— Вы так живо защищаете графа, мадам, что кажется будто у вас к нему было чувство...

— Что, если и так? — с вызовом кинула женщина. — Граф красивый мужчина, к тому же...

— ... Богатый? — подсказал Джонсон. — Вы потому невзлюбили мисс Харпер, что он положил глаз на нее — не на вас?

Женщина фыркнула.

— Чтобы вы знали, сэр, — презрительно процедила она, — гувернантка, как женщина, даже не привлекала его. Де Моранвилль лишь хотел, чтобы эта девчонка не упускала его сына из вида...

— Боялся угрозы жены?

— Что она его заберет и уедет? Возможно.

— Но ведь не с этой же целью он звал гувернантку ночью к себе? — Джонсон вскинул вопросительно бровь.

Миссис Поттер скривилась как от лимона.

— Он думал, что если очарует её...

— Соблазнит, — поправил мужчина.

— ... Что если он соблазнит гувернантку, — без возражений приняла поправку рассказчица, — она станет его верной союзницей.

— Но соблазнить не получилось, — констатировал очевидное Джонсон. — Кстати, откуда вы это знаете? — И тут же прищурил глаза: — Хотя постойте, я, кажется догадался: не соблазнив гувернантку (в чем, как я полагаю, вы ему помогали), он решил действовать по-другому и отправил вас сделать все, чтобы в тот самый вечер мисс Харпер оказалась

подальше от дома. Я прав? — Миссис Поттер кивнула. — Но тогда возникают вопросы: почему вы вообще помогали де Моранвиллю (только ли из любви?) и что он собирался сделать с ребенком?

— Граф ничего бы не сделал ребенку, — живо откликнулась женщина, но Джонсон уловил истеричную нотку в ее пресекавшемся неожиданно голосе. Казалось, она убеждала себя самое в том, что мужчина, которому помогала, действительно не убийца. — Он Анри обожал.

— Но что же тогда случилось тем вечером?

— Я не знаю. Я всего лишь должна была удалить Харпер из дома, а потом вывести мальчика в сад, где его ждал отец. Так я и сделала...

Джонсон строго осведомился:

— Что де Моранвилль собирался сделать с ребенком?

— Увезти его на какое-то время, спрятать.

— Для чего?

— Чтобы заставить графиню прекратить его изводить? Чтобы дать показать, кто из них главный в семье? Чтобы она даже думать не думала о побеге? Не знаю. Мы не были настолько близки, чтобы обсуждать его побуждения. Я просто делала свое дело!

— И не думали о последствиях?

— Последствий не должно было быть! — возмутилась собеседница Джонсона. — Мальчик просто пожил бы за городом в доме каких-то людей, с которыми граф договорился заранее. Разве могла я подумать, что...

— То есть вы передали графу ребенка и вернулись в дом, даже не подозревая о том, что случилось с ним после этого?

— Я и представить такого себе не могла.

— Но утром вы первая подняли переполох, не найдя мальчика в его комнате. Мисс Харпер сказала, вы разбудили ее рано утром и выглядели очень обеспокоенной...

Женщина стиснула руки до побелевших костяшек.

— Ночью, уже будучи в своей комнате, я как будто услышала что-то в саду: вскрик или, может, кричала какая-то птица — я встревожилась. Утром же, войдя в хозяйскую спальню, я заметила, что у миледи запеклась кровь в волосах и спит она в пеньюаре. Я тотчас запаниковала...

— И отправились искать мальчика, а не графа?

— Графа не было в его комнате, и я решила, что он еще не вернулся.

— И все равно отправились искать мальчика, уехавшего, как вы полагали с отцом...

Миссис Поттер всплеснула руками и закрыла ими лицо.

— Что вы хотите от меня, сэр?! Я испугалась. Находилась в полнейшем ошеломлении...

— Будто предчувствовали беду?

— Да.

— И предчувствие не обмануло вас: беда вскоре грянула. Вы ведь спросили у графа, что случилось в ту ночь? Что он ответил?

— Спросила, — едва слышно откликнулась Поттер. — Но он, приказав мне молчать, сказал, что обо всем позаботится. Мол, главное, я должна оговорить гувернантку, рассказав, как застала ее выходящей из его комнаты...

— Кстати, как вообще это вышло?

— Я сказала тогда, что Анри приснился кошмар, он проснулся в слезах, и отец отвел его

в свою комнату. Мол, Розалин должна пойти к графу и забрать подопечного...

— Понимаю. — Джонсон потер переносицу, ощущая, как от всей этой истории, у него начинает болеть голова. — Тогда объясните вот еще что: тот мужчина в саду, который, как вы мне сказали, был любовником вашей хозяйки, это действительно был шотландец?

Женщина выглядела ужасно: посеревшая, сломленная, будто утратившая все краски, она уже без всяких эмоций глядела на Джонсона.

И ответила так же бесцветно:

— Я неудачно поставила в скачках и проиграла немалую сумму, которую не могла сразу отдать. Букмекер, которому я задолжала, периодически посылал по мою душу подручных, подкарауливавших меня около дома... За разговором с этими личностями меня и застал как-то граф, подъехавший к дому. Мне пришлось рассказать ему правду...

— ... И с тех пор вы сделали его соучастницей. Страшась позорной огласки, выполняли все его поручения! И потом, когда осознали самое страшное, все равно продолжали молчать.

— Я испугалась, — произнесла Поттер печально, — особенно после того, как узнала, что случилось с тем вором. Граф сказал: тот больше не сможет заговорить, так как он о нем позаботился...

Джонсон хмыкнул.

— Милашку, действительно, сильно избили, но он все-таки выжил и даже передал мне шатлен мисс Харпер и... ваш платок.

Мисс Поттер кивнула.

— Я думала, что потеряла его где-то в парке в нашу с ним первую встречу, но вор, должно быть, либо вытащил этот платок у меня из кармана, либо действительно поднял с земли и оставил себе. А человек в графском саду, как вы теперь понимаете, был посыльным букмекера: я передала деньги, которые задолжала.

— Вы должны рассказать обо всем этом в полиции, миссис Поттер. — Джонсон поднялся и покрутил в руках шляпу. — Боюсь, другого выбора у вас нет. — Она кивнула. — И как бы вы ни защищали графа де Моранвилля, по-моему, более, чем очевидно, что он причастен к убийству маленького Анри. Кстати об этом, — он остановился в дверях, — прошлым вечером граф покончил с собой в своем доме. Вам больше не нужно бояться его!

Женщина ахнула, прикрыв рот руками, и последним, что видел сыщик, закрывая за собой дверь, это ее наполненные слезами глаза и перекошенный в ужасе рот.

Он надеялся, что уже никогда не пересечется с Корнелией Поттер, а самой женщине хватит смелости рассказать в полиции правду. В конце концов, именно этого они с Фальконе и добивались...

Эпизод двадцать восьмой

Джеку казалось, что ему снится сон, причем при всех своих видимых плюсах не самый приятный: он сидел в доме на Гросвенор-сквер, окруженный дорогими вещами, вроде картин на стенах, которые старый граф с первого взгляда нашел восхитительными, а ощущал себя совершенно несчастным.

И подавленным.

Мудрено ли сделаться и подавленным, и несчастным под тем неприязненным взглядом, которым одаривал его время от времени будущий тесть?

Да от такого не только молоко в крынке скиснет, но и сердце способно остановиться.

Оно и так билось неровно, с перебоями весь прошлый вечер, начиная со светского раута в доме Стаффордов и заканчивая беседой с Фальконе.

Эта беседа нет-нет да всплывала в голове обрывками фраз, взглядами, взбаламученными эмоциями, перед ней, как ни странно, померкло само безрассудство Аманды, явившейся к нему в комнату и спровоцировавшей его на ответную слабость.

Если бы он не поддался ее ищущим пальцам, губам и несчастному взгляду — было бы все по-другому сейчас? Пришлось бы ему все равно сидеть в кабинете мистера Риверстоуна, изображая вежливый интерес к его деловой беседе в Фальконе, когда его продавали, как племенного быка?

Бумаги из кожаного портфеля Гаспаро Фальконе одна за другой ложились на стол, подтверждая его якобы родовитость и обеспеченность. Вернее, родовитость и обеспеченность некоего Джино Фальконе, с которым он, будем честны, не имел ничего общего. Но все-таки делал вид, что имел...

И это было неприятней всего.

«Наследство Фальконе — не деньги, Джек, это возможности, много возможностей переменить природу вещей, которые угнетают тебя. Так измени их! Докажи этим снобам с Мэйфера, что человек способен меняться, что, даже поднявшись из самых низов, можно сделаться тем, с кем даже им придется считаться».

Джек до сих пор не верил в происходящее.

Уверившись враз, что Фальконе преследует лишь свою корыстную цель (раскрыть дело де Моранвиллей во имя своей эпистолярной любви с миледи Стаффорд), он с трудом мог поверить, что старый граф и вот это продумал заранее.

Он окинул кабинет быстрым взглядом и, зацепившись глазами за тот самый портфель с документами, теперь почти опустевший, припомнил, что видел точно такой в кабинете Фальконе еще до отъезда из Стрезы. Значит, он тогда уже знал, что поступит вот так: признает его полноправным наследником, а не отправит, как говорил, восвояси, сказав всему миру, что внук бросил его.

Это просто в голове не укладывалось!

Казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой.

И Джек, честно признаться, так и не понял еще, как относиться к свалившимся, будто снег на голову, «возможностям». Даже думать о наследстве Фальконе, как именно о деньгах, казалось ему крайне пошлым и низким.

Возможности.

Граф знал, чем апеллировать к его разуму!

Джек прикрыл на мгновение глаза и тут же испуганно распахнул, вспомнив, что наследнику графа не пристало выказывать слабости, эмоции вообще. Чертов, сводящий с ума этикет!

Джек знал, что теперь еще больше возненавидит его, когда будет вынужден изо дня в день ему подчиняться...

Не потому ли бунтовала Аманда, стесненная его рамками с самого детства?

Не потому ли выбрала Джека, что он, в отличие от других представителей ее класса, поступал, как хотел, и эта свобода ей нравилась?

Привлекала ее, как привлекает глупого мотылька пламя свечи...

Вдруг теперь, когда он станет настоящим Фальконе, то есть одним из ее окружения... она разочаруется в нем...

Захотелось вскочить и пройтись размять ноги, расслабить спину, оттянуть шейный платок, впивавшийся в шею. Теперь, когда он, казалось, обязан был целую жизнь вести себя идеально, не допуская слабину хотя бы в одежде, все преимущества его положения стали казаться проклятием.

И сюртук слишком тесен...

И ботинки трут.

Но хуже всего этот шейный платок...

Он сунул палец между ним и зудящей от раздражения кожей, и именно в этот момент мистер Риверстоун-Блэки посмотрел на него.

Ну конечно, только и ждал, когда Джек выставит себя деревенщиной!

— Искренне рад, что мы разобрались с формальностями, друг мой. — Жизнерадостный голос Фальконе отвлек внимание Риверстоуна от Джека. Тот поморщился от этого «друг мой», будто лимон проглотил, причем целиком и со шкуркой, а потом молча кивнул. — Теперь можем с радостью объявить нашим влюбленным, что помолвка состоится в ближайшее время! Мы будем рады устроить все в нашем доме. Уверен, что дорогая Аманда не будет иметь ничего против!

«Дорогая Аманда» опять вызвала у Риверстоуна нервный тик на обоих глазах, но он только кивнул:

— Как вам будет угодно, сеньор. — И пожал руки старому графу и его внуку.

Джеку, к слову, он протянул руку не сразу, его секундное колебание не укрылось от их с графом глаз. В душе холодком растеклось тягучее неприятие — опустить руку и стиснуть в кулак — но Джек не позволил себе этой ребяческой слабости и стойко дождался, пока холодные, холеные пальцы торопливо стиснут его.

Будто змея скользнула по коже...

За дверью с напряженным выражением на лице их дожидалась Аманда. В светлом платье в мелкий цветочек и с кружевными оборками она казалась по-детски трогательной и юной, хотя была старше Джека на год, и он испытал прилив нежности: она все-таки здесь.

А чего он, собственно, ожидал?

— Поздравляем, моя дорогая, ваша помолвка с моим славным Джино — дело решенное, — не стал ее долго мучить Фальконе и, подойдя, расцеловал девушку в щеки в своей привычной итальянской манере.

Аманда вспыхнула, глядя при этом на Джека. И подалась к нему было, но мать удержала ее, взяв под руку...

— Не забывай: вы еще не помолвлены, а тем более не женаты, — недовольно сказала

она. И добавила: — Я настаиваю на годовом сроке помолвки. Так будет правильное всего!

— Год?! — воскликнула девушка, высвобождаясь от руки матери. — Вы нарочно это придумали, чтобы меня изводить? Мы не станем ждать год.

Щеки женщины вспыхнули алыми пятнами, губы поджались.

— Аманда Летисия Блэкни-Уорд, — строго одернула она дочь, — ты ведешь себя вызывающе. Что о тебе подумают люди? К тому же не забывай: ты вдова.

— Вот именно: мне вообще ни к чему испрашивать вашего одобрения на повторный брак. А срок траура миновал! — Она все-таки исхитрилась схватить Джека за руку, чем окончательно добила родителей. Даже помолвленным не позволялось, и она это знала, прикасаться друг к другу, а тем более столь вызывающим образом. — Два месяца, — категорично заявила она.

Мать ахнула, округлив большие глаза.

— Десять месяцев и ни днем меньше.

— Три месяца, мама.

— Восемь.

— Четыре.

— Полгода, и это мое окончательное решение.

Аманда неожиданно улыбнулась: Джек понял, что она получила даже больше, чем полагала.

— Полгода нам с Джеком подходит, — сказала она и стиснула его пальцы.

— Перестань вести себя непристойно! — одернула ее мать, глядя с презрением на их сцепленные руки.

Аманда послушалась и отступила на шаг, не переставая, однако, светиться довольной улыбкой.

— С публичным оглашением пока повременим, — произнес Риверстоун. — Как знать, вдруг помолвка расстроится.

— Не расстроится, папа. Мы с Джеком любим друг друга!

Ее отец снова скривился при этих словах. Говорить вслух о любви — какой моветон!

— И все-таки повременим, — сказал он.

Аманда не сдержалась от шпильки:

— Как пожелаете, но я бы не очень на это рассчитывала. Джек ни за что не сбежит от меня!

— Как знать, дорогая, — приторно улыбнулся отец, — когда женщина слишком много берет на себя, мужчине такое вряд ли понравится. Тебе стоит знать свое место!

— Оно рядом с Джеком, отец. — Она опять подошла и взяла Джека под руку. — Спасибо, что благословили нас!

Джек, выйдя из дома, вдохнул полной грудью: атмосфера внутри накалилась так сильно, что дышать раскаленным до красна воздухом сделалось трудно. Вот он и старался дышать через раз...

Даже в груди закололо.

Или колело от чего-то другого?

Он потер грудь, погруженный в тяжелые мысли, переживания этого утра, и вздрогнул при звуках жизнерадостного голоса графа:

— Мы переломили спину атланту, Джек, и заслуживаем это отпраздновать. Поедем-ка отобедать в какой-нибудь вычурный клуб, где подают говядину «Веллингтон» и пудинг со

взбитыми сливками. Только не в «Уайт», — поспешно предостерег он, — тамошние завсегдатаи только и делают, что спорят по-всякому поводу. Слышал, какой-то мужчина свалился без чувств на пороге этого клуба, так его внесли внутрь и принялись делать ставки, жив этот бедняга или мертв. Да так и спорили до тех самых пор, пока тот к вящему удовлетворению, ставивших на второе, не испустил дух. — Старик покачал головой. — Эти дурни и в день Суда Божьего начнут ставить за или против божьих фанфар в противовес фанфарам кукольного театра. Убогие люди, упаси Господь их грешные души!

Выдав эту тираду, Фальконе, разместившись в карете, велел ехать на Брук-стрит, шестьдесят девять.

— «Сэвил-клуб» только недавно открылся. Уверен, нам там понравится!

Джек, которому было без разницы, куда отправляться, лишь бы уехать скорее от Риверстоунов, без возражений позволил себя увезти и увлечь ничего не значащим разговором о преимуществах центрального отопления перед привычными англичанам каминами.

Эпизод двадцать девятый

В клубе, в который они с дедом приехали, было два обеденных зала, и у них с самым серьезным видом осведомились, в каком из двух они хотят отобедать. Но так как они оказались в «Сэвил-клубе» впервые, то вряд ли могли выбирать, да и в принципе Джеку казалось позерством обращать на такую мелочь, как стены в обеденном зале внимание, но... Управляющий на вопрос графа, который из двух он бы им посоветовал, с самым серьезным выражением на лице произнес:

— «Зал Идена» в это время дня невероятно уютен.

Таким образом их ввели в залу с горчичного цвета стенами, с деревянными панелями и большими портретами мрачного вида мужчин, облаченных во все черное. Даже скупно пробивавшийся сквозь неплотно задернутые портьеры дневной свет, не мог рассеять гнетущего впечатления, вызванного для Джека сим помещением. Уютного здесь, по его ощущениям, не было ничего.

Но граф, источая все то же неиссякаемое довольство, с оптимизмом заметил, едва управляющий удалился:

— Полагаю, что в «Зале Гаскойна-Сесила» нам и вовсе бы не понравилось.

— Неужели больше, чем здесь? — не удержался Джек от сарказма. — Это место меня угнетает. Будто все эти личности в черном, — он мельком поглядел на портреты, — осуждают меня за присутствие здесь. Я оскорбляю их одним своим видом!

Гаспаро Фальконе снисходительно улыбнулся.

— У тебя богатое воображение, Джино, мой мальчик. Эти странные господа давно умерли и понятия не имеют, кто ты такой. Так что расслабься и получай удовольствие от еды!

Сам он именно так и сделал: заказал говядину «Веллингтон», хотя пирог с дичью и жареные фазаны показались ему одинаково привлекательными, и бутылку вина. Джек, опасаясь сделать что-то не то, заказал то же самое... И, пока они дожидались заказ, на этот раз обсуждая омнибусы, как таковые, к их столику неожиданно подошел молодой человек из-за соседнего столика.

— Прошу извинить, господа, что прерываю ваш увлекательный разговор, но, — он посмотрел на Фальконе, чуть сузив глаза, — мы не встречались с вами на скачках в Аскоте этим летом? Ваше лицо кажется мне знакомым.

Граф улыбнулся.

— Уверен, что нет: я только на днях прибыл в Англию и не имел чести посетить скачки.

Фальконе весьма хорошо говорил по-английски, но молодой человек все равно уловил иностранный акцент в его речи и неожиданно расплылся в широкой улыбке.

— Так вы иностранец?! — отреагировал он чрезмерно восторженно для британца. — Фальконе молча склонил голову. — Позвольте, угадаю акцент! Скажите что-нибудь, ну.

Восторженный, как щенок, он глядел на графа большими, ожидающими глазами. Джеку стало обидно за графа: он в конце концов не карманная обезьянка, чтобы тешить не в меру экзальтированных богатеньких отпрысков благородных семей.

Но сам Фальконе оскорбленным не выглядел — он улыбался.

— Присаживайтесь, мой друг, — произнес он, указывая на свободный стул рядом с собой. — Так будет намного удобней общаться.

— Благодарю, — откликнулся молодой человек и охотно присел между Джеком и графом, не отрывая, однако, глаз от последнего. Так и ловил каждое слово! — Будьте добры, скажите что-то еще, я не совсем разобрал ваш акцент. Но я почти... почти догадался... — добавил он при этом.

— Вы оставили вашего друга совсем одного, — послушно молвил Фальконе. — Он, должно быть, там заскучал. Не хотите позвать его к нам?

Джек подумал, что увлеченный самим звучанием слов, странный малый не разберет смысла услышанного.

Ан-нет, разобрал...

— Кэмпбелл-то? — Вскинул он бровь. — Нет, он понятливый. — Но рукой все же махнул: — Эй, приятель, поди-ка сюда и помоги мне разобраться с этой задачкой!

Тот, кого кликнули Кэмпбеллом, нехотя встал и, явно смущенный, подошел к их столу. Джек отметил, что лицо у него крайне располагающее, а манеры, не в пример некоторым, достойные.

Он покосился на незнакомца.

— Коннор Кэмпбелл, — представился тот, вежливо склонив голову. Джек с графом тоже назвали. — А этот невоспитанный молодой человек...

— Да брось ты, — отмахнулся от его слов приятель, — я пытаюсь понять, откуда прибыл наш гость. — И спохватился: — Так я не представился? — Он протянул графу руку: — Лорд Юманс. Простите, слишком увлекся! Мой дядя вечно твердит, что иностранцем быть неприлично, но я, видит бог, ничего неприличного в вашем акценте не вижу.

Граф, явно очарованный чудаковатым молодым лордом, искренне отозвался:

— Благодарю, лорд Юманс, мне очень приятно слышать об этом.

— Вот, — воскликнул вдруг тот, — я догадался: вы испанский идальго. Я прав?

— Не совсем.

Молодой джентльмен спал с лица, явно расстроившись своей неудаче.

— Ну вот, я — полный болван.

— Вовсе нет. — Приятель, еще не успевший присесть, положил ему на плечо руку. — Просто попробуй догадаться по фамилии графа... Так будет много подручей.

Молодой Юманс снова вспыхнул улыбкой, не замечая, как Кэмпбелл чуть виновато глянул на графа, как бы прося прощения за эту маленькую неловкость. Тот также взглядом сказал, что обижаться не собирается.

— Ну, конечно, вы ведь представились, как...

— ... Фальконе, — подсказал граф.

— То есть вы...

— ... Итальянец, — снова охотно подсказал граф.

И им, наконец, принесли заказанную еду. Лорд Юманс с приятелем удалились было к себе, но молодой человек так часто вставал и возвращался к их столику по поводу и без, что граф смилостивился над ним и предложил отобедать всем вчетвером, что было принято крайне восторженно.

Джек начал догадываться, что перманентный восторг — привычное состояние лорда Юманса... Что, впрочем, и подтвердилось дальнейшим общением.

— Все никак не могу понять, почему сразу не догадался о вашем акценте, — снова и снова возвращался он к первоначальной теме знакомства. — Это ведь так очевидно, что вы итальянец.

— В самом деле?

— Вы похожи на итальянца.

— И чем же, позвольте узнать?

— Ну, — молодой человек на секунду смутился, — просто похожи... Фамилия у вас итальянская! — воскликнул он так, будто этим все объяснялось.

— Вы удивительно догадливы, друг мой. — Если Фальконе и посмеивался в душе над чудаковатым своим собеседником, то внешне ничем этого не выказывал.

А тот продолжал за ним наблюдать... как за карманной мартышкой, сравнения лучше Джеку в голову не приходило. И ловил каждое слово.

— Нет, правда, вы извините, граф, что я сразу не догадался, что вы итальянец. — Джек с трудом удержался, чтобы не закатить глаза. — Я, знаете ли, очень не по-британски люблю иностранцев. И если об этом узнает мой дядя...

Фальконе пообещал:

— Не беспокойтесь, мы ничего не скажем ему.

— Благодарю, граф. — Лорд Юманс подался вперед, приглушив звучание своего голоса: — Мой дядя, я теперь понимаю, целиком и полностью ошибается, считая всех иностранцев невежественными глупцами. Вы с Кэмпбеллом совсем не такие...

— Рад слышать. Но мистер Кэмпбелл, насколько я понимаю, шотландец, а Шотландия с Англией это почти что одно, разве нет?

Лорд Юманс подавился куском оленины, который неосмотрительно положил себе в рот, и приятель, похлопав его по плечу, озвучил, казалось бы, очевидную для каждого разумного человека мысль:

— О нет, сеньор, боюсь, в этом вы ошибаетесь. Нет более непохожих людей, чем англичанин с шотландцем! По крайней мере, мы искренне в это верим, — чуть насмешливо заключил он.

— Хм, — озадачился старый граф, — но я слышал, даже ваша высокочтимая королева Виктория имеет летнюю резиденцию в Абердиншире, на берегу реки Ди.

— И что это доказывает? — удивился лорд Юманс.

— Ваши близкие связи.

— О нет, что вы, граф, это так по-итальянски делать столь далеко идущие выводы, — взмахнул он рукой, — просто холмистый ландшафт шотландской глубинки напоминает принцу Альберту родную Тюрингию. Вот и все. Ни о каких связях не может быть речи!

— Подтверждаю: лорд прав, — улыбнулся им Кэмпбелл. — Я сам родом из Абердина, но несколько лет прожил в Испанской Гвинее. Вернулся недавно.

— Как интересно, и чем же вы там занимались? — спросил было граф, но лорд Юманс, все еще не закрыл для себя прошлую тему и потому перебил.

— Боже мой, уравнивать Англию и Шотландию это как есть запеченные овощи салатной вилкой! — потешался он. — Однажды на званом обеде я так увлекся акцентом русской княгини, что именно это и сделал. Болван! Когда это заметили, все надо мной очень смеялись.

Джек, услышав про вилки, невольно напрягся, глянув, все ли в порядке с его собственной вилкой для мяса. Столовые тонкости этикета до сих пор доводили его до зубовного скрежета.

— В самом деле, смешно, — заметил Фальконе.

А лорд сразу же подхватил:

— Ну скажите же, да? У них ведь зубья разной длины.

«Зубья разной длины? Да он издевается!» Джек находил, что все эти вилки для мяса, салатов и овощей одинаковые, как близнецы, а потому проклятые вилки меняли в каждую перемену, чтобы никто, не дай Бог, не запутался.

Впрочем, таков мир богатых зазнаек, и он теперь в одном ряду с ними. Хочешь не хочешь, придется терпеть! Он стиснул зубы, мечтая, чтобы лорд Юманс прекратил нести чушь, ну или обед поскорее закончился.

В итоге им принесли на десерт пудинг с изюмом, потом — сыр, кофе, затем — бренди и, наконец, сигары для лорда. И только тогда, распрощавшись с новыми знакомыми, Джек с графом покинули клуб.

На Брэдфорд-сквер, едва переступив порог дома, они удивились, застав Джонсона и инспектора Ридли в компании мисс Харпер и незнакомой им девушки. Впрочем, долго недоумевать им не пришлось: рыжеволосую мисс представили Беатрис Харпер, сестрой компаньонки Фальконе, а сам Джонсон очень серьезно сказал:

— Нужно поговорить, господа. Дело де Моранвиллей открылось с неожиданной стороны...

И он начал рассказывать обо всем, что выяснил этим утром.

Эпизод тридцатый

Выйдя из комнаты экономки, Томазо Антуан Джонсон выдохнул так, словно вынырнул из-под толщи воды. Он бы, наверное, постоял, позволив себе систематизировать мысли, прийти немного в себя — отдышаться, по сути, но за дверью его встретила рыжая, и выказать слабость он себе не позволил.

— Я ведь сказала: она что-то знает — и вот... — Девушка замолчала, а Джонсон просто кивнул.

И пошел по коридору.

Очень хотелось просто выйти на воздух... Что это с ним? Сделался слишком ранимым?

Вот уж чего он хотел бы меньше всего.

Он услышал шаги за спиной, но даже не обернулся. Лишь когда мисс Харпер спросила: «Вы ведь меня подождете?», наконец, обернулся.

— Для чего? — осведомился недоуменно.

— Как для чего? — удивилась его собеседница. — Вы обещали отвезти меня к Розалин. К тому же, у нас еще есть дела...

— У нас?

— У нас, мистер Джонстон. А вы как хотели? — И поспешила добавить, пока он не стал возражать: — В свете новых событий нам просто необходимо переговорить с миледи де Моранвилль. Она — ключ ко всему.

— Вы так думаете?

— Конечно.

— Но она не в себе, если вы помните, и заперта в клинике для душевнобольных.

Девушка вскинула бровки.

— А вдруг это только притворство... — предположила она. — Вдруг миледи известно, что случилось тем вечером, и она нарочно таится...

— Покрывает супруга? Вы, действительно, верите, что отец способен убить собственного ребенка? А даже если и так, этой женщине тем более нету смысла покрывать убийцу своего сына. Нет, здесь что-то не сходится...

— Или вы слишком правильный, чтобы верить в самое худшее.

Джонсон хмыкнул, так удивившись тому, что его неожиданно сочли «правильным», что лишился на мгновение дара речи. Вот уж в чем его было бы сложно заподозрить, так это в правильности... Смешная девчушка!

И пока он молчал, гадая, не сделался ли он, в самом деле, чересчур мягкотелым, мисс Харпер велела, причем не терпящим возражения тоном:

— Ждите на улице. Я выйду через минуту!

Джонсон вышел и... принялся ждать. Ну не дурак ли? Зачем ему эта обуза?

А обуза выскочила из дома минут через пять с ридикюлем, зонтиком и перчатками.

— Остальное заберу позже, — сказала она, — все равно увольняюсь. Мне больше здесь нечего делать!

В кэбе до Бетлемской королевской больницы они хранили молчание, только раз мисс Харпер подняла взгляд от своих сцепленных рук и сказала:

— Благодарю, мистер Джонсон: вы сумели разговорить эту женщину и очистить имя сестры.

— Об этом еще говорить рано, мисс Харпер, — возразил он. — Пусть для начала миссис Поттер откроет правду полиции, а там будет видно.

Девушка, враз испугавшись, на него посмотрела:

— Но она ведь сделает это, расскажет правду полиции? — спросила она. И всполошившись: — Не сбежит прямо сейчас?

И Джонсону стало совестно, что он испугал своими словами бедную девушку. Он неловко похлопал ее по руке и уверенно произнес:

— Не волнуйтесь, мисс Харпер, даже если она и сбежит, я ее непременно найду. Из-под земли достану, если придется...

— Вы это можете?

Он снисходительно улыбнулся.

— Это моя профессия, мисс. — И весь остаток пути они ехали молча.

В больнице же Джонсону пришлось выдержать настоящую битву за встречу с главным врачом, мистером Оуэном Маккензи, тот, чрезмерно высокий, но нервный под стать своим пациентам, долго увиливал, не желая сказать, почему свидание с Грейс де Моранвилль в этот день (да и в ближайшее время) невозможно. Она-де отвратительно плохо переносит свидания с посетителями: потом неделями мается «возбужденным сознанием», головными болями и вообще, кто он такой, чтобы просить о свидании с леди.

Джонсон, пустивший в ход весь арсенал из увиливаний и правды, в конце концов пробил брешь докторской обороны, когда сказал, что миледи Стаффорд, мать пациентки, будет весьма недовольна, узнав о поведении доктора Маккензи. Ах, так вы знаете леди Стаффорд? Само собой. В таком случае, должен с прискорбием сообщить, что... Джонсон напрягся. С прискорбием? Что несет эта «водонапорная башня» под два метра ростом? ... Что леди де Моранвилль этим утром пропала из своей комнаты. Как это вышло? Никто толком не знает: она будто в воздухе растворилась.

Джонсон вышел из клиники в еще более растрепанных чувствах, чем после общения с миссис Поттер. И растерялся: что теперь делать? Но поджидавшая его девушка, выслушав новость об исчезновении миледи де Моранвилль, сразу же заявила:

— Тогда едем к нотариусу на Флит-стрит. Узнаем, что именно обсуждала с ним миледи де Моранвилль!

Мысль была дельной, но вряд ли крючкотвора-нотариуса удалось бы уломать так же, как доктора Маккензи. А от одной мысли, выдержать еще одну битву, Джонсону как-то враз поплохело...

— Сначала поедem в полицию и заручимся поддержкой инспектора Ридли, — переиграл он план девушки. — Так выйдет быстрее и менее бестолково.

Мисс Харпер надулась, ей по всему не понравилось последнее слово, а еще она вовсе не жаждала снова встречаться с бывшим женихом Розалин. Он понял это, когда, выйдя из кабинета инспектора, представил ему Беатрис, ожидавшуюся в приемной у стойки дежурного констебля.

— Мисс Беатрис, — опешил инспектор. — Не думал встретить вас здесь.

— Поверьте, я тоже не особенно счастлива снова вас видеть. — Рыжие волосы всколыхнулись, когда девушка вскинула подбородок.

— Я вовсе не это имел в виду...

— А я это. Вы поверили лживым наветам, а не сестре, и за это я вас презираю!

Ридли сглотнул, сделавшись еще более мрачным, чем был.

— Ваше право, — отозвался нейтральным голосом и направился к выходу из участка.

Мисс Харпер и Джонсон последовали за ним. Причем последний буквально поволок девушку за собой, ее будто приморозило к полу собственным источаемым по отношению к инспектору холодом.

В конторе нотариуса мисс Харпер, как бы сильно ее это не возмущала, снова осталась дожидаться в приемной, а инспектора Ридли и Джонсона услужливый клерк проводил в кабинет мистера Барбриджа. Подслеповатый, в очочках-пенсне, джентльмен этот смахивал на крота, зарывшегося по самые уши в стопки бумаг, разложенных на столе. Его макушка едва-едва возвышалась над ними, когда посетители присели на предложенные им стулья.

— Итак, чем могу быть полезен, инспектор? — осведомился человек-крот, поправляя очки. — Я человек крайне законопослушный и мирный. Вряд ли вы пришли по мою душу...

— Нас интересует ваши беседы с миледи де Моранвилль, сэр, — не стал расшаркиваться инспектор. — О чем именно вы говорили с ней три года назад?

Нотариус выдержал паузу и хмыкнул в кулак.

— Кхм... инспектор, вы задаете весьма щекотливый вопрос и, должно быть, понимаете сами, что я не могу вам ответить на него прямо.

— Ответьте, как можете.

— Кхм... я, понимаете ли, инспектор, не могу разглашать тайны доверившихся мне клиентов. Это было бы крайне непрофессионально. Губительно для моего дела и чести в особенности.

— Даже если один из ваших клиентов замешан в громком убийстве?

— Особенно в этом случае.

Джонсон подумал, что этому крючкотвору не помешало бы надавать оплеух, аж руки чесались самому это сделать. Даже странно, что Ридли оставался настолько спокойным: либо был от природы миролюбив, не в пример Джонсону, либо привык изо дня в день общаться с такими вот вредными типами. И Джонсон склонялся к версии номер два...

— Мистер Барбридж, если я сделаю предположение, и оно окажется верным, вы подтвердите это кивком? — осведомился инспектор.

— Кхм, полагаю, что так можно сделать.

— Мистер Барбридж, — Ридли вперил в нотариуса пристальный взгляд, — миледи де Моранвилль приходила справляться, что ей делать, коли она захочет развестись с мужем?

По тому, как суетливо маленький джентльмен сдернул с носа и водрузил снова на место свои кругленькие очочки, сделалось ясно, что инспектор попал точно в цель.

Но Ридли продолжал сверлить его взглядом, и тот кивнул.

— Раз вы и так знаете это... Д-да, миледи справлялась, что ей сделать, чтобы расторгнуть их с графом брак.

— И что вы ей посоветовали?

— А что я, по-вашему, мог посоветовать? — взвился нотариус. — Велел ей и думать забыть о подобном. Это мало того, что скандально, так еще донельзя аморально. Подумайте сами: расторгнуть то, что скреплено самим Господом на небесах. Это немислимо!

— Но прецеденты уже существуют.

— Скандальные, аморальные прецеденты.

— Именно так вы и сказали миледи? — спросил Ридли, и говоривший враз стушевался.

Ну еще бы, разве осмелился бы какой-то третьесортный нотариус обличать светскую леди в грехе!

— Я сказал, что, коли леди хочет развода, — мистер Барбридж промокнул лоб, — то ей предстоит обратиться в церковный суд с ходатайством о раздельном проживании. Коли оно будет одобрено, то леди смогла бы покинуть дом мужа, но это ни в коем случае не развод, — поспешил добавить рассказчик. — И вступить в новый брак ей никто не позволил бы.

— А миледи желала вступить в новый брак? — уточнил Ридли.

— Полагаю, что да, — через силу выдавил Барбридж. — Этот аспект был ей особенно интересен. Но я сказал сразу, что единственным поводом для развода как такового является супружеская измена. И, получив разрешение на разъезд, муж должен был подать иск в суд общего права... В суде муж имел право потребовать от любовника леди финансовую компенсацию за нанесенное оскорбление... Но и это только в том случае, если у него имеются двое свидетелей, что докажут неверность жены. И только если измена доказана, парламент мог бы издать частный акт о расторжении брака.

— А если в измене уличен муж? — не удержался от вопроса Томазо Джонсон. — Жена тоже имеет право на иск?

Мистер Барбридж даже подпрыгнул на месте.

— Что за нелепые предположения, сэръ?! Это полный абсурд. Измена супруга — недостаточная причина для иска.

Джонсон изогнул губы в улыбке.

— Что же в таком случае достаточная причина?

Барбридж понял, что над ним потешаются, и сделался хмурым и злым.

— Многомужество и инцест, — процедил он сквозь зубы.

— Во как, забавно, однако.

Что именно так позабавило Джонсона, так и осталось неясным, так как Ридли поспешил осведомиться:

— И более вы ни о чем с миледи де Моранвилль не говорили? Лишь консультировали ее о правовой подоплеке развода?

— Она трижды приходила сюда, — признался нотариус, — и трижды спрашивала о том же. В последний раз она особенно интересовалась, кто из родителей получает права на ребенка в случае намечающегося развода...

Ридли поднялся и поблагодарил мистера Барбриджа за уделенное время, в дверях, правда остановился:

— Вы слышали, ясное дело, о деле де Моранвиллей и сразу поняли, о ком идет речь, едва я спросил, и все-таки три года назад, когда умер ребенок, не сочли нужным явиться в полицию и рассказать о визитах графини. Почему, сэръ?

Барбридж смутился, тряхнув головой.

— Я связан нотариальной тайной, инспектор.

— Но умер ребенок. Полагаю, это достаточная причина, чтобы однажды поступиться своими профессиональными принципами. — И еще более жестко: — Вы, быть может, покрывали преступника. Совесть совсем не тревожила вас?

Барбридж то ли икнул, то ли хрюкнул — Ридли вышел и прикрыл за собой дверь. А Джонсон подумал, что именно из-за таких «мистеров Барбриджей» сотни дел до сих пор остаются нераскрытыми. Гадкие паучишки!

Эпизод тридцать первый

— Вот и всё, что мы сегодня узнали, — заключил свой рассказ Томазо Антуан Джонсон, происходивший, как и первый совет, в библиотеке Фальконе.

Все слушали молча, не перебивая рассказчика, лишь эмоции то и дело скользили по задумчивым лицам, а в холле отбивали минуты часы. Отчего-то их было слышно громче всего... Особенно в той тишине, что наступила вслед за словами частного сыщика.

Первой, как ни странно, умерла оробевшая было в незнакомом ей доме, среди чужих людей, жавшаяся к сестре Беатрис Харпер.

Она вскинула подбородок и, глядя как бы нейтрально, но все-таки на инспектора Ридли, сказала:

— Я знала, что Розалин никогда бы не сделала то, в чем ее обвиняла та гадкая женщина. — И сжав руку сестры: — Я только не понимаю, почему сама ты молчала, не защищая себя. Если бы ты только призналась, что это камеристка миледи заманила тебя в комнату графа, это многое бы изменило!

Розалин дернула головой, не желая, казалось, и думать об этом, и ответила совсем тихо:

— Я просто боялась, что такие слова сочтут наспех придуманной отговоркой, чтобы себя оправдать. У миссис Поттер, в конце концов, не было повода сотрудничать с графом: все знали, что хозяйка и он на ножах, а значит, и камеристка графини не на его стороне. Мне бы никто не поверил...

Джек видел, как дернулся кадык Ридли, как сжались его кулаки — неужели он, в самом деле, все это время считал, что невеста изменила ему? Но при этом, Джек хорошо это помнил, с каким пылом он защищал ее, обсуждая дело де Моранвиллей еще тогда, до отъезда в Италию. А теперь и смотреть в сторону Розалин Харпер не удосуживался...

Изображать безразличие у него выходило отменно, вот только было оно напускным. И наигранным. Вот кто умел претворительно играть свою роль неприступной твердыни!

— Зря вы так полагаете, мисс, — возразил девушке Джонсон. — Ваш жених вам поверил бы, полагаю, и потому еще раньше проверил показания Поттер. А там, глядишь, эта женщина проговорилась бы раньше!

Он давил на больное, Розалин Харпер и так мертвой хваткой вцепилась в сестру: вот-вот проткнет ее руку тонкими пальцами — Джек не мог на это смотреть.

— К чему теперь сожалеть о былом? — спросил он. — Самое главное, что сейчас мы на верном пути. А исходя из рассказа мистера Джонсона, кажется определенным, что граф виновен в смерти своего сына.

— Жаль, мы не можем его самого об этом спросить... — вскинул бровь Джонсон.

— Почему это? — Беатрис Харпер сверкнула глазами. — Неужели лишь потому, что он знатен и богат, он избежит правосудия?

Джонсон как-то по-новому, Джек прежде не видел у него этой улыбки, улыбнулся мисс Харпер.

— Дело не в знатности и богатстве, мисс, чтобы вы знали, — терпеливо пояснил он, — а в материях, нам, увы, недоступных: граф мертв. Он покончил с собой прошлым вечером!

Мисс Беатрис округлила глаза, но быстро взяла себя в руки.

— То есть он, раскаиваясь в содеянном, лишил себя жизни? Вот вам и доказательство его сопричастности в смерти Анри, — заявила она.

В принципе Джек и сам думал так в свете рассказанного миссис Поттер, но инспектор Ридли вдруг покачал головой.

— Боюсь, самоубийство де Моранвилля еще не доказано, господа, — сказал он. — И, должен заметить, вряд ли будет доказано: у доктора Максвелла, которого я попросил осмотреть тело, появились сомнения на сей счет. Он полагает, графа могли застрелить, выдав его смерть за самоубийство... А доктор редко когда ошибается, у него наметанный глаз.

— Святая Мадонна! — выдохнул старый граф, по всему пораженный не меньше прочих. — Кто мог пойти на такое?

И снова быстрее прочих оказалась младшая мисс Харпер:

— Миледи де Моранвилль? — предположила она, смутившись, когда несколько пар глаз обратились к ней разом. — Она прошлым днем сбежала из-под надзора доктора Маккензи — и вот граф убит.

— Предположительно убит, — поправил ее инспектор. — Это еще не доказано.

Джек сказал:

— Доктор Максвелл редко когда ошибается, а посему два этих события — исчезновение миледи де Моранвилль из больницы и смерть графа — кажутся подозрительными. Вы не находите, Ридли?

Инспектор кивнул.

— Но графиня, насколько мы знаем, страдала душевным расстройством, — откликнулся он, — и не помнила ничего из того, что случилось той ночью, когда погиб ее сын.

— А если предположить, что она вспомнила... — сказал Джонсон. — Доктор Маккензи сказал, что последние дни перед исчезновением пациентка вела себя очень тихо и перестала искать, как делала прежде, своего новорожденного ребенка.

Ридли среагировал моментально:

— Кто-то ее навещал в последнее время? Вы справлялись об этом?

— Обижаете, инспектор: об этом я спросил в первую очередь.

— И?

— Ее навещали отец с матерью и... какой-то мужчина, назвавшийся кузеном миледи.

— Его имя?

— Вряд ли оно настоящее, но посетитель назвался мистером Аркартом.

— Шотландское имя, — нахмурился Ридли.

Джек с Фальконе дружно переглянулись, и молодой человек произнес:

— Мистер Джонсон, по словам миссис Поттер любовником ее госпожи был некий мужчина из Абердина. Напомните мне его имя...

— Кажется, Коннор, насколько я помню.

— Коннор Кэмпбелл? — У Джека дернулось сердце.

— Понятия не имею, мой друг, но почему вы спрашиваете об этом? — Джонсон даже подался вперед, учуяв нечто сенсационное.

— Да потому, что прошло не более часа, как мы распрощались с неким Коннором Кэмпбеллом, родом из Абердина, который последние несколько лет провел в Испанской Гвинее и лишь недавно вернулся назад. Полагаете, это все совпадение?

Вопрос, что говорится, был риторическим, так как и Джонсон, и Ридли — оба разом почти в унисон осведомились, где этого джентльмена найти.

— Полагаю, если спросить лорда Юманса, он подскажет нам адрес, — пришел Джеку

на помощь Фальконе и зазвонил в колокольчик. — Чернила мне и бумагу! — велел он лакею, явившему на зов. И уже минут через двадцать посыльный отбыл с запиской от графа, получив строгий наказ, вернуться как можно скорее.

Все ощущали: они в шаге от долгожданной развязки, и бездействие угнетало. Розалин, неестественно бледная, о чем-то негромко переговаривалась с сестрой, Джек расслышал, как она тихо сказала: «Ты не должна была рисковать ради меня». Ридли мерил шагами пространство между окном и диваном, демонстративно не обращая внимания на обеих... Джонстон, напротив, глядел на сестер со своей странной улыбкой хитрого лиса...

И сказал вдруг:

— Чем больше я размышляю о фактах, друзья, тем более убеждаюсь: миледи де Моранвилль сейчас с этим Коннором Кэмпбеллом. По-другому не может и быть! Должно быть, свидание с ним каким-то образом взбудоражило ее память, и женщина вспомнила, что случилось три года назад. Движимая желанием отомстить, она сбегает при содействии своего amante из больницы и отправляется к мужу, чтобы убить его.

— То есть вы полагаете, что, горящая жаждой мщения женщина, убивает супруга выстрелом в голову, но при этом не забывает обставить это самоубийством? — В голове Ридли звучало столько холодного скептицизма, что даже Джек, подумавший было, что версия звучит очень правдоподобно, усомнился вдруг в ней. А инспектор продолжил: — Вряд ли супруг, взрослый и сильный мужчина, позволил бы ей выстрелить так, как это случилось на деле. — Незаметно от женщин, дабы их не шокировать, он приставил указательный палец снизу под подбородок, имитируя дуло оружия.

Джонсон пожал плечами.

— Не забывайте, у нее был помощник: настоящий отец убитого мальчика. Возможно, на деле выстрелил он...

— На трупe нет синяков, указывающих на борьбу между де Моранвиллем и кем бы то ни было, — возразил Ридли. — А они непременно бы были, удерживай кто-то свою жертву силой из желания выстрелить в голову...

Джек припомнил Коннора Кэмпбелла, тот показался ему приятным мужчиной, особенно в свете знакомства с чудаковатым молодым Юмансом. У Джека не получалось представить его кровожадным убийцей, стреляющим в голову...

— Что ж, — не стал спорить его оппонент, — в таком случае, спросим при встрече у двух голубков, как они провернули эту аферу. Но, как бы там ни было, миледи де Моранвилль снова свободна, и этим убийством, коли это они его провернули, им удалось убить двух зайцев сразу: и отомстить убийце ребенка, и избавиться от ненавистного мужа.

И вдруг подала голос Розалин Харпер:

— Но я все же не верю, что Мишель де Моранвилль мог убить маленького Анри. Он любил мальчика... Это слишком...

— Ужасно? — подсказал Джонсон. — Но, мисс Харпер, этот мир отвратителен до безобразия, вам ли не знать?

Женщина стиснула руки, но ответила твердо, не дав сбить себя с толку:

— Мистер Джонсон, у любого поступка должны быть причины. Причин же убивать мальчика у отца не было! Он всего лишь хотел его увезти, чтобы через него управлять его матерью. Именно так я вижу ту ситуацию...

— Возможно, вы видите что-то неправильно... — улыбнулся ее собеседник, и старый граф предложил выпить чаю, не позволяя разрастись неприятному спору.

В итоге чай пили в гнетущем молчании и, когда прибыл посыльный с ответом от лорда Юманса, все разом выдохнули от облегчения.

— Молодой мистер Кэмпбелл проживает на Кросс-стрит в Ислингтоне, — сообщил граф, пробежав записку глазами. — В доме под номером тридцать шесть.

— Едем! — подорвался на ноги инспектор Ридли.

— Весь к вашим услугам, — встал рядом Джонсон.

Обе мисс Харпер тоже поднялись, но благодаря мягкому увещанию графа Фальконе их удалось убедить остаться на Брэдфорд-сквер дожидаться мужчин, что Беатрис Харпер, конечно, не очень понравилось.

Джек подумал, что будь здесь Аманда, убедить ее так легко вряд ли бы вышло. И он порадовался, что она сейчас у себя, в безопасности... Мало ли что ждет их на Кросс-стрит, тридцать шесть, в Ислингтоне.

Эпизод тридцать второй

Грейс Стаффорд была влюблена с двенадцати лет. Она хорошо помнила лето, в которое это случилось... Она гостила у тетки близ Абердина, считая, ее нарочно высылают из Лондона в наказание за проступки, и потому ненавидела каждый миг своих вынужденных каникул, когда вихрастый мальчишка с охапкой голубых колокольчиков пробрался к ним в сад. Одежда на нем была скромной, нос вымазан, и наследница Стаффордов посчитала его дворовым мальчишкой, полагавшим, должно быть, что купит ее расположение полевыми цветами...

— Чтобы ты не грустила, — сказал он тогда.

Глупый ребенок!

Она заявила, что и не думала предаваться унынию: мол, ей просто скучно, а в скуке нет ничего недостойного. Так и сказала: «Нет ничего недостойного», и мальчишка даже проникся — кивнул с серьезным лицом и позвал ее на рыбалку на протекающую рядом с поместьем речушку.

Рыбалка, как подумалось чопорной, вышколенной до зубовного скрежета Грейс, еще недостойней тоски, но мальчишка так искренне говорил о наживке, подсечке и огромных лососях на реке Ди, что ее обуяло здоровое любопытство. И так как за ней особенно не следили, тетушка, не в пример ее матушке, довольно халатно относилась к пестованию племянницы, Грейс сбежала с чумазым Коннором на реку и до вечера простояла в воде, пытаясь, как и прочие мальчишки, поймать щуку. Это позже ей стало известно, что щуки водятся только в озерах, а мальчишкам просто мечталось уместить необъятное, впрочем, ее восторг в этот день был действительно необъятен: она поймала форель, и Коннор сказал, что ей нельзя забывать этот день, день первой пойманной на крючок рыбы. Для рыболова он очень важен!

Грейс действительно навсегда сохранила его в своей памяти: и тот день, и мальчишку с улыбочивыми глазами. Они тогда целое лето носились по окрестностям Абердина, и ничего лучше с девочкой не случилось за целую жизнь! Коннор, к слову, оказался отпрыском обедневшего графа, третьим сыном, которому по завещанию мало что причиталось, но об этом влюбленная Грейс узнала три года спустя, когда тетушка все же заметила ее склонность к молодому соседу и просветила, почему ей не стоит потакать этим чувствам. А они, между прочим, однажды поцеловались, и Коннор клятвенно обещал, что станет богатым и сделает Грейс своей женой...

Вот только вышла она за другого.

Еще в первый сезон, будучи дебютанткой, девушка обратила на себя внимание графа де Моранвилля, и родители, крайне этим довольные, условились о помолвке и браке в рекордно быстрые сроки. Грейс не успела опомниться, а уже стала графиней, от которой требовалось одно: родить наследника рода. А с этим вышла неожиданная заминка...

Нужно сказать, Грейс не была совершенно несчастна, уступая ухаживаниям тогда еще жениха: де Моранвилль был видным мужчиной, способный очаровать даже камень, а ее сердце каменным не было, и девушка-рыболов сама угодила на крючок красивых ухаживаний и пламенных взглядов. Правда, флер их развеялся быстро... Неспособная забеременеть, она истязала себя мыслями о бесплодии, а супруг подливал масло в огонь, интересуясь снова и снова, нет ли у Грейс «доброй новости» для него. Обожание в его

взгляде сменилось презрением, а презрение холодностью, а от этого, мнилось ей, ее внутренность омертвела, как воды Соленого моря.

В конце концов, она отправилась в Абердин помолиться Святой Тридуане, говорили, она исцеляла больных и увечных, а еще отверзала женское лоно, не способное к деторождению.

Там все и случилось...

Это чудо, которого она так ждала.

Правда, святая не имела к этому отношения, так как, наверное, осудила бы Грейс за нечестные методы и плотской грех. Не «наверное» — осудила бы точно, но в тот момент, когда все случилось на подстилке из мха, под кронами вековых, зеленых деревьев, Грейс ни о чем не жалела.

И поняла в полноте, что значит отдаться кому-то всем сердцем, душой и телом.

В тот раз или, может быть, во второй они и зачали ребенка... Грейс, убежденная, что бесплодна, не сразу догадалась об этом. Просто позволила себе быть счастливой, несмотря ни на что, и это счастье проросло в хрупкий росток новой жизни...

С любовником она расставалась больной, казалось, в груди лопнет сердце, не выдержит иступляющей боли, ан-нет, стоило маленькому Анри заявить о себе, как она взяла себя в руки... Едва вернувшись домой, сделала все, чтобы муж полагал, что зачала она от него, и радовалась рожденному сыну, как яркому солнцу, наконец, осветившему ее жизнь.

Даже супруг с появлением мальчика изменился, и жизнь в целом наладилась, пока годы спустя Коннор Кэмпбелл не вошел опять в ее жизнь. Они встретились совершенно случайно во время прогулки в Гайд-парке... Слово за слово, и она сказала о сыне, не хотела проговориться, но не смогла удержаться:

— Он наш, — помнится, прошептала, потупив глаза. — И от этого я люблю его еще больше.

— Наш?

Грейс кивнула.

— Муж не знает об этом. Я думала, что проблема во мне, но это он неспособен был подарить мне ребенка. И до сих пор неспособен...

— Боже мой, Грейс! Наш ребенок. Я хочу увидеть его!

И снова кивок.

— Я все устрою. Просто дай время...

И она привела Коннора в дом, выдав его за учителя музыки. Можно было устроить свидание где-нибудь в городе, но ей хотелось, чтобы отец повидал мальчика без назойливого внимания гувернантки, которую в этот раз она отослала по каким-то делам. Но вернувшийся де Моранвилль будто с цепи сорвался: погнал Коннора прочь, осыпая гостя проклятиями и оскорблениями. Казалось, догадывался о чем-то... А может быть, и догадывался: с того первого дня, как они встретились с Коннором в парке, в Грейс снова проснулись старые чувства, и скрывать перемену в себе не получалось. А муж глупым не был... Он тогда сделал то, что положило конец ее доброму к нему отношению — он грубо взял ее прямо в библиотеке, повалив спиной на бювар и трактат Дэвида Юма о человеческой природе. Его грубый край впивался ей в спину снова и снова, так что синяк еще месяц держался на коже, напоминая об совершенном над нею насилии...

Грейс, с губой, прокушенной до крови, поняла тогда, что терпеть этого более не намерена.

Навела справки о том, как добиться развода и заявила супругу, что намерена расторгнуть их брак. В тот первый раз он выслушал ее молча... и улыбнулся. Решил, должно быть, что она несерьезно, так, припугивает его для остротки.

Но Грейс не шутила...

— Позволь мне уехать и забрать сына.

— Ни за что! Уезжай, если хочешь, но ребенка ты не получишь.

— Это мой сын!

— И мой тоже.

Ей тогда до затмевающего разом безумия хотелось уничтожить де Моранвилля и она вдруг призналась:

— А вот в этом ты ошибаешься: он только мой. Мой и того, кого я люблю... И это, определенно, не ты.

Страшные глаза мужа, обхватившего ее шею рукой, Грейс еще долго являлись в кошмарах. Такой неистовой злобы она прежде не видела у людей...

— Лжешь... мерзкая тварь, — процедил он искривившимся ртом. — Анри — мой.

Она, наверное, задыхалась, так легко сделалось враз во всем теле и так светло на душе. Как бывает, должно быть, в преддверии рая!

Она улыбнулась.

— Тешь себя этой мыслью, если желаешь, но правда в том, что это ты, а не я пустоцвет. Твое семя мертво! Будущее рода де Моранвиллей зиждется на ребенке другого мужчины. — Она сфокусировала глаза. — И если отпустишь меня, об этом никто не узнает!

Пальцы, сжимавшие шею, разжались.

— Шлюха, ты не посмеешь опозорить меня! Только попробуй сказать о разводе, и я...

— Что ты? Задушишь меня?

Они с убийственной ненавистью глядели друг другу в глаза.

— Что, если и так? Любой суд оправдает меня: ты запятнала мое доброе имя своим блудодейством и хотела увезти сына. Все будут на моей стороне!

— Это мой сын, будь ты проклят, де Моранвилль!

— Ай-яй-яй, — посетовал ненавистный супруг, — твой любовник прескверно влияет на тебя, дорогая. Кто он, сапожник или столяр? Слышал, они крайне не воздержанны на язык.

Зарычав, Грейс кинулась к мужу, выпустив ногти, как дикая кошка, но он заломил ее руки, сделав больно до слез.

— Отпусти меня, — взмолилась она, имея в виду не этот конкретный момент, а их удушающий брак, но супруг, откинув прочь ее руки, презрительно кинул:

— Конечно, моя дорогая. Как пожелаешь. — И тут же добавил: — Не вынуждай меня вести себя с тобой грубо!

Грейс поняла, что по-доброму с мужем не сладить и начала доводить его, как могла: изничтожала так или иначе все, что ему было дорого. Желала вынудить этого монстра отпустить ее... Пусть бы хотя бы просто разъехаться, если не развестись, она и на том была счастлива бы, но мерзавец терпел ее выходки и сдаваться не собирался.

А в тот вечер, ставший для них роковым, неожиданно произнес за обедом:

— У меня на кону важная сделка, а потому крайне важно, чтобы моя репутация оставалась незапятнанной, понимаешь? Мы устроим пышный прием, и ты станешь его украшением. Все не только увидят, какая мы дружная пара, но еще убедятся, что ты, вопреки пустым слухам, в добром здравии. И уме.

А она зашипела:

— Я не стану играть в твои игры. Сам развлекай своих гостей и партнеров!

Он, ясное дело, не сомневался, что она так ответит — все было заранее решено: мисс Харпер получила разрешение провести вечер вне дома, ее камеристка, которая, как оказалось, помогала Мишелю, убедила ее лечь пораньше и накапала успокоительных капель и, стоило ей уснуть, разбудила Анри, одела его и вывела в сад, где дожидался де Моранвилль, чтобы отдать мальчика людям, которые увезут его в неизвестном ей направлении.

В тот вечер и даже после случившегося Грейс, конечно, об этом не знала: все выяснилось вчера, когда муж самолично открыл ей всю правду. Выглядел жалко, ничтожный червяк, ничуть не похожий на того де Моранвилля, который три года назад презрительно насмеялся, заламывая ей руки.

— Я не хотел, Грейс, я действительно, не хотел, чтобы так получилось. Я просто должен был быть уверен, что ты сыграешь отведенную тебе роль примерной супруги на намечающемся приеме! А я знал, что по своей воле ты мне не уступишь...

— ... И решил шантажировать меня сыном?

— У меня не было выбора.

Она усмехнулась.

— Выбор всегда есть, Мишель. И ты сделал неправильный! — Она вспомнила, как склонилась над ним, глядя прямо в глаза, и добавила: — Ты убил нашего сына.

А супруг заскулил:

— Это вышло случайно. Я не хотел убивать... И я каждый день в этом раскаиваюсь! Каждый день. Каждый миг своей жизни...

Сердце горело в Грейс так же сильно, как в тот первый миг, когда память вернулась к ней со всеми ужасающими подробностями, но сил ненавидеть этого человека в ней больше не было. Коннор прав: она должна отпустить свое прошлое.

А без прощения это, увы, невозможно...

Эпизод тридцать третий

Коннор Кэмпбелл с трудом удержался от удивленного возгласа, раскрыв утреннюю газету. На весь разворот шла сенсационная новость: «Граф Мишель де Моранвилль, один из богатейших людей нашего времени, найден мертвым в стенах своего дома. Что это, отголосок старого преступления или трагическая случайность?»

Мужчина еще какое-то время глядел на черные буквы, разбежавшиеся перед глазами, а потом торопливо закрыл и сунул газету под стол.

— Что с тобой? — удивилась вошедшая в комнату женщина. — На тебе лица нет.

Он попытался улыбнуться в ответ.

— Просто признание де Моранвилля не выходит из головы. Все представляю себе, как это было...

Грейс Стаффорд, приблизившись, обняла его со спины, уткнувшись носом в макушку.

От нее пряно пахло мелиссой и медом, таким родным ароматом, что у Кэмпбелла защипало в глазах... Какой он дурак, что, поверив словам ее мужа, уехал три года назад, бросив Грейс в ее горе одну!

— Вам лучше исчезнуть из нашей с Грейс жизни, — говорил де Моранвилль, заявившись однажды в его квартирку на Ментегю-сквер. — Подумайте сами, если о вашей связи узнают, кого заподозрят в первую очередь? Вас, любовника, не желавшего делить свою женщину даже с ребенком. Ведь она, вот незадача, не желала с ним расставаться! А обуза вам была ни к чему.

— Мой ребенок для меня не обуза, — возразил было он, но собеседник лишь усмехнулся:

— Ваш ли? Это еще под вопросом. Вдруг вы и вовсе желали похитить чужого ребенка с целью выкупа...

— Это ложь, и мы оба знаем об этом.

— Но кому больше поверят: обманутому супругу или нищему совратителю чужих жен? Но если, конечно, хотите остаться, знайте одно: Грейс сейчас вас не помнит и поддержать не сумеет, а я, коли измена раскроется, попрошу финансовую компенсацию за нанесенное оскорбление... Вы богаты, сэр? Сумма будет немаленькой.

Денег у Коннора тогда не было. Ни гроша. Он мечтал попытать счастье в Америке, для того и списался с приятелем, проживающим в Лондоне. А потом случайная встреча с Грейс, его первой и единственной, по сути, любовью, затормозило все планы. Он узнал, что у них есть ребенок, а Грейс настолько несчастна, что готова бросить супруга. И он, ухватившись за это, сказал, что готов забрать их с собой, увезти на край света, если придется, но это ничтожество де Моранвилль и слышать не хотел о разводе...

Еще и явился теперь его шантажировать.

Коннор, растерянный и несчастный, попытался после того разговора встретиться с Грейс, но затея не увенчалась успехом, лишь ее камеристка, пожалев его, как-то вышла из дома и рассказала, что хозяйка ее нездорова, разум ее помутился — она не помнит последние несколько лет и ищет младенца вместо убитого сына. Мол, было бы лучше не тревожить ее еще больше...

— Она вряд ли вас помнит, — добавила грустно.

И Коннор, с тяжелым сердцем, подгоняемый горечью и виной, однажды взошел на

корабль, направляющийся в Гвинею. Там, как он слышал, шла разработка алмазного прииска, и он, страстно мечтая, как и многие до него, внезапно разбогатеть, решил попытать свое счастье...

Удача не благоволила ему.

Три года прошли в тяжелом труде и непрерывных мыслях об умершем ребенке и любимой им женщине, а еще в сожалениях о его трусливом побеге. Зря он тогда испугался де Моранвилля и бросил Грейс! Коннор решил, что вернется, и, едва скопил нужную на проезд сумму, отплыл в Англию. Узнав же, что любимая женщина обретается в Бетлемской королевской больнице, стал навещать ее там, выдавая себя за кузена... Сердце сжималось, когда он видел пустой, потерянный взгляд, глядящий будто через него, но он не отчаивался, снова и снова рассказывая об особенностях шотландской рыбалки, об Абердине и их с Грейс любви...

При этом он каждый раз он держал ее за руку.

Или гладил по волосам.

Она впервые осмысленно на него посмотрела две недели назад...

— Коннор? — спросила глухо, будто вовсе забыла, как двигать губами и издавать звуки.

— Да, это я. Ты помнишь меня? — Он буквально подпрыгнул на месте.

— Мы дружили когда-то... Еще в Абердине.

— А после... помнишь, что было после?

Она долго глядела куда-то поверх его головы, а потом легла на кровать и накрылась по самые уши. Когда его попросили уйти, ему показалось, что Грейс подвывает, как раненое животное...

Его пустили к ней только неделю спустя, и Грейс, едва захлопнулась дверь, вдруг сказала:

— Я вспомнила, Коннор... Вспомнила, что случилось той ночью и хочу встретиться с мужем.

Коннор тогда испугался спросить, что именно она вспомнила — все казалось, любимый им человек, стоит чуть-чуть надавить, опять ускользнет в непроглядную пустоту — и просто был рад снова с ней говорить. С ней, а не с той странно потерянной Грейс, которую он встречал в той палате из раза в раз...

В итоге с помощью мистера Стаффорда, отца Грейс, который, как оказалось, посетив дочь за день до него, тоже знал о ее вернувшейся памяти, они, подкупив медсестру, присматривающую за ней, увезли женщину из больницы. Чтобы сделать это по правилам, потребовалось бы разрешение мужа, а он вряд ли бы дал его...

Итак, позапрошлым днем Грейс оказалась у него дома и сразу же написала супругу, сообщая, что навестит его вечером для серьезного разговора. Когда же они постучали в дверь его дома — Грейс, Коннор и Ричард Стаффорд — открыл сам хозяин. Окинул их апатичным, бесчувственным взглядом и пригласил войти... Грейс держалась за его руку, когда они заходили, поэтому Коннор знал, как сильно напряжено ее тело и дрожат руки.

Она боялась.

Но чего именно?

Мужа или того, что хотела спросить у него?

Как бы там ни было Коннор держал под рукой револьвер, он лежал в кармане его анорака и приятно оттягивал ткань.

— А вот и ты, моя Немезида, — вместо приветствия молвил де Моранвилль,

повернувшись спиной и приглашая их следовать за собой.

Гости переглянулись: граф как будто был пьян. И выглядел странно... Он рухнул на стул в библиотеке, едва войдя в комнату, и опустил голову, безучастный к происходящему. По крайней мере, Коннору так казалось...

— Я вспомнила, что случилось той ночью, Мишель, — не стала ходить вокруг да около его названная жена. — Я знаю, что ты... хотел увезти моего сына...

— Нашего сына, — поправил ее граф. — Нашего сына, Грейс. И да, план был таков... — Он кивнул. — Зря ты тогда выскочила из дома.

Женщина вскинулась.

— Так, по-твоему, это я виновата в смерти Анри?!

Он поднял голову и посмотрел на нее. Взгляд был мутный, едва ли осмысленный... Граф, похоже, изрядно набрался в ожидании их. Ополовиненный стакан с виски стоял на столе...

— Мы все виноваты, Грейс... разве, нет?

— Нет! — взвилась женщина. — Я хотела уйти, и ты мог меня отпустить. Меня и ребенка. Но ты вцепился в нас, словно клещ, — и вот что случилось.

Губы у де Моранвилля вдруг затряслись, заблестели глаза. Он, казалось, вот-вот разрыдается, и смотреть на это было ужасно... Не к такому Коннор готовился, когда шел в этот дом.

И лучше бы этот мужчина презрительно негодовал, чем сидел, совершенно подавленный, собираясь пьяно рыдать, сокрушаясь о мертвом ребенке.

Их с Грейс ребенку...

— Я не мог отпустить вас... — прошептал он чуть слышно. — Я любил вас.

— В это сложно поверить.

— Но я любил... как умел... — Голос его сделался громче. — И тебя, и Анри. Особенно этого мальчика... — Граф вдруг затрясся от прорвавшегося наружу рыдания и, упав на колени, съезжился на полу, закрывая руками лицо.

Казалось, замер весь мир, притих, сжался до одного фута пространства между Грейс и ее рыдающим мужем.

Ее... рыдающим... мужем...

Более дикой картины вряд ли было возможно придумать.

Но мужчина рыдал, и Грейс, подойдя, опустила, ладонь ему на плечо.

— Мишель, — позвала она, — это ты убил... нашего сына?

Ее нежный голос никак не вязался с оглушающим ужасом заданного вопроса, и у Коннора по спине побежали мурашки. Дышать стало трудно...

— Я не хотел... — послышался прерывающийся всхлипами голос. — Ты выбежала из дома, кричала, вцепившись в меня...

— Это я помню. Что было потом?

— ... П-потом я тебя оттолкнул и ты, Грейс... ударила головой и бортик фонтана. И, должно быть, потеряла сознание... Я испугался, п-подумал, что ты умерла... запаниковал... А тут Анри начал кричать...

— И что ты сделал, Мишель? — вкрадчиво осведомилась жена.

— Я п-попросил его замолчать... — Пальцы де Моранвилля стиснулись в кулаки. — Я п-просил его... очень просил, он же не замолкал... Все кричал и кричал, будто нарочно выводя меня из себя.

— И т-ты... задушил его, чтобы заставить молчать?

Мужчина кивнул, но слов и не требовалось.

— Я просто хотел, чтобы он чуть-чуть помолчал...

Коннор со Стаффордом с трудом оттащили разъяренную Грейс от убийцы, когда она, зарывчав, как раненая тигрица, обрушила на него силу своих кулаков.

— Будь ты проклят! — кричала она. — Будь ты проклят, детоубийца. Гори в аду! Мучайся изо дня в день, помня, что совершил.

— Я и так в аду, Грейс... И давно уже проклят.

... Коннор Кемпбелл вынырнул из воспоминаний, услышав настойчивый стук во входную дверь. Они с Грейс переглянулись.

— К-кто это? — Клацнули ее зубы. — Де Моранвилль нашел нас?

— Полиция! Открывайте немедленно, — раздалось с той стороны, и Коннор с ужасом осознал, что зря утаил правду о прочитанном в утреннем номере «Таймс».

Ведь они с Грейс де Моранвилля не убивали.

Эпизод тридцать четыре

Дверь открылась, и Джек узнал Коннора Кэмпбелла, знакомого из клуба. Встревоженный, он глядел на мужчин, стоявших в дверях его дома...

— Мистер Кэмпбелл, мы ищем графиню де Моранвилль, и у нас есть все основания подозревать, что она скрывается в этом доме, — произнес Ридли, сверля молодого мужчину глазами.

Тот спросил:

— Что заставляет вас думать такое? Я не имею чести знать эту женщину.

— Боюсь, вы нам лжете, — возразил ему Джонсон. — Нам известно намного больше, чем вы полагаете. Позвольте пройти внутрь?

Кэмпбелл даже не шелохнулся, только крепче сжал ручку двери.

— Сэр, — Джек подался вперед, — наше сегодняшнее знакомство выдалось кратким, и я могу ошибаться, но вы показались мне человеком разумным и благородным, едва ли способным на то, в чем полагают вас виноватым мои спутники. А посему прошу вас позволить нам войти внутрь и серьезно поговорить!

Не сразу, но Кэмпбелл, наконец, отступил, пропуская их.

— Где миледи де Моранвилль? — спросил Ридли, окинув комнату взглядом. — Мы знаем, что в Бетлемской больнице ее больше нет. И склонны подозревать, что смерть ее мужа как-то связана с этим!

— И все-таки я не понимаю, о чем вы...

— Смерть моего мужа? — Дверь в соседнюю комнату распахнулась, и на пороге предстала бледная женщина. — Что это значит? — так искренне спросила она, что Джек моментально поверил в ее непричастность к смерти супруга.

— Миледи де Моранвилль? — уточнил для проформы инспектор.

— Да, это я. — Она вскинула подбородок. — Что происходит? Пожалуйста, объяснитесь.

— Миледи, должен с прискорбием сообщить что ваш муж, граф де Моранвилль, прошлым вечером был убит. Скажите, вам что-то известно об этом?

Женщина стиснула руки и задрожала, Кэмпбелл, подойдя к ней, приобнял ее за плечи.

— Мы ничего не знаем об этом, — холодно произнес он. — Кто дал вам право спрашивать о таком?

Ридли не дрогнул под его осуждающим взглядом, только сказал:

— Сэр, я расследую обстоятельства смерти Анри де Моранвилля, вашего сына, как нам с некоторых пор стало известно, и потому полагаю, что вы, как заинтересованное лицо, не станете мне в этом препятствовать.

Миледи де Моранвилль сдавленно охнула, с ужасом глядя на говорившего.

— Откуда... — пролепетала она, — откуда вы...

— Миледи, — голос инспектора сделался глуше, — ваша бывшая камеристка, миссис Поттер, открыла нам многие обстоятельства смерти вашего сына. Мы знаем многое, если не все... Скажите: это ваш муж задушил мальчика? — Глаза женщины заблестели подступившими к ним слезами, и она молча кивнула. — Вы сами видели это?

— Нет.

— Тогда откуда вам это известно?

— Он сам рассказал мне, — призналась она. — Прошлым вечером в его доме.

На миг все звуки исчезли, словно в вакуумной трубе.

— То есть вы признаете, что находились вчера на Кинг-стрит?

— Да, признаю.

— Вы были одна?

— Со мной были мистер Кэмпбелл и мой отец.

— Ваш отец? — удивился инспектор.

— Да, мы пошли туда, чтобы выяснить правду. Вспомнив вечер трагедии, я догадалась, что муж как-то причастен к смерти нашего сына и хотела удостовериться в этом...

— И он признал за собою вину?

— Да, инспектор. Он признался во всем!

— Вы обязаны будете рассказать все в подробностях. Но сейчас я должен снова спросить, — Ридли глядел на нее не мигая, — это вы убили вашего мужа, графиня? Отомстили ему за смерть сына?

— Нет! — вскричала она в ту же секунду. — Как вы смеете даже думать такое? Я никогда не позволила бы себе пасть так же низко, как он. Я — не убийца, инспектор. — Ее голубые глаза смело глядели в глаза собеседника. — Тем более, что он сам был достаточно этим наказан, тем грузом вины, которую нес. Он рыдал как ребенок... Я не посмела бы поднять руку на это ничтожество.

— А ваш... друг? — Инспектор перевел взгляд на Кэмпбелла. — Что скажет он?

— Я не трогал его, если вы, конечно, об этом, — ответил мужчина, крепко сжав зубы. — Когда мы ушли, де Моранвилль был еще жив. Как Грейс и сказала: он и так был довольно наказан. Смерть стала бы для него избавлением... — И добавил, сглотнув комок в горле: — Я узнал, что он умер, не далее получаса назад, но Грейс ничего не сказал... Знал, что нас заподозрят в первую очередь.

— И вы не ошиблись. Полагаю, что вы были последними, кто видел Мишеля де Моранвилля живым, а это автоматически делает вас подозреваемыми номер один!

— Но он был жив, когда мы ушли! — возмутилась новоявленная вдова. — Наверняка, кто-то из слуг мог бы подтвердить это.

— Боюсь, слуг не было в доме, миледи: граф распустил всех на вечер. Не хотел, как я вижу, свидетелей вашей встречи!

— Как он умер? — осведомился Коннор Кэмпбелл.

— От выстрела в голову. Все устроено так, словно граф покончил с собой!

— Но вы уверены, что это не так?

— Скажем так: наш коронер сомневается в этом.

В комнате снова повисла гнетущая тишина, только всхлипывала, уткнувшись в плечо возлюбленного, Грейс де Моранвилль.

Джеку сделалось нестерпимо жаль их обоих, этих мужчину и женщину, столько всего испытавших, но снова подвергавшихся новому испытанию.

Так ли они невиновны, как говорят?

Джек хотел верить, что да.

Но кто в таком случае виноват? Кто убил графа?

— Миледи, — прервал тишину мистер Джонсон, — на теле вашего сына была обнаружена рана, предполагалась, что гувернантка, мисс Харпер, угрожала ребенку ножом, выводя его из дому. После было доказано, что рана посмертная... Граф говорил что-то об

этом?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Мне жаль, но я даже не знала об этом, чтобы спросить. — И застенала: — Бедный Анри! Бедный мой мальчик. Он умер лишь потому, что Мишель испугался быть обвиненным в убийстве. Дело в том, что я потеряла сознание, ударившись головой, а Анри, увидев меня бездыханной, расплакался, и Мишель в панике, вряд ли от ужаса понимая, что делает, сжал ему шею, умоляя замолкнуть...

Мистер Джонсон кивнул.

— Предполагаю, что он и нанес мальчику рану, желая подставить мисс Харпер. Он же вымазал ее подол кровью... Возможно, своей. И заставил миссис Поттер свидетельствовать против нее...

— Бедная Розалин, я понятия не имела, что в убийстве Анри обвинили ее, — произнесла женщина. — Я едва помню, что было после обнаружения тела...

Ридли кивнул.

— Мне очень жаль, миледи де Моранвилль. Но благодаря вашим показаниям, невиновный человек наконец будет оправдан!

— А что же теперь будет с нами? — не выдержал Кэмпбелл. — Нас обвинят в преступлении, нами не совершенном? Мы и пальцем к де Моранвиллю не прикасались, и все-таки виноваты.

В этот момент в дверь постучали, и Ридли, исполнивший роль швейцара, принял из рук мальчишки-посыльного белый конверт.

— Для миледи де Моранвилль, сэр, — произнес тот, протягивая ладонь.

Ридли, порывшись в кармане, положил в нее пенс и, прикрыл дверь, поглядел на печать на конверте.

— Это оттиск отцовской печати, — всполошилась графиня. — Я могу вскрыть письмо?

— Да, конечно. — Ридли протянул ей конверт.

Женщина торопливо сломала печать и пробежалась глазами по строчкам письма.

— Не понимаю... — прошептала она. И вдруг пошатнулась, едва устояв на ногах... Письмо, выпав из ее пальцев, вспорхнуло к ногам мистера Джонсона.

Тот наклонился и ничтоже сумняшеся прочел в нем написанное:

— «Милая Грейс, когда ты это прочтешь, все уже будет кончено: не только с де Моранвиллем, но и со мной. Я больше так не могу! Я устал, дочка, так сильно устал. И по своему рад, что это конец. Не вини меня... Никого не вини. Просто будь счастлива с человеком, которого любишь! В конце концов, после долгих прожитых лет начинаешь вдруг понимать, что нет ничего желаннее настоящей любви и покоя. А я не имел ни того, ни другого... А искать уже поздно. Годы не те. Скажи матери: пусть будет счастлива тоже. Она сумеет, я ее знаю. И повторяю: никого не вините. Это мой выбор. С любовью, твой отец, Ричард Стаффорд».

Он едва ли мог вспомнить, когда был счастлив по-настоящему.

В детстве? В отрочестве? Или когда, выйдя из-под опеки родителей, наконец-то женился и сделался самостоятельным? Ричард Стаффорд вынес из детства воспоминания о строгих нянюшке и гувернантке, постоянно шпынявших тихого мальчика, из отрочества — насмешки сверстников над его спортивными неудачами, а его брак с самого начала был обречен на провал: Ричард, с опаской относившийся к женщинам, потерялся на фоне яркой супруги и отдалился от нее так далеко, как только сумел, полагая, что так будет лучше всего. Для кого именно лучше, он тоже толком не знал, просто, поддавшись своим ощущениям, не мог поступать по-другому...

Обиженная супруга решила, что ненавистна ему, а исполнять супружеский долг с обиженной женщиной то еще удовольствие. Никакого, если по сути. Еще удивительно, что у них вообще появился ребенок... Девочка. Первая женщина в жизни Ричарда Стаффорда, коей он не боялся, а, прикипев к ней всем сердцем с первого взгляда, полюбил так, как никогда и никого до нее...

Наверное, вот оно, его первое счастливое воспоминание.

Грейс.

Но даже в этом счастливом воспоминании он ощущал себя все же ущербным: «Перестань баловать нашу дочь, — постоянно негодовала супруга, — это, в конце концов, неприлично, так носиться с ребенком. Для этого существуют няньки и гувернантки!» А он не умел себя обуздать и, вместо поездки в клуб или на светский прием, приходил в детскую и часами засиживался с ребенком...

Грейс принимала отца таким, какой есть.

И любила его.

Одиночество отступало в объятиях «белокурого ангела» с голубыми глазами.

И когда этот ангел с годами подарил ему внука, маленького Анри, погасшее было сердце опять ощутило восторг. Опять кувыркнулось в груди. Застучало сильнее. Казалось, догорающая звезда вспыхнула новым, живительным светом!

Боже мой, как же Ричард любил этого мальчика... Этого тихого, кроткого человечка, так похожего на него в ранние годы. Он мечтал оградить его от всего: от грубых, властолюбивых нянь и гувернанток, от жестоких друзей, от холодной, не понимающей его сердца супруги.

От всего мира, если пришлось бы, но...

Не уберег даже от собственного отца.

Только подумать, он жалел этого человека! Приходил в его дом и выказывал соболезнования. Поддерживал, как умел, сам страдая в душе и распадаясь на части от дикой, необузданной боли, которой, не понимая, не замечая, никто не мог сострадать.

Свою боль он нес один на один.

И внешне, быть может, казался холодным как лед.

Но в душе догорало последнее, что оставалось живого...

И он пестовал пепел не ради себя — ради Грейс, мечтал увидеть ее опять прежней. Обнять СВОЮ девочку, а не ту оболочку, которой она покрыла себя во избежание горя...

Он едва ли поверил, когда в очередной раз явившись в больницу, ощутил теплые руки,

оббившие его шею: «Папочка, дорогой, я вспомнила всё. И просто обязана видеть Мишеля!»

— Мне сообщить ему о тебе? Он заберет тебя из больницы.

— Нет, нельзя ему говорить: он меня не отпустит.

— Почему?

Взгляд, которым его милая Грейс на него посмотрела, снарядом взорвался в душе Ричарда Стаффорда. Даже в глазах потемнело после нескольких вспышек.

— Я расскажу тебе, только не делай скоропалительных выводов — я ни в чем пока не уверена. Хорошо?

Он обещал быть спокойным... и был. Целых тридцать восемь часов и шестнадцать минут. А потом, прихватив револьвер и снотворный свой порошок, он отправился на свидание с тем, кто убил его внука.

После того, что поведала ему Грейс, он как-то сразу уверился: де Моранвилль виноват. Пусть дочь и пыталась себя обмануть, придумывая ему оправдания, Стаффорд, разворошив пепел внутри, преисполнился дикой решимости отомстить за любимого внука.

И одного его жалкого вида, когда он, распластавшись по полу, был белугой, ему было мало.

Грейс неправа: такое невозможно простить.

И оставить.

Он ведь пьян и едва ли что-нибудь вспомнит на утро...

Так и продолжит жить дальше, а мальчик, задушенный им, давно рассыпался в прах.

Стаффорд вернулся, точно уверившись, что Грейс с Кэмпбеллом покинули это место. Опять прошел через сад, скользнул в неплотно прикрытую дверь (он нарочно ее не захлопнул, когда уходил) и вошел в библиотеку...

В руке он держал револьвер.

— Стаффорд, дружище, ты здесь зачем? — пьяно проблеял де Моранвилль. — Пришел пропустить со мною стаканчик? — Он схватил недопитый стакан с алкоголем, в который раньше, придя сюда с Грейс, Ричард Стаффорд подсыпал свой порошок, и осушил его одним длинным глотком.

— Ты убил моего внука, Мишель, — убийственно холодно произнес его гость. — И ты должен за это ответить.

— Что... ик... — пьяница кое-как сфокусировал на нем взгляд, — ответить... Я... ик... не совсем понимаю...

— Не понимаешь? В самом деле, убийца? — Стаффорд поднял револьвер и нацелил его мужчине в лицо. — Моя дочь, может быть, и способна простить тебя, что ж, она всегда была доброй девочкой, но не я. — Рука его задрожала, и говоривший сильнее сжал пальцы на рукояти. — Ты не смеешь жить, когда умер Анри. Как вообще можно жить с таким грузом на сердце? — спросил он, теряя свое хладнокровие. Вскипели слезы в глазах. Он сморгнул. Раз-другой. — Как, Мишель? Я бы сам всадил в себя пулю, лишь бы унять эту боль... Или ты не страдаешь и это все лишь игра?

— Я... я... — с трудом ворочая языком попытался выдать де Моранвилль, но осмысленности в его глазах не было, как, впрочем, и сожаления. Или страха. В них, этих пустых, залитых алкоголем глазах, не было ничего, кроме зияющей пустоты. И она поглотила его, когда голова его, дернувшись, завалилась на спинку кресла, откинувшись так, что кадык, казалось, вот-вот прорвет тонкую кожу.

— Де Моранвилль? — позвал Стаффорд. — Отвечай мне, проклятый убийца!

Но тот, усыпленный, если и не алкоголем, то убойной дозой снотворного, громко всхрапнул.

Именно этого и желая, застать мужчину полностью беззащитным (Стаффорд знал, что в честном бою ему зятя не одолеть), теперь он все-таки пожалел, что тот отключился так рано: пусть бы ответил, что на самом деле у него на душе. Сожалеет ли он по-настоящему.

Приходит ли призрак Анри в его сны, как случается это с ним каждую ночь.

Каждую ночь, когда, не умея заснуть без снотворного порошка, он все же проваливается в кошмар, в котором снова и снова незримые руки душат его любимого мальчика, а он не может помочь...

Ричард Стаффорд зажмурил глаза, вспоминая, как наяву тот самый ужас, что испытывает во снах, те отчаяние и боль, муку сильнее любой, испытываемой донине, — и пальцы его на рукояти оружия перестали дрожать.

— Проклятый убийца! — в сердцах выплюнул он и... нажал на курок.

Что-то теплое брызнуло в лицо Стаффорду, терпко пахнуло кровью и... ужасом. Он проморгался, возвращая себе ясность зрения, затуманенного кошмаром, и увидел вместо де Моранвилля... страшного монстра с развороченной головой.

В ужасе впившись зубами в свой же сжатый кулак, он с трудом сдержал рвущийся крик. Тот застопорил горло, щекоча нёбо... Вот-вот прорвется.

Дышать, только дышать!

И не кричать.

Стаффорд отбросил прочь револьвер и бросился прочь из комнаты. На бегу обтер платком капли с лица... Ярко-алые. Тошнотворно-колючие, будто иглы, впивавшиеся в лицо.

И поймал кэб, внутри которого и кричал снова и снова, но не вслух. Про себя. Так, что сердце едва не взорвалось... И едва не лопнули легкие.

Он не помнил, как добрался до дома, как тщательно вымылся и спалил в камине окровавленную одежду, даже, как вышел к гостям, помнил смутно...

Очнулся уже за столом, когда гости заспорили о политике, а какой-то новый парнишка — что-то в нем Стаффорда привлекло — заступался за бедняков. Глупый ребенок, все это просто ничтожно по сравнению с тем, что случилось сегодня!

Всё ЭТО — он обвел столовую в своем доме и сидящих гостей за столом одним быстрым взглядом — всё ЭТО не имеет значения. Никакого!

Все ЭТО ничто, когда ты убил человека, а вынужден притворяться нормальным...

Но он, Ричард Стаффорд, давно не нормальный.

С самого первого вдоха, когда родила его мать, он был не таким, как другие — увечным. Если не телом, то, конечно, душой — и вот результат.

Сам давно будучи мертвым, он убил человека...

И его окровавленный лик вряд ли когда-то отпустит его.

Как и призрак Анри в его снах...

В тот момент за столом Ричард Самуэль Стаффорд понял ясно, как никогда, что его душевную омертвелость нужно сравнивать с омертвелостью тела.

В конце концов, железная пуля ненамного страшнее постоянного, гложущего до иступления одиночества...

Больше книг на сайте - Knigoed.net